

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ И УКРАИНЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ
РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРИОД 2014 – 2020 гг.**

Москва
ИМЭМО РАН
2014

УДК 323(477)
ББК 66.3(4Укр)
Внут 608

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Сборник подготовлен в рамках исследовательского проекта РГНФ № 12-03-00184а

Ответственные редакторы – В.И. Пантин, В.В. Лапкин

Рецензенты:
доктор политических наук, А.С. Железняков,
доктор исторических наук, профессор, В.Г. Хорос

Внут 608

Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014–2020 гг. / Отв. ред. – В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 120 с.

ISBN 978-5-9535-0413-3

В сборнике статей рассмотрены наиболее важные причины политического кризиса в Украине, а также проблемы и перспективы развития российско-украинских отношений. Особое внимание авторы уделили внутриполитическим процессам в украинском обществе, факторам его дестабилизации и возникновения политических конфликтов. В статьях сборника показана связь между внутриполитическими конфликтами в украинском обществе и процессами интеграции Украины с Европейским союзом и Россией. Сборник предназначен для политологов, социологов, экономистов, историков, экспертов и политических деятелей.

Internal Political Processes in Russia and in Ukraine and Prospects of Russian-Ukrainian Relations in 2014 – 2020. / Eds. by V.I. Pantin, V.V. Lapkin. – Moscow, IMEMO RAN, 2014. – 120 p. ISBN 978-5-9535-0413-3.

The most important reasons of political crisis in Ukraine as well as the problems and prospects of Russian-Ukrainian relations are considered in these collected articles. The authors paid the main attention to internal political processes in Ukrainian society and to the factors of its destabilization and emergence of political conflicts. Linkage between internal political conflicts in Ukrainian society and the processes of Ukraine's integration with European Union and Russia is demonstrated. The collected articles are addressed to political scientists, sociologists, economists, historians, experts and politicians.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0413-3

© ИМЭМО РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Часть I. Исторические предпосылки украинского кризиса	
<i>Баринев И.И.</i> Украинцы между Романовыми и Габсбургами: генезис политической нации.	8
<i>Баринев И.И.</i> Образ «врага» и «чужого» в украинской националистической мысли.	21
<i>Баринев И.И.</i> Украинский национализм в прошлом, настоящем и будущем.	28
Часть II. Внутривполитические процессы в украинском обществе и проблемы интеграции Украины с ЕС и с Россией в период президентства В. Януковича	
<i>Пантин В.И., Лапкин В.В.</i> Внутри- и внешнеполитические факторы интеграции Украины с Россией и ЕС	36
<i>Пантин В.И., Лапкин В.В.</i> Тенденции политического развития современной Украины: основные риски и альтернативы	46
<i>Лапкин В.В., Пантин В.И.</i> Перспективы интеграции России и Украины в свете внутривполитических процессов в двух странах	57
Часть III. Политические процессы на Украине в условиях кризиса государственности и перспективы российско-украинских отношений	
<i>Лапкин В.В., Пантин В.И.</i> Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геэкономический аспекты	73
<i>Лапкин В.В.</i> Революция versus эволюция: украинский казус постсоветского политического процесса.	94
<i>Пантин В.И.</i> Украина: истоки и перспективы развития политических кризисов.	105
Заключение	116
Об авторах	119

Сборник подготовлен в рамках исследовательского проекта
Российского гуманитарного научного фонда № 12-03-00184а
«Влияние внутривполитических процессов в России и Украине
на российско-украинскую интеграцию: анализ и прогноз»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных статей посвящен анализу внутривосточных процессов в сегодняшней Украине и России, а также исследованию перспектив непростого и нелинейного развития российско-украинских отношений в ближайшем будущем, включая и интеграционные и дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве, на пространствах Евразии и Большой Европы. Интересно отметить, что план издания сборника и начало работы над ним датируются концом 2011 г., т.е. задолго до того, как события в Украине привлекли к себе всеобщее внимание. Дело в том, что уже в то время авторам сборника, в течение многих предшествующих лет исследовавшим внутривосточные процессы на территории Украины, было ясно, что глубокий культурный и социально-политический раскол украинского общества, перерастающий с 2004 г. в острое политическое размежевание, неизбежно приведет к фундаментальным потрясениям политического строя. Особенно очевидным это стало по мере проявления последствий конституционно-правовой и институциональной коррозии, инициированной событиями 2004 г., а также глобального финансового и экономического кризиса 2008-2009 гг. и последующей общей дестабилизации мирового порядка. Тем не менее острота и драматизм внутривосточных процессов, развернувшихся на территории Украины, оказались столь велики, что даже для многих специалистов по Украине это стало определенной неожиданностью.

Авторы сборника не могли не затронуть проблемы изучения истоков и предпосылок бурных событий, потрясших украинское общество в конце 2013 – начале 2014 гг., что стало закономерным продолжением их прежних многолетних исследований социально-политических, ценностно-идентификационных и идеологических процессов в украинском обществе. Принципиальной установкой авторского коллектива при подходе к изучению этих весьма острых и даже драматических событий и процессов являлось следование научным, академическим принципам объективного анализа, избегая идеологической предвзятости, политической ангажированности, эмоциональных оценок и упрощенных трактовок. Этим, как мы надеемся, настоящий сборник принципиально отличается от большого числа публицистических статей, посвященных актуальным украинским событиям, а тем более – от пропагандистских материалов, порождаемых текущими информационными войнами. Конечно, некоторые оценки, приведенные в статьях сборника, со временем неизбежно будут уточняться и корректироваться, но в целом его статьи ориентированы на изучение долговременных, фундаментальных политических изменений и основаны на продолжительных исследованиях и анализе значительного материала.

Сборник состоит из трех разделов, в которых последовательно рассмотрены историческая канва формирования украинского общества, социально-политическая ситуация на Украине в последние годы, а также проблемы и противоречия, обусловившие текущий кризис и текущие процессы глубокого кризиса украинской государственности, кризиса самоидентификации украинского общества, его политической, экономической, ценностной и социокультурной сфер. В целом структура сборника, в который вошли тексты,

опубликованные ранее (в 2012-2014 гг.) в ведущих российских исторических и политологических журналах и приводимые, как правило, в обновленной авторской редакции, дает возможность проследить, как на протяжении этих трех лет, насыщенных переменами, авторы продвигались в постижении смысла происходящего. Важно особо отметить то обстоятельство, что изначальный социокультурный раскол Украины, который в постсоветский период трансформировался в раскол политический, усилиями ее олигархической элиты стал фактором поляризации украинского общества, затянутого в «геополитические жернова» между Евросоюзом и Россией. Тем самым казус украинского постсоветского развития постепенно приобретал все более значимые для мира масштабы, а развитие политического кризиса на Украине выявляло для современной Европы шокирующие и внушающие тревогу перспективы. Так, оказалось, что потенциал «балканизации» Европы был отнюдь не исчерпан более чем десятилетие тому назад. Оказалось, что Европа не защищена от эксцессов государственной несостоятельности и революционной, насильственной смены власти, от грубого попрания права и законности. Оказалось, что в Европе по-прежнему возможны полномасштабные «революционные» войны, на сей раз с применением тяжелых вооружений против гражданских объектов. Задача научного осмысления всех этих перемен и всего нового политического и социокультурного опыта последнего полугодия, всего того, что представлялось невозможным еще в начале текущего года, сегодня как никогда актуальна. Авторы не претендуют на исчерпывающие ответы, но полагают, что анализ и углубленное изучение украинского казуса, во что они вносят свой посильный вклад, позволит существенно продвинуться в понимании острейших противоречий современного глобального развития, новых форм внутристрановой и международной политики, которые возникают как ответ на вызовы современной кризисной эпохи.

В первом разделе сборника «Исторические предпосылки украинского кризиса» рассмотрены основные особенности, сложности и противоречия генезиса украинской нации, а также факторы и причины, способствовавшие возникновению различных форм украинского национализма, как умеренного, так и радикального толка. При этом значительное внимание уделено тем проблемам и переломным периодам украинского развития, которые не получили достаточного освещения в отечественной исторической и политологической литературе, но которые имеют важное значение для понимания не только прошлого Украины, но и событий, происходящих в ней в настоящее время, буквально на наших глазах.

Во втором разделе «Внутриполитические процессы в украинском обществе и проблемы интеграции Украины с ЕС и с Россией в период президентства В. Януковича» проанализированы основные тенденции политического развития постсоветской Украины в 2010-2013 годах. Особое внимание уделено тому важному обстоятельству, что внутриполитические процессы в украинском обществе, включающие многочисленные социальные и политические конфликты, в немалой степени определяли и определяют перспективы интеграции Украины как со странами Евросоюза, так и с Россией. Предметом исследования стала и другая сторона этой взаимосвязи: То как интеграционные процессы на европейском и евразийском пространстве влияют на внутриукраинские политические изменения и трансформации. В итоге

научное описание дано достаточно сложной и динамичной (а подчас и драматичной) картине политического и экономического взаимодействия Украины как со странами ЕС, так и со странами СНГ.

Наконец, третий раздел «Политические процессы на Украине в условиях острого кризиса государственности и перспективы российско-украинских отношений» посвящен различным аспектам текущего (весны-осени 2014 г.) украинского кризиса и его влияния на российско-украинские отношения. Несмотря на нынешнюю конфронтацию и отказ Украины от экономической интеграции с Россией и другими странами Евразийского союза, можно утверждать, что рано или поздно сегодняшней тренд на дезинтеграцию вновь сменится интеграционным, нацеленным на восстановление нормальных добрососедских отношений между Россией и Украиной, тесно связанных и во многом зависящих друг от друга. Авторы полагают, что до 2020 г. российско-украинские отношения переживут еще немало поворотов, связанных как с внутривнутриполитическими процессами в России и Украине, так и с внешнеполитическими сдвигами. Поэтому не только ученым, но и государственным деятелям необходимо трезво и взвешенно подходить к сегодняшней ситуации, ориентируясь на перспективы дальнейшего развития.

Исследование и подготовка сборника проведены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-03-00184а.

Авторы статей сборника:

И.И. Баринов – кандидат исторических наук, эксперт Центра политической конъюнктуры.

В.В. Лапкин – ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Полис. Политические исследования».

В.И. Пантин – доктор философских наук, заведующий Отделом внутривнутриполитических процессов ЦЭСПИ ИМЭМО РАН.

Часть I.**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА****УКРАИНЦЫ МЕЖДУ РОМАНОВЫМИ И ГАБСБУРГАМИ:
ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ.****И.И. Баринов**

Впервые опубликовано в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание», № 1 (2012).

Вторая половина XIX века в Европе стала по сути решающим временем для всей последующей европейской истории. Именно в эту эпоху сильно проявились те сюжеты, которые известный британский историк Эрик Хобсбаум называл «политическими последствиями индустриального развития»¹. Революция 1848 г., всколыхнувшая до этого достаточно вялые национальные требования некоторых народов, передала эстафету ряду локальных европейских военных конфликтов, обусловивших формирование блока противоречий и будущих политических и стратегических союзов европейских держав. Все это, вместе с вышеупомянутым индустриальным развитием, выдвинуло на первый план главных действующих лиц новой эпохи – политические нации.

Национальное строительство в России и Австрии

Революция 1789 г. во Франции и последовавший революционный террор вызвали в Австрии и России антипатию ко всему революционному. Последовавшие за революцией наполеоновские войны обусловили возникновение либерального национализма Фихте и Гумбольдта в германских землях, наиболее подверженных французскому влиянию, и стали причиной реакции в России.

Несмотря на сходную в целом оценку революционных событий двумя этими странами, каждая из них имела собственные особенности оценки и восприятия произошедших событий. Германские земли, начиная со времен средневекового партикуляризма, мечтали о государственности, иллюзией которой для них представляла Священная Римская империя. Для них революционные события во Франции стали по сути толчком к образованию национального государства. Россия, воспринявшая культурный дискурс французского Просвещения, однако, впитала его принципы не в аутентичном виде, а подменив собственными, более близкими русскому человеку, понятиями. Так, к примеру, демократическая Декларация прав человека и гражданина выразилась в эгалитарной роли православия как конституирующей основы нации.

К середине XIX века в Европе утвердились два тренда национализма, ориентация на которые будет оказывать значительное, если не решающее, влияние на политическое развитие той или иной нации. Эти тренды, отталкиваясь от многовековых, обусловленных историческими, психологическими и правовыми факторами традиций разных народов, в итоге стали выразителями двух противоположных путей, как выразился бы

¹ Хобсбаум Э. *Век капитала 1848-1875*. Ростов-на-Дону, 1999. С. 60.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

американский политолог Габриэль Алмонд, «субъективной ориентации в политике внутри нации»², – общности по культурному и общности по этническому признаку. Именно эта «субъективная ориентация», вкупе с политической традицией, дала жизнь русской имперской формуле «православие – самодержавие – народность» и открыла второе дыхание у германского либерального национализма. Институциональное отличие здесь, при этом, крылось в том, что русский народ к тому времени обладал (по крайней мере, внешне) централизованным государством уже три столетия, тогда как германские земли оставались раздробленными.

Сами австрийцы, к которым немцы относились и до сих пор относятся в значительной мере презрительно, следовали, тем не менее, тому же метанарративу об этнической сущности нации, что и немцы. Национализм австрийцев, правда, носил меньшие масштабы: как писал австрийский политик Виктор фон Андриан-Вербург, такой национальности как «австриец» не существовало, национально-историческое развитие Австрии должно было рассматриваться скорее с точки зрения развития отдельных регионов, а не единого государства, а «мелочный патриотизм австрийца охватывал не больше чем его деревню, максимум провинцию»³. В этом отношении выдвижение на авансцену европейской политики Бисмарка стало выигрышной картой немцев. Бисмарк сделал ставку на складывавшиеся в течение веков немецкие добродетели, прибавив к ним идею государства, в котором индивидуум и нация выступали бы как единое целое. В результате немцы, еще в середине XIX в. рассматривавшиеся соседями как непрактичные мечтательные обыватели⁴, живущие в своем микрокосме, совершили стремительный рывок к национальному государству, затем включившемуся в борьбу за свое место под солнцем. Таким образом, национальное государство, долгое время являвшееся целью, стало концепцией правящих элит Германии, в русле которой и следовала дальнейшая ее политика в Европе и мире. Австрия, изначально воспротивившаяся такому повороту событий, быстро сдала свои позиции в результате трех неудачных войн и уже с 1870-х гг. покорно следовала в фарватере объединившейся Германии.

Помимо двух государствообразующих народов, свои устремления к национальному самоопределению стали проявлять и народы без государства. Так, в Австрии интересным явлением стало чешское национальное движение. В условиях четкой (в отличие от России) германской привязки к этническому происхождению, чехи, изначально представлявшие, что нация конституируется не только этничностью, но также и языком, культурой и религией, в итоге избрали схожую позицию в отношении всех, кто не являлся чехами по рождению.

В России же в определенном роде феноменом стало украинское национальное движение, изначально возникшее на основе культурно-языковых требований, однако со временем резко политизировавшееся. Связанная с русской интеллигенцией как генетически, так и культурно и религиозно, украинская интеллигенция со временем заняла позиции, опосредованно схожие с немецкими. При этом, по словам известного британского исследователя

² Пленков О. *Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм*. СПб., 1997. С. 25, 28.

³ Andrian-Werburg V.F., von. *Oesterreich und dessen Zukunft*. Hamburg, 1843. P. 7f.

⁴ Ibid. P. 112.

Бенедикта Андерсона, вторичность национализмов Центральной и Восточной Европы была видна не только по отношению к самому смыслу существования нации (когда акцент сильно смещается к ее оформлению как к конечному результату), но и в неадекватности их социально-экономическим условиям национализмов-прототипов⁵. В этом отношении и чехи, и украинцы явили собой по-своему весьма любопытные примеры.

Историко-политическая индивидуальность чешских земель была во многом обусловлена их непростыми отношениями с центральными австрийскими властями, прежде всего, в национальном плане. Как писал австрийский историк Роберт Канн, в Австрии национальный вопрос представлял собой «конфликт между требованиями различных народов и претензиями империи, государства»⁶. К тому же, «для чехов, территория поселения которых полностью принадлежала ядру австрийского государства, осуществление требований автономии состоялось бы неизбежно труднее, чем, к примеру, у австрийских поляков»⁷. Несмотря на то, что, как отмечает чешский историк Вратислав Дубек, чешская позиция вообще характеризовалась «расколотостью» между западным влиянием и восточнославянской традицией⁸, находившаяся в немецкой орбите Богемия все отчетливее перенимала особенности германской традиции национализма. Это выражалось даже в том, что чешский национализм в своем желании утвердить свою первичность все более демонстрировал свое происхождение от классических постулатов национализма немецкого, таких как единение на основе этничности, понятие «идеального отечества», в котором не место другим, якобы пришлым, народам. Импульс чешскому национализму, как в свое время и немецкому, придало и бурное экономическое развитие богемских земель в 1860-х гг., и возникновение собственной чешской буржуазии.

Наиболее показательным в отходе от «восточнославянской» (на самом деле французской просвещенческой) традиции стал славянский съезд 1867 г. в России, одно из самых выдающихся событий в политической жизни чешского национального движения того времени. Съезд совпал с повторным выдвиганием на передний план славянофилов – представителей одного из русских общественных движений, выступавшего, помимо прочего, за политическое и культурное единение славянских народов под эгидой России. Стоит заметить, что славянофильство было не просто общественным движением, а представляло собой настоящее религиозно-философское учение, причем в своих исторических воззрениях славянофилы романтически идеализировали общий дух славянства и времена старой, допетровской Руси. Тем не менее, представление славянофилов о самодержавном православном русском государстве плохо коррелировало с действительностью, хотя бы потому, что, во-первых, Россия всегда была многонациональной страной, во-вторых, ее политические элиты были

⁵ Цит. по: Миллер А. *Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)*. СПб., 2000. С. 10-11.

⁶ Kann R. *Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie*. Graz-Wien, 1964. Vol. 1. P. 40f.

⁷ Scharf Ch. *Ausgleichspolitik und Pressekampf in der Ära Hohenwart: die Fundamentalartikel von 1871 und der deutsch-tschechische Konflikt in Böhmen*. München, 1996. P. 28.

⁸ Дубек В. Между Венной и Москвой. Славянская концепция и образ России в чешском обществе XIX в. // *Родина*. 2001. № 1. С. 105.

европеизированы и поддерживали тесные связи с монархическими династиями и аристократическими родами Европы⁹, а, в-третьих, те позиции, которые славянофилы отводили крестьянству как ядру нации и самому национальному принципу государства, противоречили самодержавному характеру власти¹⁰. Мало того, вера в славянскую интеграцию и духовное единение не заняла умы большей части общества, оставшись прерогативой небольшого круга заинтересованных лиц, зато ее подхватила германская публицистика, подогревавшая опасения насчет территориальной экспансии России. В ней возникал образ славянофилов, «чья ложь почти полвека настраивала русскую общественность против Германии»¹¹, а следуя логике немецких публицистов, и против всей Европы.

Очевидная австрийская ориентация лидера чешского национального движения Франца Палацкого, который считал, что только Австрия способна обеспечить историко-политическую индивидуальность Богемии¹², и неудачный зондаж чехами официального Петербурга на предмет помощи в борьбе за национальное государство закончился тем, что русские духовно-нравственные устремления, которые в свое время уже были заклеены чехами как «схизматизация и московитизация»¹³, не нашли своего практического приложения в деятельности чехов. Желание добиться максимальной выгоды от сближения с дружественным контрагентом – Россией – граничило с фактическим, вопреки высказываниям, нежеланием покинуть конституционные рамки Габсбургской монархии, что приводило к бесперспективности данного сотрудничества. Русское правительство, которое, к слову, также не разделяло славянофильской и панславистской патетики, не дало лидерам чешского движения никаких конкретных обещаний ввиду их очевидно неустойчивой позиции. Таким образом, можно говорить, что уже в 1860-х гг. русское общество было больше склонно к имперскости, нежели к панславизму и тем более национализму.

Нужно также отметить, что, поскольку национализм автоматически означал расширение политического участия нации в жизни общества и деятельности государства, он оказался несовместим с русским самодержавием. Более того, возникал и экзистенциальный вопрос о том, кого же следовало относить к русским? Как полагает российский историк Алексей Миллер, в России второй половины XIX века претендовали на главенствующую роль три идеологии: империализм, русский национализм и панславизм. В первом случае во главу угла ставилось политическое влияние и не всегда и не столько национализм, во втором – игнорирование требований (в частности, политических) этнически нерусских народов. В третьем же случае политическая доктрина строилась исходя из интересов всеславянской общности¹⁴. Другими словами, четкой установки, кто именно считался русским, не было. Именно это

⁹ Павленко О. «Славянский фактор» в отношениях России и Австрии в 40–60-ые годы XIX века. / *Славяно-германские исследования*. М., 2000. Т. 1. С. 244.

¹⁰ Сергеев С. *Пришествие нации?* М., 2010. С. 192.

¹¹ Pohle R. Rußlands Ländergier. / *Die russische Gefahr. Beiträge und Urkunden*. Stuttgart, 1916. Vol. 1. P. 21f.

¹² Palacký F. *Idea státu Rakouského*. Praha, 1865. P. 47.

¹³ *Oesterreich und die Völker Oesterreichs nach dem Kriege im Jahre 1866*. Prag, 1866. P. 31.

¹⁴ Миллер А. *Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)*. СПб., 2000. С. 35.

отсутствие национальной детерминации в политическом смысле и имперскость впоследствии позволили германской пропаганде эксплуатировать мысль о России как деспотичной «тюрьме народов»¹⁵.

Украинская идея и европейские исторические императивы

Говоря об отношении населения русских и украинских земель к одной этнической общности, следует помнить несколько принципиальных моментов. Идея единства русских и украинцев, озвученная выдающимся русским историком Н.М. Карамзиным, имела гораздо более глубокие корни и вела свое происхождение от «Киевского Синописа» – появившегося в Киеве в 1674 г. исторического сочинения, указывавшего на неразрывное единство Великой и Малой Руси, объединявшего тем самым династическую и религиозную традицию киевских и московских князей. Впоследствии этот тезис был развит другим русским историком XIX века, одним из авторов парадигмы «православие – самодержавие – народность», – Н.Г. Устряловым, считавшим, что Россия существовала уже в XII веке, и русская нация оказалась раздроблена после вхождения Украины и Белоруссии в состав Польши.

Тем не менее, в социально-политическом отношении все было гораздо сложнее. Сословный фактор как довлеющий признак средневековья обусловил в украинских землях (в отличие от русских княжеств) резкое, до поляризации, социальное расслоение. На Украине крупные феодалы (магнаты) и знать рангом помельче (шляхта) являлись этническими поляками, тогда как крестьянская масса была русской (в то время еще не существовало понятие «украинец»). По мнению британских экспертов начала XX века, украинцы впервые ощутили себя нацией именно в годы восстания Богдана Хмельницкого (1648 – 1649 гг.), до этого же их связывала общая история с русскими (великороссами) и белорусами. Гетманат как форма политической организации, таким образом, стал выражением чаяний населения Украины об избавлении от польского доминирования¹⁶. Несомненно, к Переяславской раде 1654 г. население Украины подошло с гораздо более выраженным, в силу экономической и религиозной дискриминации со стороны поляков, национальным сознанием, нежели таковое было у населения Московского государства.

Московское государство, в это время как раз переживавшее расцвет сословно-представительной монархии и не испытывавшее подобного Украине гнета, резонно рассматривало население украинских земель Речи Посполитой как единоплеменников и братьев по вере без какой-либо этнической коннотации. Этим объясняется двойственность договора о объединении, который, с одной стороны, сохранял привилегии края, а с другой – стал как бы монаршей милостью русского государя¹⁷. Переговоры, которые, по мнению «отца украинской историографии» М.С. Грушевского, «велись на скорую руку»¹⁸, в целом, привели к благоприятному результату. Единственным острым углом

¹⁵ Koenen G. *Der Rußland-Komplex: die Deutschen und der Osten, 1900-1945*. München, 2005. P. 53.

¹⁶ The Ukraine. *Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office*. London, 1920. P. 53.

¹⁷ Михутина И. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века)*. М., 2003. С. 8-9.

¹⁸ Грушевский М. *Украинский вопрос*. СПб., 1907. С. 6.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

осталась внешнеполитическая свобода, ограниченная московскими властями, что обусловило последовавшие позже попытки гетманов, остававшихся, как считают современные украинские исследователи, «номинальными вассалами» Москвы¹⁹, найти себе других покровителей – от Турции до Пруссии²⁰. Вместе с тем, после ликвидации зависимости от Польши, ведущую политическую роль в украинских землях стремилась взять на себя казачья старшина. Простое же население, по достаточно тенденциозному мнению Грушевского, выступавшее «и против Москвы, и против старшины»²¹, действительно оказалось в некоем политическом вакууме, в котором и находилось длительное время, сосредоточившись больше на социально-экономических аспектах своего бытия.

Нынешняя территория Восточной Украины была окончательно закреплена за Россией только после Вечного мира 1686 г. с Речью Посполитой, а Правобережье еще более века оставалось в ее составе, пока к концу XVIII века Украина окончательно не была разделена между Австрией и Россией. Вместе с раздробленностью, по мнению европейских аналитиков, сошла на нет и сама украинская идея, и если раньше ей могла помочь «реальная поддержка со стороны казачества», то со временем оно либо исчезло (после ликвидации остатков гетманской автономии на Украине ввиду унификации государственного управления), либо «растворилось в верных престолу донских и кубанских казаках»²². Кроме того – и это представляется в данном контексте очень важным – в результате присоединения Правобережной Украины в состав России влился значительный массив сильно полонизированной шляхты, которая, по мнению российского историка Ирины Михутиной, спустя короткое время и спровоцировала политическую активность украинского населения²³.

Вместе с тем, если положение украинского населения областей, вошедших в состав России, улучшилось хотя бы в национальном и религиозном плане, то положение жителей западных областей осталось неизменным: и в составе Австрии они продолжали испытывать этническую и религиозную дискриминацию со стороны поляков. В ходе начавшегося национального подъема украинцев в 1840 – 1850-х гг. – как в русских Слобожанщине и Надднепрянщине, так и в австрийской Галиции, – обе неравные части будущей Украины первоначально выдвигали требования культурно-языкового характера. При этом, что важно, говоры русской части Украины существенно отличались от того языка, на котором говорили в Галиции, основанном больше на церковнославянском. Однако очень скоро эти требования, которые из-за сословного размежевания долго не принимали политическую окраску²⁴, перешли в политическую плоскость, что было обусловлено несколькими факторами.

Во-первых – и это стало одним из главных следствий революции 1848 г. – молодые народы Европы (в первую очередь, славянские) попали под общий этнообразующий тренд европейского Модерна и пошли по пути конструирования

¹⁹ Флоря Б. Переяславская рада 1654 г. и ее место в истории Украины. / *Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник.* М., 2005. С. 25, 32.

²⁰ Грушевский. *Украинский вопрос.* СПб., 1907. С. 9.

²¹ Там же. С. 8.

²² *The Ukraine. Handbook prepared under the Direction of the Historical Section of the Foreign Office.* London, 1920. P. 54.

²³ Михутина И. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века).* М., 2003. С. 14.

²⁴ Там же. С. 43-44.

собственного прошлого с сопутствующей его романтизацией. Но если чехи могли опираться и опирались как на свой опыт средневековой государственности²⁵, так и на общеавстрийский опыт «весны народов», то нарождавшаяся украинская интеллигенция (широкие народные массы еще долгое время оставались индифферентны к национальным опытам) в условиях структурного характера чужого доминирования могла обратиться только к Киевской Руси или, в меньшей степени, Галицко-Волынскому княжеству. При этом, если чехи порой шли на откровенный исторический подлог (создание историком Вацлавом Ганкой Краледворской и Зеленогорской рукописей, посвященных ранним событиям чешской истории, а также распространение мифов о разгроме татаро-монгольских войск чешскими отрядами под Легницей и Оломоуцем), то приверженцы украинской идеи, в отличие от своих особо рьяных последователей, понимали несоответствие молодой украинской культуры и украинского языка средневековым событиям и со временем стали просто отождествлять реалии украинского этноса с историческими реалиями общерусского Средневековья. Киевские князья, таким образом, стали украинцами, а «Слово о полку Игореве» – памятником средневековой украинской литературы²⁶. Тезис выдающегося представителя национального движения – Михаила Драгоманова – о всеславянской значимости русской литературы отвергался²⁷. Уже в 1940-е гг. украинские националисты станут называть Тмутораканское княжество «форпостом украинцев на Черном море»²⁸, а самих украинцев относить к скифам и подчеркивать, что название «Украина» было принято, чтобы отличаться от «москалей» с их Русью, и что влияние украинских князей Владимира и Ярослава было столь велико, что «при литовском и румынском дворах звучал украинский язык и законы тех народов были писаны по-украински»²⁹.

Интерес к собственному прошлому выливался, помимо прочего, и в поиски основы для исторического нарратива в народном творчестве и народной традиции. Это обращение к народным истокам, которое поляки в насмешку называли «хлопоманией»³⁰ (от польского «хлоп» – «крестьянин»), внесло определенный вклад в формирование образа «идеального отечества», экстраполируя романтические представления на запорожское казачество и времена гетманата. Свою роль здесь сыграло и влияние польской интеллигенции, продолжавшей рассматривать украинские земли как часть Речи Посполитой и стремившейся ментально противопоставить их России³¹.

²⁵ Rieger F.L. *Čechy, země i národ*. Praha, 1863. P. 286.

²⁶ Cehelskyj L. *Der Krieg, die Ukraine und die Balkanstaaten: Nicht ein Befreier, sondern ein Unterdrücker der Völker*. Wien, 1915. P. 7.

²⁷ Павлик М. *Драгоманов як політик*. Львів, 1911. P. 22f.

²⁸ Антонович М. *Історія України*. Прага, 1941. Vol. 1. P. 36.

²⁹ Божик П. *Коротка історія України*. Йорктон, 1945. P. 7, 16f. Это утверждение на самом деле появилось еще в годы Первой мировой войны, ср.: *Der Weltkrieg und das ukrainische Problem: ein Beitrag zur Aufklärung der gegenwärtigen politischen Lage*. Berlin, 1915. P. 9.

³⁰ Михутина И. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века)*. М., 2003. С. 23.

³¹ Миллер А. *Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)*. СПб., 2000. С. 54.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Во-вторых, стоит отметить, что у национального движения – или зарождающегося, или уже оформившегося – существовали мощные катализаторы, в числе которых, как указывал исследователь феномена национализма Мирослав Хрох, могли быть кризис старого порядка, характеризующийся новыми политическими горизонтами или конфликтами, возникновение разногласий между различными группами населения, падение традиционных нравственных устоев³². Складывающаяся нация нуждалась, кроме прочего, в отдельном пространстве, причем требование этого пространства основывалось на обращении к противоположным по содержанию реалиям: с одной стороны, к принципу территории, характеризующейся этнической однородностью своего населения как сообщества с одним языком и культурой, с другой стороны, к понятию исторической области с ее традиционными границами, в которых часто заключены и другие этнические группы в статусе меньшинства. В XIX веке вторая реальность приобрела особую важность для так называемых «исторических наций». Представители чешского движения неоднократно поднимали вопрос о том, что чешские земли никак не относятся к германскому ядру, поскольку, как уже было сказано выше, имели опыт государственной и политической организации.

Сторонники украинской идеи пользовались в своей риторике схожим тезисом, только по отношению к русским и полякам, представляя украинцев самостоятельной и самодостаточной нацией, лишенной государственности и злонамеренно разделенной на части. Что любопытно, эта теория появилась в австрийской Галиции, русинское население которой наиболее тесно контактировало с польским и, с одной стороны, находилась под постоянным административно-культурным прессингом, а с другой, живо впитывала идеи польской интеллигенции, так как Польша сама была разделена на неравные части между Пруссией, Австрией и Россией. По словам русского исследователя украинского сепаратизма С.Н. Щёголева, «доктрина об изолированности малороссийских культурно-политических интересов» окончательно оформилась во Львове к концу 1880-х гг.³³

В-третьих, нельзя забывать и о происхождении тех националистических тенденций, которые в указанное время предопределили весь внешнеполитический курс украинского движения на ближайшие семь десятилетий. Как считает американо-украинский историк Пол Магочи, существует два вида национализма: вдохновленный интеллигенцией и декларированный государством. Украинцы были народом без государства, поэтому у них возобладал первый вид. По мнению историка, развитие националистической доктрины происходило в три этапа: 1780 – 1840 гг. – собственно конструирование прошлого; 1840 – 1900 – организационная часть; 1900 – 1917 – построение политического дискурса³⁴. Именно во время второго этапа, о котором идет речь в данной статье, Австрия попыталась привить украинскому движению и государственный национализм. Для этих целей филологом Евгеном Желеховским в 1880-е гг. была разработана

³² Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. / *Нации и национализм*. М., 2002. С. 129.

³³ Щёголев С. *Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма*. Киев, 1912. С. V.

³⁴ Magocsi P.R. *The roots of Ukrainian nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont*. Toronto, 2002. P. 56.

система украинского правописания – «желеховка», в 1893 г. принятая в Австро-Венгрии на официальном уровне и вытеснившая «кулишовку» (систему правописания, предложенную фольклористом и этнографом Пантелеймоном Кулишом), украинское движение получало поддержку на государственном уровне. Со временем риторика украинцев (в данном случае речь идет не об этнической принадлежности, а о политической ориентации) стала напоминать риторику чешских либералов, подчеркивавших, что «Богемия с пиететом придерживается австрийской государственной идеи»³⁵. Однако, если, по словам Дубека, «еще в начале XX века для многих европейцев чехи оставались австрийцами, временами позволяющими себе поупрямиться»³⁶, то украинцев никто к австрийцам не относил. Если отличительной чертой лидеров чешского движения было политическое маневрирование и использование межгосударственных противоречий для утверждения своих требований, то украинцы в большинстве случаев действовали напрямую и были вынуждены формировать собственный политический дискурс, зависимый от ряда внутренних и внешних обстоятельств, методом проб и ошибок, узнавая, «какие уступки можно сделать общественной системе, или в отдельных случаях политическим структурам»³⁷. Со временем галичане были вынуждены смириться с австро-польской системой, и их ориентации стали проправительственными³⁸.

Между Романовыми и Габсбургами

В исторической литературе многократно описаны причины проукраинской политики австрийских властей: с одной стороны, это желание создать противовес полякам и ослабить их позиции, с другой – создать противовес России ввиду будоражившей умы венских политиков угрозы русской экспансии в Европе, в особенности в отношении земель, населенных славянами. Определенную роль в формировании данных опасений сыграл и интерес в натянутости русско-австрийских отношений у Германии, недавно объединившейся под эгидой Пруссии. Как считал Бисмарк, фактический правитель Германии того времени, напряженность между Австро-Венгрией и Россией была необходима Германии, чтобы использовать кого-нибудь на своей стороне³⁹. Вектор Берлина на ослабление русских позиций усилила, по мнению ведущего консервативного публициста того времени Пауля Рорбаха, опасность зависимости от России ввиду жажды реванша со стороны Австрии и Франции за поражения соответственно 1866 и 1871 годов⁴⁰. Недаром в 1880-е гг. в Германии озвучивалась идея создания Киевского королевства.

Столь же часто поднимались в историографии и вопросы об осуществлении русскими властями с определенного момента антиукраинской политики. Украинские исследователи со времен Грушевского придают этой политике строго репрессивные черты, описывая деятельность русских бюрократических

³⁵ *Oesterreich und die Völker Oesterreichs nach dem Kriege im Jahre 1866*. Prag, 1866. P. 20.

³⁶ Дубек В. Между Веной и Москвой. Славянская концепция и образ России в чешском обществе XIX в. // *Родина*. 2001. № 1. С. 107.

³⁷ Хобсбаум Э. *Век капитала 1848-1875*. Ростов-на-Дону, 1999. С. 102.

³⁸ Михутина И. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века)*. М., 2003. С. 37.

³⁹ Kjellén R. *Dreibund und Dreiverband*. München, 1921.

⁴⁰ Rohrbach P. *Weltpolitisches Wanderbuch 1897-1915*. Leipzig, 1917. P. 9.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

структур как инструментов ассимиляции украинской нации и растворения ее в едином имперском организме. Однако истина здесь кроется в другом.

Не отрицая имперский характер политической власти в России, здесь можно говорить не о насильственной ассимиляции, а о попытке государственной унификации, казалось бы, родственного славянского народа при помощи совершенно не соответствующей его политической традиции, да к тому же устаревшей и неадекватной наступившей эпохе парадигмы. Подобная деятельность русских властей была бесплодной, поскольку корень проблемы, как, кстати, справедливо полагали правительственные эксперты в Петербурге, находился в польском влиянии на Украине. В этой связи можно озвучить два вероятных вектора решения данной проблемы, не несущих слома существовавшей системы: или постепенно и разумно русифицировать интеллектуальную сферу в украинских губерниях (в том числе, с помощью введения начального образования на русском), или же поступить более радикально, переселив польских помещиков в Центральную Россию, где бы они ассимилировались, а русских помещиков – на Правобережную Украину. Однако русское правительство не пошло ни тем, ни другим путем, предпочитая двум вышеуказанным методам меры запретительного характера по отношению к украинскому языку и политическим организациям. Стоит заметить, что одинаково враждебно воспринимались как националисты – сторонники отделения Украины от России, так и украинские социал-демократы, хотя и выступавшие за автономию, но не рассматривавшие украинские земли в отрыве от общего государственного организма.

Тем не менее, социал-демократы порой в корне неверно оценивали ситуацию. Так, Микола Порш, один из лидеров Революционной украинской партии, а затем и Украинской социал-демократической партии, подчеркивал, что со времен Переяславской рады происходила сознательная русификация украинской жизни⁴¹, тогда как самодержавие наоборот отрицало этнический элемент власти. Порш называл Украиной то пространство, где «украинский народ превосходит все остальные»⁴², а также сравнивал аграрные украинские реалии с индустриальным развитием Великобритании⁴³. Гораздо оригинальнее и реалистичнее на этом фоне выглядела концепция украинских радикалов: с их стороны звучали призывы установить «всемирную украинскую республику», которую они называли «политическим идеалом»⁴⁴, фактически предлагая принципиально иной подход к пониманию «украинства» как основы политической нации, тот, который в наше время пытаются придать обозначению «россиянин». Похожая позиция присутствовала и у либералов. Так, востоковед и общественный деятель Агафангел Крымский считал, что «традиции прошлого не могут служить единственной основой для создания современной нации» и должны соотноситься с социально-политическими реалиями времени, а главной целью национализма является сама Украина⁴⁵.

⁴¹ Порш М. Про автономію України. Київ, 1909. Р. 5.

⁴² Ibid. Р. 26.

⁴³ Ibid. Р. 36.

⁴⁴ Павлик М. *Письмо українських селян-радикалів із Галичини та Буковини до селян-послів Російської державної думи в Петербурзі*. Львів, 1906. Р. 10.

⁴⁵ Шеремета Ю. Агафангел Кримський та ідея України: реконструкція національно і політичного самоусвідомлення. / *Проблеми історії України XIX – початку XX ст.* Вип. XIV. 2007. Р. 191.

Вместе с тем, Российская империя, являясь субъектом международного права, продолжала оставаться в рамках безнадежно устаревших, феодально-династических представлений о государственном строительстве в то время, когда уже начали формироваться предпосылки, обусловившие, по выражению Эрика Хобсбаума, разрушение старых моделей социальных взаимоотношений и крушение традиционных обществ⁴⁶. Интеллектуальное и общественное развитие, подъем национальных движений лишали субстанциональной основы средневековый тезис о «власти от Бога». С другой стороны происходил структурный кризис старого порядка, основанного на средневековом сословном разделении, а также на сублимирующей роли религии и династической лояльности.

Центральной власти по сути нечего было противопоставить местному украинскому национализму (равно как и польскому, финскому или еврейскому), кроме репрессивных законодательных актов, таких как Эмский указ 1876 г. об ограничении «малорусского наречия», поскольку, как уже говорилось выше, этноним «русский» не имел однозначной привязки, а «идейно-методологический инструментарий классического русского консерватизма был приспособлен к аграрному патриархальному обществу»⁴⁷ и не подходил к бурно развивающемуся буржуазному обществу последней четверти XIX – начала XX вв. Когда же в России назрела пора национализации власти, Николай II, как отмечает Миллер, вместо конструктивного диалога стал ориентироваться на правых экстремистов⁴⁸.

Кроме того, сказывался и глубочайший раскол между «высокой» культурой и укладом, «разрыв между императивами развития современной цивилизации и традиционалистической ментальностью людей»⁴⁹. В силу складывавшегося веками миропорядка как для русских, так и для украинских народных масс несравнимо ближе были социально-экономические реалии, нежели хитрости национального строительства. Если чешские либералы и радикалы еще могли поспорить между собой, кого рассматривать в качестве опоры национального движения – крупный капитал или средний класс⁵⁰, то в это же время большая часть населения будущей Украины была занята крестьянским трудом, а национальная буржуазия отсутствовала⁵¹. Наиболее насущным вопросом для крестьянства России вплоть до октябрьских событий 1917 г. был и оставался земельный вопрос, а то, что большинство украинцев клонилось к социализму, а не к национализму, признавала и немецкая консервативная публицистика⁵², и австрийская контрразведка⁵³. Социалистическим партиями даже пришлось отказаться от лозунга «самостийной Украины» из-за того, что он не нашел отклика у масс и вызвал беспокойство, не затруднит ли потенциальная национально-территориальная автономия Украины переезд на новые земли в Сибири и на

⁴⁶ Хобсбаум Э. Короткий двадцатый век, 1914-1991. М., 2004. С. 25.

⁴⁷ Сергеев С. *Пришествие нации?* М., 2010. С. 49.

⁴⁸ Миллер А. *Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)*. СПб., 2000. С. 11.

⁴⁹ Пантин И. *Россия и мир: историческое самоузнавание*. М., 2001. С. 6.

⁵⁰ Červinka F. *Český nacionalismus v XIX. století*. Praha, 1965. P. 112.

⁵¹ Magocsi P.R. *The roots of Ukrainian nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont*. Toronto, 2002. P. 47.

⁵² Rohrbach P. *Weltpolitisches Wanderbuch 1897-1915*. Leipzig, 1917. P. 50.

⁵³ Ронге М. *Разведка и контрразведка*. М., 2004. С. 126-127.

Дальнем Востоке⁵⁴, хотя впоследствии видный представитель национального движения Микола Зализняк и доказывал, что отделение Украины от России нанесет удар по русскому империализму и пойдет на благо всем социалистам⁵⁵.

В этой связи у интеллигенции, которую известный теоретик этничности Энтони Смит определял как главную несущую силу национальных движений, появлялась уникальная возможность формировать историко-психологический нарратив. Что любопытно, в этой связи вновь проявилось наследие Речи Посполитой. Так, если, по выражению американского историка Тимоти Снайдера, шляхтич мог быть этническим литовцем и одновременно действовать в политике как поляк⁵⁶, перед Первой мировой войной впервые выдвинулся будущий идеолог интегрального украинского национализма – Дмитрий Донцов, этнический русский.

Непреклонная позиция русских властей во многом облегчала задачу австрийскому правительству, которому оставалось только поддерживать национально-политические украинские стремления. Сторонники украинской идеи в Австрии и не заметили, как полностью перешли в германский дискурс об этнической основе нации. Впоследствии галицийскими украинофилами начнет распространяться тезис о том, что «русская армия, русская школа, русские власти подогревают национальные чувства украинцев» и что «украинское движение сугубо демократическое», поэтому «его невозможно подавить⁵⁷, а украинские социал-демократы, в зависимости от ситуации, станут оценивать культурное развитие украинских губерний по меньшему количеству неграмотных, нежели в великорусских областях⁵⁸.

Таким образом, со временем разнообразные идеи и мнения представителей украинского движения как в украинских губерниях России, так и в австрийских провинциях, населенных русинами, прежде всего, в Галиции, выкристаллизовались в концепцию, определявшую сущностные черты украинской нации и ее роли в истории. По мнению Алексея Миллера и его киевского коллеги, историка Георгия Касьянова, это был первый шаг на пути «национализации» украинцами своего прошлого. Так, украинская национальная доктрина подчеркивала, во-первых, уникальность украинской нации и государства и их естественность, во-вторых, этноцентричность (отождествление украинцев конца XIX – начала XX вв. с родственными им народами в более ранние времена). Наконец, устанавливался головной постулат об Украине как «цивилизационном пограничье»⁵⁹. Разрывы национальной истории компенсировались неразрывностью этнокультурной индивидуальности⁶⁰, что также являлось заимствованным из германской политической культуры сюжетом, который националистически ориентированный германский политик Макс Бём именовал «трансцендентальной сущностью»

⁵⁴ Михутина И. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века)*. М., 2003. С. 57, 67.

⁵⁵ Зализняк М. *Самостійна Україна – несоціалістичне гасло?* Відень, 1915. С. 2, 12.

⁵⁶ Snyder T.D. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*. New Haven-London, 2003. P. 24.

⁵⁷ Cehelskyj L. *Ukraina sveriges beriglömbda bundsförvani*. Stockholm, 1915. P. 10.

⁵⁸ Грушевский. *Украинский вопрос*. СПб., 1907. С. 27.

⁵⁹ Касьянов Г., Миллер А. *Россия-Украина: как пишется история: Диалоги – лекции – статьи*. М., 2011. С. 47, 49, 53.

⁶⁰ Kuziela Z. *Das ukrainische Volk. / Handbuch der Ukraine*. Berlin, 1941. P. 31.

немцев⁶¹. В данном конструировании национальной идентичности не обходилось и без передергивания исторических и политических фактов. Ярким примером подобных подтасовок может служить доклад украинского депутата австрийского рейхсрата, в прошлом радикала, занявшего националистические позиции, – Евгена Левицкого. Выступая в мае 1915 г. в Мюнхене, он указывал, что украинцы уже в V веке нашей эры жили на той территории, которую занимают и ныне, а в IX–XIV вв. Украина была «самым могущественным государством на востоке Европы»⁶². Киевское княжество времен князя Олега Левицкий называл «украинской империей»⁶³ и особо подчеркивал, что украинцы, в отличие от русских, сохранили исконно древнеславянский типаж⁶⁴.

Кроме того, в силу веяний тогдашней романтической традиции, отдельно стали артикулироваться антропологические различия между украинцами, русскими и белорусами. Тем самым активисты украинского национального движения, подобно своим чешским коллегам, стремились доказать собственное право на государственное строительство и становление в качестве субъекта, а не объекта национальной политики. Имели место и факторы негативного конструирования собственной идентичности: так, согласно одной из них, Россия, население которой всегда завидовало «более удачливым» украинцам, получила статус великой державы «только после присоединения Украины»⁶⁵.

Таким образом, к началу Первой мировой войны украинское национальное движение подошло уже с оформившимися концепциями политической нации и осознанием собственного культурного пространства. Если контролируемый австрийцами и немцами в годы войны националистический Союз Освобождения Украины и критиковался социалистами, как сказали бы в советское время, «за буржуазное соглашательство», то недолгое правление на Украине Центральной Рады в 1917–1918 гг. дискредитировало идеи социал-демократов, переоценивших созидательные возможности крестьянства. Неспособность добиться активной поддержки за рубежом и опыт соседней Польши, в которой идея национального государства пересилила социализм, окончательно склонил чашу украинских весов в пользу национализма. Не менее важным в этом контексте представляется и то, что историческое наследие формирования украинцев как политической нации до сих пор затрудняет русско-украинский диалог в области межнациональных отношений.

⁶¹ Boehm M.H. *Das eigenständige Volk in der Krise der Gegenwart*. Wien, 1971. P. 1.

⁶² Lewicky E. *Ukraine, Ukrainer und die Interessen Deutschlands: Rede gehalten am 7. Mai 1915 im großen Wagner-Saale zu München*. Berlin, 1915. P. 17f.

⁶³ Ibid. P. 18.

⁶⁴ Ibid. P. 16.

⁶⁵ Meyer-Heydenhagen M.W. *Land und Leute. / Ukraina. Hrsg. von Heinrich Lanz*. Berlin, 1918. P. 23, 38.

ОБРАЗ «ВРАГА» и «ЧУЖОГО» В УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И.И. Баринов

Современная социальная психология уверенно оперирует такими терминами как «Посторонний», «Другой» и «Чужой». Именно против последних двух категорий направлены те деструктивные, коренящиеся в подсознании силы и эмоции человека, которые существовали всегда и испокон века определяли страхи людей, а значит и их агрессию. Политическая наука показала, насколько инструментальным, полезным и действенным может быть рационализированный образ «Врага» в сфере международных отношений. Таким образом, формирование образа «Врага» является распространённым приёмом, с помощью которого те или иные заинтересованные силы без особых материальных затрат способны в тех или иных ситуациях (установление сфер влияния, политическое либо геополитическое противодействие потенциальному противнику) мобилизовать людские ресурсы внутри государства, лоббировать собственные интересы или влиять в нужную сторону на вероятный внутренний конфликт между властными структурами и обществом. Использование образа «Врага» в психолого-пропагандистских целях, как правило, нацелено на решение стратегических задач в сфере сохранения и приумножения власти. Вместе с тем бывает и так, что уже оформившийся образ «Чужого» выходит за рамки идеологических перипетий конкретного государства и перенимается иными политическими силами, сохраняя форму и содержание и одновременно вбирая в себя новые веяния.

Важным примером, несомненно, заслуживающим пристального рассмотрения, может стать конструирование образа «Врага» в украинской националистической мысли и массовом сознании. В ещё недавнее время можно было наблюдать весьма резкие выпады в сторону устоявшейся концепции роли России в украинской истории и во взаимоотношении двух стран вообще. Так, в официальном учебном пособии по истории Украины, рекомендованном Министерством образования Украины для студентов высших учебных заведений, можно было встретить утверждения, что геноцид украинцев, проводившийся в Российской империи, продолжился в Советском Союзе⁶⁶, а сам СССР именовался не иначе как «московский молот»⁶⁷. Между тем, это всего лишь поверхностное проявление процесса более глубокого и более важного – исторически долгого, имеющего под собой многовековую основу, социального конструирования образа Московского государства – России – Советского Союза как извечного, демонически злокозненного врага украинцев. Факт состоит в том, что еще в период Средних веков и Нового времени те или иные социальные процессы, исторические события и действия видных мыслителей заложили в сознании украинского этноса образы «Чужих». На их основе, уже в эпоху Модерна, были синтезированы и одновременно традиционализированы полноценные образы «Врага».

⁶⁶ *Історія України*. Київ: Дельта, 2006. С. 424.

⁶⁷ Там же, с. 421. Это выражение было озвучено украинскими националистами ещё в 1915 году, ср. Сehelskyj L., *Der Krieg, die Ukraina und die Balkanstaaten: Nicht ein Befreier, sondern ein Unterdrücker der Völker*. Wien: Verlag des Bundes zur Befreiung der Ukraina, 1915. P. 20.

Как отмечает известный советский и российский славист Б. Н. Флоря, неразвитость интеграционных процессов у восточных славян восполнялась такой традиционной формой самосознания, как принадлежность к одному племенному союзу.⁶⁸ Посему радикальное исчезновение с середины XII века старых племенных этнонимов означало распространение сознания принадлежности к одной народности – «Руси», чего не наблюдалось, в частности, в Польше⁶⁹. Вместе с тем, по мере вхождения во второй половине XIV – начале XV веков бывших земель Киевской Руси в состав Великого княжества Литовского, начали меняться психология, ментальность и культура их населения.

Нужно отметить и определённую двойственность формировавшегося в то время у людей мироощущения. С одной стороны, они осознавали, что связаны с населением русских княжеств общей исторической памятью, но, с другой стороны, уже начали разделять прежнюю, сформированную Киевской Русью ойкумену на условно «литовскую» и «московскую». Ко времени четырёх русско-литовских войн конца XV – первой четверти XVI веков относится «ряд свидетельств, которые говорят не только об осознании представителями общественной элиты этих различий, но косвенно и о том, что этот факт очень существенно повлиял на позицию восточнославянской шляхты и мещан Великого княжества Литовского», в том числе попытки приписать московским князьям деспотичность турецких султанов⁷⁰. Немаловажную роль здесь играла и религия: по словам Б. Флоры, представления о «русских» и «москвитях» как о двух разных народах, живущих в несогласии друг с другом, «прослеживаются в памятниках полемической литературы, возникших после заключения Брестской унии 1596 года»⁷¹ (тогда произошёл переход ряда епархий православной Киевской митрополии под юрисдикцию Ватикана).

Переломным моментом в данной связи в какой-то степени можно считать успехи великого князя московского Ивана III, известного как «собиратель земель русских», по созданию централизованного государства. После присоединения Новгорода (1478) и формального снятия татарского ига после угринского «стояния» (1480) Москва стала претендовать на центр «всей Руси». Такое положение в определённой мере беспокоило Литву, а впоследствии и Речь Посполитую. По мнению английского автора Эндрю Уилсона, «Польша искала возможность представить себя в качестве законной правопреемницы Руси»⁷², в противовес консолидирующемуся Русскому государству, также претендовавшему на это место.

Идеологическое противостояние усилилось в XVI веке после появления и распространения в Московском княжестве концепции «Москва – Третий Рим», а в Польше – концепции «сарматизма», озвученной ранее польским историком Яном Длугошем (1415 – 1480). Если первая идеология была призвана легитимировать правопреемство Московского государства от Византии и дальше – Римской

⁶⁸ Флоря Б.Н. «О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени». // *Россия – Украина: история взаимоотношений*. М.: Школа «Язык русской культуры», 1997. С. 12.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, с. 13.

⁷¹ Там же, с. 16.

⁷² Wilson A. *The Ukrainians: Unexpected Nation*. New Haven-London: Yale University Press, 2000. P. 48.

империи, то, согласно второй, польская шляхта называла себя потомками вольнолюбивых сарматов, известных ещё по трудам Птолемея и Страбона неустрашимых воинов-скотоводов иранского происхождения. Как уже в XX веке утверждали представители украинского движения, само понятие «Рус» являлось среднеиранским по происхождению и этимологически возводилось к общеиранскому «вольный»⁷³ и, следовательно, никак не могло относиться к тиранической Москве. Государственным идеалом шляхтичей стала республика, проникнутая достаточно противоречивым сочетанием аристократизма и демократии и противопоставлявшая себя «азиатской» деспотии. Впоследствии сюда добавились и пространственные характеристики. Тезис Длугоша развил в своём труде «Трактат о двух Сарматиях» – Сарматии Европейской и Сарматии Азиатской – другой польский историк, Матвей Меховский, который предложил географически разделить славянскую этническую общность на «руссов» и «москвитов», а славянские территории – на «Руссию» и «Московию»⁷⁴. Что примечательно, Меховский указывает на чёткие границы России: на юге «Сарматские горы и река Тирас» (Карпаты и Днестр), на востоке – «река Танаис, Меотиды и Таврический остров» (соответственно Дон, Азовское море и Крым), на севере Россия ограничена Литвой, а на западе – Польшей⁷⁵. Нетрудно заметить, что в этом описании частично воспроизведены границы современной Украины.

Нужно отметить, что со временем «сарматская» идеология была воспринята и казацкой старшиной, роль которой усилилась после восстания Богдана Хмельницкого 1648 – 1649 гг. и временного образования гетманата, который в украинской историографии порой именуется «первым» украинским государством. Из-за желания старшины сохранить свои власть и привилегии гетманат вошёл в резкий социально-политический диссонанс с абсолютистским Русским государством, которое, в свою очередь, не рассматривало население Малой Руси как отдельную общность. В итоге, если до этого Речь Посполитая противопоставляла «сарматскую» республику одновременно буржуазной Европе и деспотичной Азии, то уже со второй половины XVII века в казацких летописях начинает проследиваться противопоставление населения будущей Украины как Польше, так и Москве⁷⁶. События, связанные с Переяславской Радой и длительной борьбой за Украину между Москвой, Польшей и Турцией, только усилили уже сформировавшиеся культурные и психологические различия между двумя частями условного «русского» пространства.

Наступившая во второй половине XIX века эпоха европейского Модерна оказала сильное влияние на идеологию ранних украинофилов. В это время архетипам Другого и Чужого была придана форма современного научного знания, из чего произросли антропология как наука и расизм как политическая практика. Данные феномены, вкуче с господствовавшим романтизмом, подготовили для

⁷³ Cheloukhine S. *Les Termes Russie, Petit-Russie & Ukraine*. Lausanne: A. Bovard-Giddey, 1919. P. 1.

⁷⁴ Miechow M. *Historia delle due Sarmatie tradotta per il signor Annibale Maggi bresciano*. Vinesia: Giolito, 1561. P. 5.

⁷⁵ Ibid. P. 90-91.

⁷⁶ Подробнее см.: Хорошкевич А.Л. В лабиринте этно-политико-географических наименований Восточной Европы середины XVII века. // *Русские об Украине и украинцах*. СПб., 2012.

украинофильского движения обширный инструментарий для нациестроительства. Так, в середине XIX века обширный экскурс в морфологические, ментальные и культурные различия великороссов и малороссов дал немецкий учёный и путешественник Иоганн Коль⁷⁷; о том, что именно Украина является «окраиной северной Европы», наряду с повествованием о царстве амазонок и прочими мифологическими сюжетами, писал польский автор, украинофил Михаил Грабовский⁷⁸. Полтора десятилетия спустя появились куда более радикальные суждения другого польского исследователя, Франтишека Духиньского, утверждавшего, что «московиты – это кочевники, больше родственные китайцам», а «Украина входит в арийскую Европу»⁷⁹.

Появление подобной тенденциозной и нетерпимой ни к общей этнической истории, ни к элементарной исторической правде идеологии не в последнюю очередь обязано расширению влияния России в Европе, в частности, среди европейского славянства. Это вызывало заметное опасение Австрии, а также стремившейся к европейской континентальной гегемонии Германии, перед которыми возникла химера «славянской волны», способной захлестнуть все германские земли. В ходе поисков мер противодействия, как казалось Вене и Берлину, «панславистской угрозе», были артикулированы достаточно старые тезисы о «цивилизованной» Европе и «варварской» России.

Вместе с тем, развивавшееся украинское национальное движение переняло достаточно типичный для национализма той поры и уже до этого использовавшийся поляками принцип самоутверждения «от противного». Это означало, с одной стороны, выделение некоего Чужого и затем придание собственной нации черт, противоположных особенностям этого Чужого. Так, стали появляться клише о том, что «Украина была слишком прочно привязана к западноевропейской культуре, чтобы с лёгким сердцем подчиниться насилию азиатского деспота»⁸⁰. Украинские исследователи указывали, что тот сомнительный по сути факт, что русский и поляк не понимают украинца, является отличительной особенностью самостоятельности украинского языка⁸¹.

В начале XX века в среде украинофилов возникла новая идея, также созвучная с аналогичной европейской (в частности, с немецкой) и вторичная по отношению к ним, – идея возвращения к «этническим границам». Включить в состав этих «подлинных границ» предполагалось обширные пространства юга нынешней Украины, а также территории юга и центрально-чернозёмной зоны России. Кроме того, в этнические границы Украины всегда включалась территория Северного Кавказа. Подобные этногеографические, а затем и экономические⁸² претензии нашли отражение на многочисленных картах.

⁷⁷ Kohl J.G. *Reise im Inneren von Rußland und Polen. Th. 2. Die Ukraine. Kleinrußland.* Dresden-Leipzig: in der Arnoldischen Buchhandlung, 1841. P. 343ff.

⁷⁸ Grabowski M. *Ukraina dawna i teraźniejsza.* Kijów: Nakł. T. Glücksberga, 1850. P. 9.

⁷⁹ Цит. по: Rudnytsky I.L. Franciszek Duchinski and His Impact on Ukrainian Political Thought. / *Essays in modern Ukrainian history.* Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1987. P. 189.

⁸⁰ Pulu J. *Ukraina und ihre internationale politische Bedeutung.* Prag: J.G. Calve. 1915. P. 11.

⁸¹ Рудницький С.Л. *Коротка географія України.* Львів: накладом Укр. пед. т-ва, 1914. P. 68.

⁸² Donzow D. *Die ukrainische Staatsidee und der Krieg gegen Rußland.* Berlin: C. Kroll, 1915. P. 57-60.

Образ Чужого воплотился и в культурно-исторической сфере. Из древнерусского названия правового кодекса «Русская правда» («правда русьская») был сделан вывод, что это свидетельство существования в XI веке независимого украинского государства⁸³, хотя было очевидно, что факт ещё несформировавшегося окончательно украинского языка противоречил декларируемой националистами древности украинской историко-культурной индивидуальности. Междоусобные войны русских князей назвались «крававыми войнами с Москвой»⁸⁴ с намёком на иноземный характер московских князей, несмотря на то, что и киевские, и московские князья принадлежали к одной династии Рюриковичей. Наряду с этими утверждениями активно муссировался тезис о неславянской сущности русского народа, его чужеродности в теле восточнославянской общности. В качестве пропагандистского довода высказывался, например, ничем не обоснованный факт, что против России в Первую мировую войну воевало большее количество славянских наций, нежели за неё⁸⁵. Русскому народу приписывалось происхождение из конгломерата фино-угорских племён, а также наличие значительной доли татаро-монгольской крови. Всё это вместе с «византийским» способом правления представляло Россию не как великую и могущественную империю, а как рядовую восточную деспотию. В ответ и русская, и польская публицистика резко осуждала подобные заявления украинофилов, сходявшись во мнении, что население Украины само ассимилировало значительные число кочевых народов⁸⁶, а юг Украины ещё в XVIII веке был заселён крымскими татарами и только в XIX веке был колонизован усилиями немцев, малороссов и русских⁸⁷.

Тем временем революционные события дали возможность появления сначала федеративного (в августе 1917 года) и затем и независимого (январь 1918 года) украинского государства. Этот опыт не мог не вдохновить националистов. Видный украинофил Евгений Левицкий писал в 1917 году, что претензии России на Украину на основании общего прошлого столь же необоснованны, как и претензии Германии на Францию «в рамках империи Карла Великого» и призывал союзников не «потворствовать панмосковитским аппетитам империалистов Москвы и Петрограда», которые желают распространить влияние «на Константинополь, Малую Азию, берега Адриатики и даже страну пирамид»⁸⁸. Кроме того, украинская сторона стремилась убедить представителей Антанты в том, что термины «Русь» и «Украина» вплоть до XVII века были синонимичны, а затем наименование «Русь» было отобрано у украинцев Москвой,⁸⁹ что, согласно археологическим исследованиям,

⁸³ Guenther K. *Die Ukrainer*. Berlin, s.n., 1915. P. 6.

⁸⁴ Ibid. P. 7.

⁸⁵ Choma-Dowski V. *Ukrajina i ukrajinci*. Zagreb: s.n., 1916. P. 1-2.

⁸⁶ Koutaïssoff A, *Ukraina*. Copenhagen: Jensen & Ronager, 1918. P. 11.

⁸⁷ *Die Ukraina. Ein Problem oder ein Phantom?* Wien: Druck von C. Herrmann. 1918. P. 7-8.

⁸⁸ *Revendications ukrainiennes: memorandum présenté aux pays neutres et belligérants*. Lausanne: Imprimeries Réunies, 1917. P. 29.

⁸⁹ Cheloukhine S. *Les Termes Russie, Petit-Russie & Ukraine*. Lausanne: A. Bovard-Giddey, 1919. P. 2.

украинский народ существовал за сто лет до Рождества Христова⁹⁰ и что украинский язык используется «уже около тысячи лет»⁹¹.

Подобные фольк-исторические черты проявлялись в некоторых украинских публикациях начиная с 1920-30-х гг. Так, согласно «Истории Украины» Ивана Крип'якевича (впоследствии ставшего профессором в СССР), Украина называется так, поскольку «лежит на краю Европы, по соседству с Азией»⁹², а русским народом называют себя завоёванные украинскими князьями «Москвины»⁹³. Примечательно, что эти идеи оказались достаточно живучи. Во время Второй мировой войны они даже применялись в нацистской пропаганде. При рассмотрении различных официальных нацистских публикаций об Украине можно легко заметить, что в них присутствуют общие черты, в том числе акцент на наличие у украинцев германских (готских) корней⁹⁴ и противопоставление Украины дикой России, «стране подкупов, доносов и низкопоклонства»⁹⁵..

С распадом Советского Союза ставшая независимой Украина оказалась на идеологическом перепутье. С одной стороны, в стране оставалось сильным советское наследие (это касается также социализации как элит, так и значительной части широких масс населения). При этом, с другой стороны, местами возникали попытки возвращения к прежнему, значительно устаревшему, фрагментарному и лишённому преемственности националистическому, порой переходящему в фольк-исторический, дискурсу. Обновленное стремление противопоставить Россию Украине порой доходило до абсурда. Эхом нацистского расового мистицизма прозвучала вышедшая в 2004 году книга украинского востоковеда Степана Наливайко «Индоарийские тайны Украины». Автор, ссылаясь, помимо прочего, на Велесову книгу, утверждает, что в ней содержится «самая древняя письменная фиксация современного этнонима 'украинцы'»,⁹⁶ а также связывает ряд украинских и южнорусских топонимов и имен собственных с санскритом. Другой автор, Юрий Каныгин, экономист по образованию, преподававший курс политэкономии социализма в Новосибирском университете, в своей книге «Путь ариев: Украина в контексте мировой цивилизации», ссылаясь на некоего тибетского монаха, указывает, что украинцы происходят от тиверийцев (вероятно, искажённое название племени тиверцы), потомков внука библейского Ноя Тувала, выходцев из Галилеи, и, соответственно, соплеменников Христа⁹⁷, пишет о центре украинистики в Тибете⁹⁸ и подчёркивает, что украинский трезубец и жёлто-синий прямоугольник – одни из «основных арийских знаков»⁹⁹.

⁹⁰ Шелухін С. *Назва України*. Відень: s.n., 1921. Р. 4.

⁹¹ Revyuk E. *Ukraine and the Ukrainians*. Washington: Friends of Ukraine, 1920. Р. 7-8.

⁹² Крип'якевич І.П. *Історія України*. Київ-Львів-Відень, s. n., s.a. Р. 3.

⁹³ Ibid. Р. 9.

⁹⁴ *Deutsche Ukraine Zeitung*, 31.5.1942.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р7021, Оп. 148, Д. 12, Л. 8. Пер. с немецкого.

⁹⁶ Наливайко С.И. *Індоарійські таємниці України*. Київ: Просвіта, 2004. Р. 21.

⁹⁷ Каныгин Ю.М. *Путь ариев: Украина в контексте мировой цивилизации*. Київ: Україна, 1998. С. 11.

⁹⁸ Там же. С. 28.

⁹⁹ Там же. С. 273.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Итак, рассматривая формирование образов «Врага» и «Чужого» в теоретических концепциях украинских националистов, необходимо выделить некоторые моменты. Вторичность украинского национализма по отношению к национализмам Европы и, соответственно, отсутствие ряда присущих им возможностей самоутверждения по отношению к соседям (как в случае с немцами или венграми), вывело на первый план методологию выделения некоего внешнего «Врага», по отношению к которому можно было бы консолидировать нацию. Данный концепт, что важно, был выведен на основе бытовавших в массовом сознании образов «Другого» и «Чужого» и являл собой искусственно созданный объект ненависти и фактор негативного конструирования собственной идентичности. Долгое время образы «Врага» и «Чужого» в националистической идеологии в равной степени воплощались в Польше и России, однако с течением времени акцент сместился в сторону последней. Впоследствии к выстраиванию образа «Чужого» добавились некоторые политически обусловленные фольк-исторические черты.

Следует подчеркнуть, что и в наше время периодически возникают попытки подобной негативной мобилизации общества. Несмотря на то, что они очевидным образом выстроены на эмоциональной основе и не отвечают весьма непростой и многогранной реальности, возникающие экстремальные ситуации могут усилить их деструктивный потенциал. Нужно понимать, что в данном случае поверхностные контрмеры со стороны «Врага» ни к чему не приведут, а только усилят отторжение. Для нивелирования как самой конфликтной ситуации, так и её последствий требуется комплекс последовательных шагов, в том числе в сфере политики, основанных на глубоких исследованиях корней и истоков негативного восприятия соседа. Это тем более важно, что массовость потенциального протестного движения (*grassroots activity*) может быть использована (и уже с успехом используется) для политических спекуляций также и в данной сфере – усиления образов «Врага» и «Чужого».

УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

И.И. Баринов

В наши дни в российском общественно-политическом лексиконе, СМИ и досуговых рассуждениях прочно укрепилось клише «украинский национализм». Данному, ставшему устойчивым выражению приписывают определённый набор характеристик, по большей части негативных. При этом, несмотря на то, что упомянутое клише используется как некая объективная данность для описания текущей политической ситуации на Украине, каждый, кто использует этот термин, насыщает его своим содержанием.

Так, в контексте консервативного дискурса украинский национализм приобретает черты нового издания так называемого «украинства» – термина, которым в дореволюционную пору именовали украинское национальное движение, по ряду причин не укладывавшееся в тогдашнюю имперскую парадигму. В ходе попыток возрождения идей империи и Белого движения в нынешней России, которые принимают весьма эклектичную форму, само существование Украины как независимого государства рассматривается как вызов не очень понятному по внутреннему содержанию духовно-ментальному конструкту, известному как «Русский Мир». В свою очередь, Украина рассматривается, в продолжении белой идеологии, как некий искусственно созданный политический организм, скреплённый «изобретённым» для этих целей «украинством» (национализмом). Стоит отметить, что если для идеологов времён империи и Белого движения такое отношение к «украинству» исторически объяснимо, то в наше время оно выглядит анахронизмом.

Не менее отрицательное восприятие, хотя и иное по сути, украинский национализм вызывает и у представителей условного либерального лагеря. Для них он являет собой не только агрессивную идеологию ксенофобского типа с сильной государственнической составляющей, но и в принципе отсталую и нежизнеспособную, с современной точки зрения, идейную традицию. Для тех же, кто не принадлежит ни к одному из лагерей, украинский национализм остаётся непонятным набором стереотипов, по большей части из военного и послевоенного периодов.

Вместе с тем, националистические идеологии (украинская – не исключение) сами по себе представляются далеко не однородными – в том числе, что весьма немаловажно, в вопросах теории. То, что мы привыкли рассматривать как украинский национализм, в действительности является попыткой достаточно узкой и маргинальной группы идеологов реанимировать некие идейные и духовные императивы, актуальные для достаточно специфического отрезка времени в прошлом. Это касается, прежде всего, событий войны между нацистской Германией и СССР, в ходе которой, как иногда указывают современные украинские исследователи, украинская нация оказалась «между молотом и наковальней» и столкнулась с необходимостью действовать в качестве «третьей силы», борясь и с советской, и с германской сторонами¹⁰⁰.

¹⁰⁰ Милушь В.І. Українці в роки Другої світової війни. // Науковий вісник Волинського державного університету. Вип. 6 (2005). С. 54.

После поражения Германии украинские повстанцы продолжили воевать против Москвы. В итоге это противостояние растянулось ещё на десять лет. Именно возрождению и повторному переживанию в настоящем этого экстремального и даже порой эсхатологического состояния и посвящена доктрина сегодняшних украинских «ультрас». В силу своей крайней специфичности и очевидной эклектичности современный крайний украинский национализм не учитывает сложности украинского национального движения и тем более не отталкивается от украинской политической традиции.

Исследователи сходятся во мнении, что украинская общность изначально отличалась заметной спецификой этно- и социогенеза, включавшей в себя ряд заметных отличий от русской общественной модели. Сюда входит и избрание короля Речи Посполитой, в составе которой бóльшая часть Украины находилась до середины XVII века, на договорной основе, а следовательно, отсутствие понимания самого института самодержавной монархии, полиэтничность и поликультурность казачества¹⁰¹. Как отмечает американский историк Хироаки Куромиа, даже в более или менее цивилизованные времена относимые к нынешней Украине территории были воплощением Дикого поля и консолидировали в себе элемент, противоположный русскому понятию «Родина»¹⁰².

Длительное нахождение в составе польского государства не прошло для Украины бесследно не только в политическом, но и в идеологическом плане. Стремление Речи Посполитой «представить себя в качестве законной правопреемницы Руси»¹⁰³ в противовес консолидирующемуся Русскому государству, также претендовавшему на это место, после ликвидации польской государственности сменилось ностальгией по прошлому и его конструированием в романтическом духе. Немалое место в этой ретроспективной памяти заняла и Украина – не только как геополитическое и геоэкономическое пространство, с которым был связан расцвет института шляхты, но и как некое пограничное пространство, важное в деле формирования нации. Заметную роль в «реконструкции» Украины сыграла литературная традиция, в том числе знаменитая польская «украинская школа». Для её представителей, среди которых следует выделить Богдана Залесского, Антония Мальчевского и Северина Гоциньского, древности Украины были превращены в своеобразный эпос, а казачество стало квинтэссенцией украинского населения, в котором реализовалась «буйная и непокорная украинская натура»¹⁰⁴. Примечательно, что некоторые положения «украинской школы» реализовались впоследствии в творчестве Н.В. Гоголя.

Революции 1848 г., оказавшие влияние на все без исключения регионы европейского континента, затронули и те территории, которые в будущем стали

¹⁰¹ Plochy S. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*. Oxford, 2001. P. 21, 146-147; Безъев Д.А. *Украина и Речь Посполитая в первой половине XVII в.* М., 2012. С. 100-102; Таирова-Яковлева Т.Г. Представление украинской казацкой элиты о подданстве царю. // *Славяноведение*. № 2, 2013. С. 37.

¹⁰² Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s-1990s*. Cambridge, 1988. P. 37-38.

¹⁰³ Wilson A. *The Ukrainians: Unexpected Nation*. New Haven-London, 2000. P. 48.

¹⁰⁴ Kwapiszewski M. *Późny romantyzm i Ukraina. Z dziejów motywu i życia literackiego*. Warszawa, 2006. S. 8-10.

частью Украины, а тогда находились в составе двух империй – Российской и Австрийской. При этом особенности внутреннего устройства данных государств определили и дальнейшую специфику национально-политического развития будущих украинцев. В России, к примеру, интеллигенция Малороссии и Надднепрянщины изначально исповедовала скорее культурную версию национализма. При этом в австрийской Галиции, в которой по большей части было сосредоточено русинское население Австрии, в условиях постоянной конкуренции с другими народами «лоскутной империи», осознание собственной этнополитической индивидуальности было гораздо сильнее. Эта же специфика в дальнейшем стала причиной и принципиально различной политики властей в отношении населения соответственно юго-западных губерний России и Галиции в составе Австрии (Австро-Венгрии).

Для Петербурга, в силу существовавшего принципа династической и, в меньшей степени, религиозной лояльности, определявшего общественное место того или иного народа/отдельного подданного в рамках империи¹⁰⁵, пробуждавшийся национализм был не то что даже чуждым, а просто непонятным явлением. Малороссия, как, впрочем, и другие земли, относимые к Украине, рассматривалась в лучшем случае как историческая часть «Великой России», или этнографическая область, населенная южной ветвью русского народа. В любом случае по всем возможным признакам – историческим, культурным, языковым, религиозным и антропологическим – согласно официальной позиции власти, она относилась к России. Формирование национальной украинской идеи, в результате либеральных реформ начала правления Александра II, казалось бы, получившее некий стимул для развития, было затем резко ограничено двумя распоряжениями правительства – Валуевским циркуляром 1863 и Эмским указом 1876 гг. Содержавшиеся в них меры были направлены по большей части против распространения украинского языка, который, однако, был одной из стержневых категорий в национальном движении.

В это же время в Австрии происходил обратный процесс. Обеспокоенная активностью поляков на восточной окраине империи, Вена пришла к выводу о необходимости параллельного усиления русинского элемента в Галиции. Со своей стороны у русинов к 1860-м гг. существовало две основные партии – сторонников общерусской идентичности (русофилов) и украинского самоопределения (украинофилов, или народовцев). При этом, если у первых была ясная идейная линия, следовавшая из их названия, то вторые достаточно быстро ощутили отсутствие идеологической целостности своей платформы, что вполне объясняется недостатком развития и в целом вторичностью формировавшегося украинского национализма¹⁰⁶ (по отношению к польскому и немецкому прототипам).

Такое положение заставило его приверженцев выстроить определённый ряд выдающихся событий национальной, как они считали, истории, которая по большей части относилась ко временам казачества. Единая концепция

¹⁰⁵ О месте будущего украинского населения в имперской системе России см. Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи. // *Россия – Украина: история взаимоотношений*. М., 1997.

¹⁰⁶ Миллер А.И. *Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века)*. СПб., 2000. С. 10-11.

украинской истории от современности до глубокой древности была выстроена и артикулирована выдающимся украинским историком Михаилом Грушевским на рубеже XIX-XX вв., в момент, когда «линия раздела» между «общерусской и украинской стратегией идентификации» проходила уже не только в Галиции, но и в российской Украине¹⁰⁷.

Параллельно с этими событиями шёл ещё один любопытный процесс. В результате указанных мер русского правительства из России уезжали приверженцы украинского движения, тогда как вследствие аналогичных, но противоположных по сути действий австрийских властей в Россию перебирались сторонники русофильского движения. Подобный своеобразный «обмен населением» размыл позиции сторонников общерусской идентичности в Галиции, сделав её главным оплотом украинофилов.

Важно понимать, что в своих действиях Петербург и Вена руководствовались не какими-то иррациональными, а сугубо практическими причинами. Национализм отдельных народов Российской империи подтачивал ее основы; в свою очередь, усиление в Австрии прорусского элемента, тяготевшего к России, грозило обрушением и без того шаткого этнонационального баланса в государстве. При этом Австрию (и до определённого момента – Россию) настораживало и стремление к широким формам трансграничной интеграции, к которым относился панславизм. Именно страх расширения российского влияния вкупе с панславистскими идеями (по некоторым оценкам, уже к середине XIX века славянское население Австрии достигало 46%¹⁰⁸) привел к заметному расширению поддержки украинской идеи со стороны Вены.

Заимствование же украинским движением некоторых элементов польской идеологии (таких, как восстановление национальной государственности и национальная исключительность, граничившая с этнонационализмом) еще более усилила непонимание самого феномена национализма в Петербурге. Наложение двух параллельных процессов один на другой привело к тому, что идею украинской нации и украинской государственности русские власти стали рассматривать не иначе как совместный польско-австрийский «проект» по ослаблению России. Этот тезис уже к началу Первой мировой войны стал настолько распространённым в российском общественном дискурсе, что сами украинские националисты выпустили на эту тему отдельную брошюру, не лишённую самоиронии¹⁰⁹.

В целом, генезис основ будущего украинского национализма происходил в рамках достаточно сложного процесса. Зарождение в ходе «весны народов» 1848 года двух разновидностей национального движения – культурной в русской части условной Украины и политической – в австрийской Галиции сопровождалось разнонаправленными действиями центральных правительств. Если в России, в силу объективных причин имперского устройства, украинское национальное развитие сдерживалось, то в Австрии, также из-за особенностей существования и развития империи, оно наоборот поощрялось. Происходивший

¹⁰⁷ Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине. // *Отечественные записки*. № 1, 2007.

¹⁰⁸ Tebeldi A. *Die Slawen im Kaiserthume Oestreich*. Wien, 1848. S. 5.

¹⁰⁹ Цехелски Л. *Украинството нъмска интрига, ли е?* София, 1915.

отток сторонников украинской идеи из России в Австрию сопровождался аналогичной миграцией приверженцев общерусской идентичности из Австрии в Россию. Таким образом, уже к концу XIX века Галиция оформилась как «бастион» украинофилов. Следует подчеркнуть, что в обеих континентальных империях правительство и бюрократия не стремились вникнуть в сложность формирования украинского национального нарратива, поскольку их главной задачей было сохранение существовавшей модели своих государств.

Вместе с тем, своего рода курирование двух версий самоидентификации – общерусской и локальной украинской – со стороны соответственно Петербурга и Вены, сообщало им те принципы национальной лояльности, которые действовали в русской и германской традициях. Так, в России ещё со времён просвещённого абсолютизма Екатерины Великой была воспринята модель конструирования нации, подразумевавшая верховенство культурного фактора. Как известно, долгое время (по крайней мере, до конца XIX века) русским считался тот, кто принимал православие, которое несло не только духовную, но и общественно-эгалитаризирующую компоненту.

Напротив, в германской версии основополагающим фактором была этническая принадлежность к германской этноязыковой общности, причём термины «народ» и «нация» фактически отождествлялись. Попав под покровительство австрийских властей, украинофилы стали очень быстро впитывать положения данной национальной школы. Так появились нелепые для непривыкшего наблюдателя, но при этом характерные для австро-германского дискурса того времени высказывания, когда в украинофильских изданиях русские именовались потомками смешанных браков украинских колонистов с финно-угорским населением¹¹⁰. Украинцам при этом приписывалось «этнологическое чувство независимости»¹¹¹, в отличие от «покорившихся татарам москалей», которые рисовались отсталыми и невежественными обскурантами¹¹².

Эти категории, произросшие из времён романтического национализма, пережили «век империй» и в изменившуюся эпоху приобрели новое звучание. После окончания Первой мировой войны Галиция стала территорией второй Речи Посполитой, тогда как остальная часть будущей Украины вошла в состав советского государства. Как справедливо полагает Алексей Миллер, именно опыт межвоенного периода, касающийся социализации и национальной мобилизации украинцев, оказал решающее влияние на возникновение оппозиции Запад – Восток¹¹³. При этом, если советская политика «коренизации» заключала в себе советский интернациональный элемент, то политика Польши в Галиции только стимулировала отчуждение украинского населения от польского и складывание радикального национализма.

Нужно отметить, что идеологически украинский национализм в межвоенный период продолжал развиваться в русле германской традиции и теперь

¹¹⁰ *Як жив український народ*. Чернівці, 1910. С. 9.

¹¹¹ Rudnickij S. *Ukraine, the land and its people*. New York, 1918. P. 154.

¹¹² Цегельський Л. *Русь-Україна а Московщина-Россія*. Царгород, 1916. С. 24-25, 32, 43.

¹¹³ Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине. // *Отечественные записки*. № 1, 2007.

копировал не только прежние установки немецкой версии национализма, но и вбирал в себя его новые черты. Вышедшие в 1920 – 1930-е гг. работы Дмитрия Донцова и Юрия Липы демонстрируют значительное влияние национал-социализма и расовой теории на часть украинских националистов. Символически это отразилось и в украинизации специфических конструкций из нацистского лексикона. Так, немецкое *Aufbau* («возрождение» в значении «построение новой Германии») соотносится с украинским *розбудова* (аналогичное «построение», к примеру, в клише «розбудова нації»). Другой конструкт, *Gesinnung* (настраивание себя на «подлинный» германский дух), связан с пресловутой *свідомістю* (сознательностью «настоящего украинца»). Консолидация радикальных групп в национальном движении произошла в 1929 году, когда возникла Организация украинских националистов (ОУН).

Со временем главная цель украинского движения (в редакции радикальной части ОУН) – создание украинского государства – претерпела важные изменения. Если в начале XX века речь шла о создании *украинского* государства, то теперь это положение переменялось на государство *украинцев*, приобретая заметные черты этнонационализма и ксенофобской риторики. Из-за этого в период интербеллума произошло разделение в самом украинском движении. Старшее, более консервативное поколение, столкнулось с резкой политизацией и радикализацией молодёжи через школьную и общественную социализацию (активность ОУН в Галиции была весьма высокой, несмотря на контрмеры польского правительства). Именно из этого, нового поколения украинского движения, сформировавшегося в условиях жёсткой политики Польши по отношению к националистам и нагнетаемой при этом фобии Советского Союза в Европе, вышли такие известные до одиозности его представители, как Ярослав Стецько и Степан Бандера. Со временем они постарались потеснить и своих старших товарищей по ОУН, методы и позиция которых покажутся молодым радикалам устаревшими и недостаточно активными в борьбе за украинскую идею.

Для подобной метаморфозы существовали различные причины. Сложно сказать, было ли здесь решающим влияние германского общественного дискурса (в особенности национал-социалистического), либо таким образом, как и ряд других ультраправых движений тогдашней Европы, ОУН пыталась преодолеть отсутствие целостности в идеологии и политической платформе украинского движения. В любом случае, события периода оккупации нацистским рейхом Украины в 1941 – 1944 гг. показали, что для этого «преодоления» радикальный национализм не брезговал ни участием в военных преступлениях нацистов, ни совершением собственных преступлений с целью отстаивания интересов своей нации, каким оно виделось его приверженцам. Не смирившись с победой СССР над нацистской Германией и оформлением УССР в послевоенных границах, ОУН продолжила свою борьбу, продолжавшуюся ещё около десяти лет.

Несмотря на то, что к 1954 году подполье националистов считалось разгромленным и объективно понесло немалые потери, уже в конце 1950-х гг. сложились некоторые подпольные группировки, или возникшие под влиянием ОУН, или уже частично независимые от неё. В их числе можно назвать Объединенную партию освобождения Украины, Украинский рабоче-крестьянский союз, Украинский национальный фронт. При этом идейная

направленность этих групп отличала их от украинского диссидентского движения¹¹⁴. В то же время порой и среди диссидентов выделялись национально настроенные представители интеллигенции, не принимавшие советский официоз и считавшие, что советский строй стал препятствием на пути национального развития.

После распада Советского Союза потребность в новых векторах формирования идентичности и идеологическая дезориентация в бывших союзных республиках стимулировали обращение к наследию того исторического момента, который был как бы поставлен на «паузу» в результате возникновения советского государства. Так, в России этим моментом стала эпоха поздней империи, в прибалтийских государствах – краткий период межвоенной независимости. На Украине, опять же в силу определённых причин, выявились не одна и не две подобных референтных точки. Так, в 1992 году состоялась символическая передача организованной в современном виде в рамках СССР Украине знаков власти её исторического оппонента – Украинской народной республики. Введение на Украине национальной валюты (гривны), на которой изображались как киевские князья, так и казацкие гетманы, апеллировало к ещё более ранним временам.

Тем не менее, как это нередко бывает в кризисные и рубежные времена, новая государственная идеология приняла весьма эклектичную форму, сочетая как реальные исторические факты, так и националистические мифы. Богатая традиция украинского национального движения, включавшая, помимо агрессивного этнонационализма, опыт национал-демократических и национал-либеральных партий, по не вполне понятным причинам не была аккумулирована в наше время. Точно так же не была применена и более новая концепция общественного развития (её условно можно обозначить как гражданский национализм), которая понимает нацию как сообщество людей, объединённых одними ценностями и одной целью.

Не секрет, что правительство Украины упустило «шанс» построить более современную украинскую идентичность и приспособить ее к условиям новой эпохи – возможно, потому, что изначально не хотело заниматься такой сложной проблемой. Из-за этого в одних частях страны (в условных восточных и южных регионах) у части населения произошла консервация советской ментальности, тогда как на условной западной территории произошло возрождение ультрационализма, архаичного уже для времени своего восхождения в 1930-е гг. Оба явления, как уже было сказано, обусловлены отсутствием внятной альтернативы дальнейшего национального и, что не менее важно, социального развития, поиском неких ориентиров в сложном и быстро меняющемся мире.

Таким образом, как можно заметить, сложная история нациестроительства на Украине сопровождалась различными попытками оформления национальной идеологии. Осложняли этот процесс зависимое положение украинских территорий и объективные трудности в построении национального государства, равно как и общая вторичность национализмов Центральной и Восточной Европы, где нация являлась по сути целью, а не средством на пути к государственности.

¹¹⁴ Соловьев К.А. Западноукраинский национализм в контексте современных российско-украинских отношений. // *Вестник РГГУ. Серия Международные отношения. Зарубежное регионоведение.* № 21, 2013. С. 175.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Украинское национальное движение прошло во многом аналогичный другим восточноевропейским народам путь от рассуждений творческой интеллигенции 1840-х гг. до интегрального этнонационализма 1940-х гг. Полувековой период советской власти на некоторое время «заглушил» проявления последнего, однако в современной Украине снова появились возможности для его существования.

Вместе с тем, следует отметить, что украинский национализм, который, превратился в стереотип благодаря как резким заявлениям его приверженцев, так и деятельности СМИ, выступает скорее как некая политическая практика, нежели как реальная и конкурентоспособная социальная идея. Глобализация и связанные с ней процессы меняют само распознавание культурных границ и соответственно легитимацию социальных форм взаимодействия, отодвигая этничность на задний план и предлагая вместо неё новые референтные группы¹¹⁵. Как представляется, в перспективе Украина будет способна противопоставить агрессивному национализму, цепляющемуся за «старую» картину мира, новые принципы идентичности. Это произойдёт хотя бы в силу того, что в современном мире национализм в том виде, в каком мы привыкли его представлять, становится чрезвычайно опасным и для самой исповедующей его нации, и для соседей, и потому должен безвозвратно уйти в прошлое.

¹¹⁵ Эти и другие положения обсуждались на Международной конференции «Нации и этничность в гуманитарных науках» в Санкт-Петербурге в феврале 2014 года.

Часть II.**ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ С ЕС И С РОССИЕЙ
В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА В. ЯНУКОВИЧА****ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ И ЕС****Пантин В.И., Лапкин В.В.**

Впервые опубликовано в журнале «Мировая экономика и международные отношения», № 11 (2012). Приводится в обновленной авторской редакции.

Процессы экономической и политической интеграции на постсоветском пространстве приобретают особое значение в связи с происходящими изменениями в архитектуре мирового порядка, формированием и развитием региональных экономических и политических союзов, а также в связи с обостряющейся конкуренцией за ресурсы и рынки. На фоне глубоких кризисных явлений в мировой экономике, которые затрагивают также Россию и другие страны СНГ, вопрос о выборе вектора интеграции для постсоветских государств становится еще более актуальным и значимым, чем прежде, поскольку этот выбор во многом определяет перспективы той или иной страны в условиях экономической и социально-политической нестабильности. Как известно, образование ЕврАзЭС и Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана стало важной вехой на пути к более тесной экономической интеграции на постсоветском пространстве. Однако очевидно, что без интеграционного взаимодействия как России, так и других государств Таможенного союза с Украиной процессы экономической интеграции на постсоветском пространстве будут недостаточно последовательными и глубокими. Это в свою очередь чревато не только обострением экономической конкуренции и политического противостояния на постсоветском пространстве, но и ослаблением российской и украинской позиций в ситуации усиливающегося геополитического противоборства за ресурсы Северной Евразии. Отсюда следует вывод о том, что вопрос о выборе направления и форм интеграционного взаимодействия Украины с Россией и Европейским союзом приобретает принципиально важное значение для развития всего европейского региона и Северной Евразии.

В целом, положение дел с интеграцией России и Украины является весьма сложным и неоднозначным. Несмотря на большое количество двусторонних договоров между ними, реальная экономическая и тем более политическая интеграция пока что находится на довольно низком уровне. Наиболее важными, реально работающими экономическими договоренностями по-прежнему остаются соглашения о транзите через территорию Украины российского газа, в то время как российско-украинское сотрудничество в развитии отраслей перерабатывающей промышленности и в сфере наукоемких технологий остается совершенно недостаточным. Более того, обе страны нередко выступают как конкуренты на внешних рынках вместо того, чтобы кооперироваться и совместно выходить на зарубежные рынки. Подобная ситуация объясняется не

только влиянием политики, в частности негативными процессами в российско-украинских отношениях после «оранжевой революции» 2004 г. и особенно после государственного переворота в Украине в феврале 2014 г., но и пока что слабой заинтересованностью российских и украинских предпринимателей во взаимном сотрудничестве, стремлением не столько производить новые товары и разрабатывать новые технологии, сколько получать их в готовом виде из-за рубежа. Такое положение дел не может считаться нормальным, оно свидетельствует о неостребованном потенциале и громадных упущенных выгодах экономической и политической интеграции РФ и Украины, а также создает дополнительные риски в вопросах экономической безопасности обеих стран.

В данной статье рассмотрены современное состояние и перспективы интеграции Украины с Россией и ЕС, а также выделены наиболее значимые внутривполитические и внешнеполитические факторы, влияющие на эти интеграционные процессы. Особое внимание уделено сложной и противоречивой взаимосвязи внутри- и внешнеполитических факторов, которая в итоге определяет нелинейную, зигзагообразную динамику российско-украинских отношений.

НЕДАВНЕЕ ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Интеграционное взаимодействие Украины с Россией и ЕС во многом определяется наиболее важными экономическими и политическими соглашениями, а также членством Украины в тех или иных интеграционных объединениях. Как известно, последняя является членом не только Содружества Независимых Государств (СНГ), но и таких объединений, как Организация за демократию и экономическое развитие с участием Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии (ГУАМ), Черноморский банк торговли и развития (ЧБТР), Центрально-европейская инициатива (ЦЕИ) и др. В то же время следует отметить, что интеграция в рамках всех этих объединений, включая СНГ, носила неглубокий, поверхностный характер, что отвечало стремлению украинских элит не связывать себя серьезными внешнеполитическими и внешнеэкономическими обязательствами с Россией и другими постсоветскими государствами. В этих условиях интеграционное взаимодействие Украины с РФ и ЕС определялось главным образом двусторонними соглашениями. Одним из наиболее важных политических и экономических соглашений между Украиной и Россией является Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, ратифицированный парламентами обеих стран в 1999 г. и продленный еще на 10 лет в 2008 г. (так называемый Большой договор). Он охватывает различные сферы сотрудничества, в том числе политическую, экономическую, культурную и военную, но многие статьи этого документа носят довольно абстрактный характер. Поэтому результаты российско-украинской экономической и политической интеграции нередко воспринимались как весьма неопределенные и двусмысленные, а вместо реальных совместных действий и проектов декларировались главным образом благие намерения. Постоянным предметом споров и противоречий между Москвой и Киевом служит вопрос о цене газа, поставляемого из России в Украину, и связанный с этим вопрос о размерах платы российской стороны за его транзит в страны ЕС через украинскую территорию. Соглашения по этим вопросам порождают многочисленные трения, которые неоднократно резко усиливались и переходили в межгосударственные или внутривполитические

конфликты. Газовое соглашение, подписанное по указанию Ю. Тимошенко в 2009 г. после длительных споров между Россией и Украиной о цене российского газа, даже стало поводом для ее судебного преследования и тюремного заключения, что в свою очередь вызвало новый всплеск политической борьбы в Украине и заметно осложнило отношения Украины со странами ЕС.

Таким образом, экономическая и политическая интеграция России и Украины вплоть до переворота 2014 г. носила неглубокий характер, хотя перспективы для более плодотворного и многостороннего интеграционного взаимодействия, безусловно, существовали. Однако многое здесь было обусловлено позицией украинских экономических элит, а также политическим давлением США и стран – членов Евросоюза, не слишком заинтересованных в полноценной российско-украинской интеграции. Не последнюю роль здесь, как представляется, сыграло и недостаточное внимание российских властей и бизнеса к совместным российско-украинским экономическим и культурным проектам, способным стать основой для углубления интеграции между двумя странами. В 2010 г. в Харькове было заключено двустороннее соглашение по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины, а также соглашения о снижении цены на российский газ для Украины и строительстве моста через Керченский пролив (так называемые Харьковские соглашения¹¹⁶). Эти соглашения были ратифицированы парламентами обеих стран, несмотря на сопротивление украинской националистической оппозиции. Собственно говоря, сам факт одновременного заключения столь разных соглашений показывает, насколько тесно в российско-украинских отношениях переплетались и переплетаются вопросы экономического, политического и военного характера.

Иными словами, осуществление экономической интеграции России и Украины прямо зависит от внутри- и внешнеполитических процессов, что делает эту интеграцию изначально неустойчивой и подверженной воздействию политической конъюнктуры. Между тем экономическое и политическое сотрудничество Украины со странами ЕС, несмотря на многократно провозглашенный «европейский выбор» Украины, также носит в целом поверхностный и неустойчивый характер. Так, одним из основных договоров об интеграции стало подписанное П. Порошенко соглашение об ассоциации и создании зоны свободной торговли между Украиной и ЕС. Первоначально ожидалось, что новый договор, призванный заменить действующее с конца 1990-х годов соглашение о партнерстве и сотрудничестве, будет подписан в конце 2011 г. Однако сближение Киева и Брюсселя было приостановлено из-за претензий последнего к украинским властям, прежде всего связанных с осуждением Ю. Тимошенко и с возникшими у нее после этого проблемами со здоровьем. Евросоюз отложил ратификацию соглашения с Украиной об ассоциации, рассчитывая таким образом оказать на нее политическое давление

¹¹⁶ См. об этом: Заявление В. Януковича по итогам украинско-российских договоренностей в Харькове // *LB.UA*. 22.04.2010 (http://lb.ua/news/2010/04/22/40265_zayavlenie_viktora_yanukovicha_po_i.html); Mobus.news. 22.02.2010 (<http://www.mobus.com/mnenie/300015.html>); Подопригора Б. Прорыв на черноморском направлении. // *Независимая газета*. 14.05.2010 (http://nvo.ng.ru/realty/2010-05-14/7_black_sea.html); <http://www.pravda.com.ua/articles/2010/04/22/4956018/>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ...

и повлиять на итоги парламентских выборов в стране в октябре 2012 г.¹¹⁷ Но в итоге понадобился государственный переворот в Украине, который привел к свержению законно избранного президента В. Януковича, чтобы соглашение об ассоциации Украины с ЕС наконец состоялось. Это соглашение между Украиной и ЕС все же было подписано и ратифицировано во второй половине 2014 г., но и в этом случае реальная, а не декларируемая политическая и экономическая интеграция Киева и Брюсселя остается по-прежнему незначительной.

Это объясняется, по крайней мере, двумя важными причинами. Первая состоит в том, что это соглашение, как и вся стратегия экономического сближения Украины с ЕС, оказывается во все большей зависимости от продолжающейся внутривнутриполитической борьбы в Украине и от связанной с этим политической нестабильности. Вторая причина связана с тем, что глубокая экономическая интеграция Украины со странами ЕС, начнись она всерьез, неизбежно вызовет полное разрушение промышленности на востоке страны, поскольку украинская промышленность в целом менее конкурентоспособна, чем европейская. А это будет означать массовую безработицу и резкий рост социальной напряженности. Кроме того, сельское хозяйство Украины также окажется неконкурентоспособным и на европейском, и даже на внутреннем рынке, что может вызвать крупные экономические, социальные и, в конечном счете, политические потрясения в обществе. Даже в плане туризма, за счет которого долгое время могли существовать Греция и Испания, Украина сильно уступает странам ЕС, поэтому и эта сфера не сможет стать основой «европеизированной» украинской экономики. Вместе с тем страны – члены Евросоюза справедливо опасаются массовой миграции из Украины, наплыва дешевой рабочей силы, что может увеличить и без того немалую безработицу в европейских странах. Таким образом, в ближайшие годы вероятнее всего реализуется сценарий непоследовательного и противоречивого по своим последствиям экономического сближения Украины со странами ЕС, причем это сближение вызовет не только обострение отношений между Россией и Украиной, но и многочисленные внутривнутриполитические конфликты в самой Украине.

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Среди внутривнутриполитических факторов, влияющих на интеграцию Украины с Россией и/или с ЕС, во-первых, следует выделить общую нестабильность украинской политической системы, которая обуславливает резкие повороты в развитии страны и постоянную борьбу между элитными группировками за власть. Нестабильность, о которой идет речь, ярко проявилась не только в период «оранжевой революции» и всего президентства В. Ющенко, но и в период противостояния между В. Януковичем и Ю. Тимошенко, а также после государственного переворота 2014 г. Более того, вынужденное проведение политической реформы, которая давала больше полномочий законодательной ветви власти, затем отмена этой политической реформы и снова формальное ее осуществление в очередной раз показали, что украинская власть руководствуется в своих действиях не столько национальными интересами,

¹¹⁷ По данным «Коммерсантъ-Украина» № 93 (1583) от 19.06.2012, Украина должна была подписать договор с ЕС не ранее парламентских выборов (<http://www.kommersant.ua/doc/1961601>); <http://podrobnosti.ua/power/2012/06/19/842651.html>.

сколько принципом узко понимаемой «политической целесообразности». Разумеется, подобная нестабильность украинской политической системы и непоследовательность политики, проводимой украинским руководством, не способствует устойчивой интеграции Украины ни с Россией, ни со странами ЕС.

Во-вторых, среди важных внутривнутриполитических факторов, влияющих на интеграционные процессы, следует отметить политический раскол украинского общества на восточные и южные области, с одной стороны, и западные и центральные области, с другой. Этот раскол, имеющий глубокие исторические корни, угрожает стабильности и целостности украинского государства, он постоянно проявляется в борьбе политических партий, в стратегии интеграции с другими государствами, а также в осуществлении украинской внутренней и внешней политики. Так, по данным исследования, проведенного в 2008 г. Киевским международным институтом социологии совместно с Левада-Центром, лишь 5% жителей Западного и 11% Центрального регионов Украины были согласны с тем, что нужно объединиться с РФ в одно государство, в то время как в Южном и Восточном регионах сторонников такого объединения было 21% и 28% соответственно. По данным того же опроса, 30% населения Украины считали необходимым вступление в ЕС, а 43%, напротив, склонялись к союзу с Россией и Белоруссией; 22% респондентов полагали, что Украина не должна вступать ни в один из этих союзов и еще 5% затруднились с ответом¹¹⁸.

Интересно отметить, что эти данные в определенной мере соотносятся с тем, какой язык используется в повседневном общении жителями тех или иных регионов Украины. Так, по данным опроса, проведенного ООО «ФОМ–УКРАИНА» (Киев) в 2007 г., 51% украинских респондентов указали в качестве языка бытового общения русский, 42% – украинский, 7% – одновременное использование русского и украинского языков. При этом картина резко различалась по регионам Украины: русский в качестве языка бытового общения указали 91% жителей Востока, 73% – Юга, 31% – Центра и 2% – Запада; украинский указали 5% жителей Востока, 17% – Юга, 55% – Центра и 98% – Запада¹¹⁹. Подобное распределение является достаточно устойчивым и мало меняется со временем. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о резкой поляризации украинского общества по территориально-региональному и языковому признакам, причем придание русскому языку статуса регионального или второго государственного языка приобретает, как показали события последних лет, отчетливо выраженное политическое звучание. Более того, закон, по которому русский и другие языки должны были получить статус региональных, принятый Верховной Радой в начале июля 2012 г., в очередной раз резко обострил политическую ситуацию в Украине.

Соответственно, использование или неиспользование украинскими гражданами русского языка в качестве бытового непосредственно влияет на их выбор предпочтительного вектора интеграции – либо с Россией, либо с ЕС. Представленный территориальный раскол украинского общества фактически делает невозможной федерализацию страны, которая в других политических условиях была бы естественным и единственно верным шагом. Этот вопрос, несмотря на то, что он объективно заслуживает обсуждения, является одним из «табуированных» для украинских политиков и представителей элитных групп.

¹¹⁸ См.: *Данные Левада-Центра* (<http://www.levada.ru/press/2008032803.html>).

¹¹⁹ См.: *Данные ФОМ* (http://bd.fom.ru/report/map/projects/fom_ukraine/du071401#Abs2).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ...

Социолог Ю. Неймер в свое время справедливо отмечал: «...правительство и Верховный Совет боялись обсуждать вопрос о федерализации, не без оснований полагая, что она может стать импульсом к возникновению сепаратизма, ослаблению государства и даже к его распаду. Ибо трудно не заметить тяготения западных областей к Европе, а восточных – к России»¹²⁰. Но территориальный и языковой раскол не только делает невозможной федерализацию Украины, он существенно затрудняет и полноценную интеграцию Украины с кем бы то ни было.

В-третьих, важным внутривнутриполитическим фактором формирования интеграционной стратегии Украины является резкий разрыв между элитными и массовыми группами общества. Этот разрыв, как показывают исследования, гораздо больше, чем в России или в других странах: «В начале лета 2008 г. в ситуации отсутствия бюджета и галопирующей инфляции, еженедельник “Корреспондент” публикует результаты исследования, представляющие 50 наиболее богатых людей страны. В целом их богатства, оцененные в 112 миллиардов долларов, в два раза превышают годовой бюджет страны. Во главе списка – Ринат Ахметов, отныне депутат, что удвоил свое состояние на протяжении 2007 г.: со своим 31 миллиардом он – наиболее богатый человек бывшего Советского Союза и даже Европы. Во всяком случае, его богатство превосходит капиталы наиболее богатых российских олигархов. Состояния 50-ти наиболее богатых людей Украины представляют 85% ВВП страны, – тогда как у российских богачей – лишь 35%»¹²¹. Отметим, что резкое имущественное расслоение, о котором идет речь, за годы «оранжевой революции» и пребывания В. Ющенко у власти не только не уменьшилось, но существенно возросло. Иными словами, «демократия по-украински» подразумевает бесконтрольное обогащение олигархов. Если элитные группы в целом ориентированы на интеграцию с ЕС, рассчитывая, что эта интеграция даст им еще больше выгод, то массовые группы (за исключением Западной Украины и отчасти Киева) в большей мере ориентируются на интеграцию с Россией или предпочитают интеграцию и с ЕС, и с Россией. В начале 2000-х годов в Украине сформировался своего рода «пакт элит» относительно необходимости интеграции страны с ЕС. В немалой степени это стало основой украинской «оранжевой революции» в конце 2004 г. Однако вскоре выяснилось, что вступление Украины в ЕС в обозримом будущем невозможно из-за нежелания самого Союза видеть ее в своем составе. Взамен Украине предложили членство в НАТО, против которого до недавнего времени выступало большинство населения страны. Кроме того, начавшийся в 2008 г. глобальный финансовый и экономический кризис, а затем и кризис в зоне «евро» временно поколебали ориентацию украинских элитных и массовых групп на интеграцию с ЕС.

В то же время значительная часть представителей массовых групп, особенно на Востоке и Юге, была недовольна односторонней прозападной ориентацией политики Украины, что в определенной мере повлияло на действия ее руководства. В итоге украинская политика интеграции при В. Януковиче приобрела ярко выраженный «двухвекторный» характер, когда

¹²⁰ Неймер Ю. *Из стабильности в кризис. Исследования и публицистика социолога в СССР, Украине и США*. М. 2004. С. 432.

¹²¹ Добантон А. *Украина: метаморфозы независимости*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого. 2011. С. 335.

Украина пыталась осуществлять интеграционное взаимодействие одновременно и с ЕС, и с Россией, но ни в том, ни в другом направлении не достигла заметного успеха. Нынешняя украинская власть при президенте П. Порошенко нацелена на одностороннюю ориентацию на США и Евросоюз при одновременном разрушении экономических, политических и культурных связей с Россией. Однако такая однобокая и неорганичная ориентация вряд ли принесет ощутимые результаты в период экономических и политических потрясений, которые охватили разные регионы мира, в том числе Европу и саму Украину. Более того, усиливающийся кризис в зоне «евро», который представляет собой лишь одну из многих составляющих грядущих глобальных финансово-экономических и геополитических потрясений¹²², ставит Украину перед жестким выбором: либо вопреки всему осуществлять дальнейшую европейскую интеграцию и испытать в итоге участь Греции, попавшей в безвыходную долговую ловушку, либо все же развивать экономические отношения с Россией и другими странами ЕврАзЭС и Таможенного союза. Однако главная проблема украинского политического руководства состоит в том, что оно пока не имеет политической воли и решимости продвигаться ни к первому, ни ко второму варианту. Тем не менее рано или поздно выбор придется делать, и от того, каким он будет, во многом зависит судьба не только Украины, но и тесно связанной с ней России.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Учитывая географическое и геополитическое положение Украины, очевидно, что внешнеполитические факторы оказывают весьма существенное влияние на ее интеграционное взаимодействие как с Россией, так и со странами ЕС. При этом в качестве наиболее важного фактора можно выделить внешнеполитическое давление на Киев со стороны Брюсселя и его структур, которые используют в своих интересах стремление украинских элит к европейской интеграции. Это внешнеполитическое давление, как уже отмечалось выше, проявляется со всей очевидностью при каждом обострении внутривнутриполитической ситуации в Украине, например, в период «оранжевой революции», в связи с «делом Тимошенко», при свержении В. Януковича в феврале 2014 г. или при введении антироссийских санкций. При этом речь идет не только о многочисленных заявлениях европейских политических деятелей и их угрозах в адрес России, но и о внушительной финансовой, а также военной помощи радикально-националистическим и антироссийским силам в Украине. Весьма значительной эта западная финансовая помощь была и в годы президентства В. Ющенко, о чем свидетельствует, например, французская журналистка и исследовательница Анни Добантон: «Оранжевая революция, потерпевшая неудачу, спровоцировала перераспределение государственных богатств. Западного финансирования, привлеченного страной, которая в одночасье выходит из тени, избирает путь демократических реформ, решает победить коррупцию, имелось в достатке – в пропорциях, которые разбалансировали национальный

¹²² См., например: Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: «Феникс+». 2006. С. 314-332; Кругман П. *Возвращение Великой депрессии?* М. 2009.

бюджет»¹²³. Свидетельство Анни Добантон тем более ценно, так как она, будучи в начале 2000-х годов советником по культуре при Посольстве Франции в Киеве, хорошо знает ситуацию в Украине и в своих исследованиях последовательно занимает позицию враждебную России, так что ее никак нельзя упрекнуть в преувеличении финансовой помощи западных стран Украине. На «спонсорское участие» Запада в поддержке «оранжевой революции» (прежде всего средствами «мягкой силы») и фактическое стимулирование революционного государственного переворота, расколовшего страну надвое, указывает и профессор Кембриджского университета Дэвид Лэйн¹²⁴.

Однако это была лишь репетиция гораздо более масштабного «спонсорского участия» Запада, открыто вмешавшегося в дела Украины накануне и после нового государственного переворота в феврале 2014 г. Среди европейских стран особо следует отметить внешнеполитическую активность Польши, которая во многих случаях выступает инициатором интеграции Украины с различными структурами ЕС. Интерес Польши к Украине понятен с исторической точки зрения, учитывая, что значительная часть украинской территории когда-то входила в состав Речи Посполитой, простиравшейся от Балтийского до Черного моря. В новых условиях расширения Европейского союза на восток Польша стремится осуществить свои давние геополитические стремления и стать своего рода «посредником» между ЕС и Украиной, но посредником, оказывающим значительное влияние на развитие последней в ущерб российским интересам. Активность Польши в этом направлении особенно усилилась в период «оранжевой революции» 2004 г. и пребывания у власти В. Ющенко. Однако и при президенте В. Януковиче, и при П. Порошенко Варшава по-прежнему пытается играть роль «старшего товарища» по отношению к Киеву с тем, чтобы повлиять на украинскую внутреннюю и внешнюю политику.

Вместе с тем конкретные действия и заявления лидеров стран ЕС, касающиеся Украины, во многом зависят от политики США. В свою очередь украинская составляющая внешней политики Соединенных Штатов в немалой степени определяется состоянием российско-американских отношений. Так, в 2005-2008 гг., когда при Дж. Буше мл. отношения между США и Россией переживали далеко не лучшие времена и многие заговорили о новой «холодной войне», Украину усиленно пытались сделать членом НАТО, что нанесло бы значительный ущерб безопасности Российской Федерации и ее геополитическим интересам. После 2008 г., когда при президенте Б. Обаме в российско-американских отношениях вначале наметилась «перезагрузка», этот вопрос временно был снят с повестки дня. Однако он вновь возник после обострения российско-американских отношений в 2013 г. из-за Сирии и последующего переворота в Украине в 2014 г, так как перспектива вступления Украины в НАТО стала мощным средством политического и военно-стратегического давления США на Россию. Это важное обстоятельство следует учитывать российским государственным деятелям и политикам и не строить иллюзий относительно того, как по вопросу вступления Украины в НАТО поведут себя Соединенные Штаты

¹²³ Добантон А. *Украина: метаморфозы независимости*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого. 2011. С. 335.

¹²⁴ См.: Лэйн Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 2. С. 31-53.

и другие западные страны, даже если этот шаг опять будет неприемлем для большинства украинского населения. В то же время образование ЕврАзЭС и Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана стало важным внешнеэкономическим и внешнеполитическим фактором, воздействующим на интеграционную политику украинского руководства. Следует, однако, иметь в виду, что в ближайшие годы Украина по внутри- и внешнеполитическим соображениям заведомо не станет членом Таможенного союза. Следовательно, в перспективе России необходимо искать другие, более гибкие и опосредованные формы интеграционного взаимодействия Таможенного союза с Украиной.

Итак, на интеграционное взаимодействие Украины с РФ и ЕС оказывают влияние разнообразные внешнеполитические и внешнеэкономические факторы. Эти факторы действуют разнонаправленно, что в немалой мере определяет противоречивые шаги украинского руководства, зачастую прямо противоречащие национальным интересам Украины.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Каковы же долговременные перспективы экономической и политической интеграции Украины с Евросоюзом и Россией, учитывающие не только нынешнее плачевное состояние российско-украинских отношений, но и будущие сдвиги и изменения? Четко и однозначно ответить на это вопрос не так-то просто. Итак, важными ограничениями интеграционных процессов и в западном (с ЕС), и в восточном (с Россией) направлениях являются как борьба внутри украинских элит, так и глубокий, постоянно воспроизводящийся раскол украинского общества по территориально-региональному и языковому признакам. В результате любое отклонение интеграционных процессов в сторону России тут же вызывает ответную реакцию и внутри прозападной части украинского общества, и в странах Евросоюза, и в США. В то же время заметное отклонение этих процессов в сторону ЕС вызывает не менее сильную ответную реакцию внутри пророссийской части украинского общества и в самой России. Возникают своеобразные «качели», раскачивающие украинские внутрисполитические процессы и постепенно, но неуклонно дестабилизирующие украинскую государственность. Это «раскачивание на качелях» разрушительно для Украины и оказывает весьма деструктивное воздействие на украинскую политическую и экономическую ситуацию. В итоге вырисовываются три основных сценария дальнейшего развития интеграционных процессов в Украине. Сразу же оговоримся, что вероятность осуществления каждого из этих сценариев зависит не только от внутрисполитической ситуации в стране, но и от общего развития ситуации в мире, в частности, от глубины экономических кризисов и от масштабов возможных региональных геополитических конфликтов.

Первый сценарий предполагает ускоренную ассоциацию Украины со структурами ЕС и ее последующее вступление в НАТО, сопровождающееся резким обострением российско-украинских отношений. Такой вариант развития событий по сути уже реализуется с приходом к власти в Украине радикальных антироссийских сил и проведением США и странами ЕС политического курса, направленного на дестабилизацию ситуации на постсоветском пространстве. При последовательном осуществлении этого сценария неминуемо произойдет крах экономики Украины, украинское государство окажется в долговой яме, социальные конфликты в стране усилятся, ожесточенная борьба за властные

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ...

ресурсы станет еще более ожесточенной. При этом признаки несостоятельности украинской государственности будут нарастать, наряду с симптомами утраты суверенитета и полной зависимости от внешних сил.

По второму возможному сценарию, Украина после резкого «прозападного» виража рано или поздно снова продолжит свою «двухвекторную» политику интеграции одновременно и с ЕС, и с Россией. В этом случае она в экономическом отношении окажется более тесно ассоциированной с ЕС (однако без членства в НАТО), но вместе с тем будет зависеть от России в том, что касается поставок энергоносителей, сбыта своей сельскохозяйственной продукции на российский рынок, а также, возможно, сотрудничества в некоторых высокотехнологичных и военно-технических отраслях производства. Украина не станет членом Таможенного союза, но будет поддерживать с ним более тесные экономические связи, частично участвуя в формировании элементов единого экономического пространства с Россией, Белоруссией и Казахстаном. Такой сценарий в целом является более благоприятным для РФ, но он возможен лишь при условии, что к власти в Украине придут более прагматичные и более умеренные политические силы. Это, в свою очередь, во многом зависит от развития внутрисполитической ситуации не только в Украине, но и в России, США и ведущих странах ЕС.

Наконец, третий сценарий предполагает, что Украина из-за внутреннего раскола в элитных и массовых группах в итоге окажется неспособной осуществить реальную и полноценную интеграцию ни с Европейским союзом, ни с Россией и другими государствами ЕврАзЭС. В этом случае она останется «геополитическим пространством», разделяющим ЕС и ЕврАзЭС. Такой вариант развития событий выглядит нежелательным для всех трех сторон: и Украины, и России, и ЕС. В целом он является маловероятным, но все же может осуществиться в условиях глубокого социального, экономического и политического кризиса в Украине, неспособности ее политических партий, вошедших в очередной «политический клинч», адекватно решать назревшие проблемы в разных областях жизни общества.

Пока что наиболее вероятным выглядит первый, разрушительный для Украины и опасный для России сценарий. В то же время при изменении международной ситуации возможен и второй сценарий, хотя его вероятность существенно меньше. Учитывая тенденции дестабилизации глобальной экономики и мирового порядка, российскому политическому руководству и всему российскому обществу в ближайшие годы необходимо быть готовыми к быстрым изменениям ситуации и к своевременному эффективному реагированию на эти изменения. Украина имеет большое значение для России в политическом, культурном, экономическом и военном плане, не говоря уже о человеческом измерении, поэтому то или иное развитие событий в украинском обществе может существенно повлиять на геополитическое положение РФ в мире и на ее внутрисполитические процессы. В долгосрочной перспективе определенные шаги по интеграционному взаимодействию между Россией и Украиной должны осуществляться без необоснованных иллюзий, но последовательно и несмотря ни на какие временные препятствия и зигзаги, поскольку такое взаимодействие отвечает долгосрочным стратегическим интересам народов обеих стран.

ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ: ОСНОВНЫЕ РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ

Пантин В.И., Лапкин В.В.

Впервые опубликовано в журнале «Полис. Политические исследования», № 5 (2013). Приводится в обновленной авторской редакции.

Геополитическое положение Украины и его следствия

Украина сегодня претендует – с опорой на своего рода историческую традицию – на особое геополитическое положение в Европе и, шире, в Северной Евразии, положение ключевого посредника между Европейским союзом (ЕС) и Россией. При этом ее политические элиты отнюдь не готовы довольствоваться ролью пассивного элемента восточноевропейского пространства, за контроль над которым соперничают Восток и Запад. В течение всего постсоветского периода Украина, во многом из тактических соображений и руководствуясь интересами усиления собственной властной и хозяйственной «независимости», проводит политику постепенного, но неуклонного дрейфа от России – в сторону ЕС. Иными словами, украинская политика постсоветского периода привносит существенный вклад в процесс геополитического соперничества между Россией и ЕС, во многом определяет приоритетные направления и характер евразийских интеграционных процессов. Недаром Збигнев Бжезинский в своей известной книге «Великая шахматная доска» отмечал: «Любое новое евразийское государство, базирующееся исключительно на власти России, без Украины неизбежно с каждым годом будет становиться все менее европейским и все более азиатским, ...более далеким от Европы государством»¹²⁵. При этом Бжезинский фактически указал на одну из важных целей внешней политики США: изолировать Россию от Украины и тем самым «выдавить» из Европы российское государство, превратив его в «чисто азиатское». Правда, заметим в скобках, после бурного развития Китая, Индии, Южной Кореи на фоне глубокого структурного кризиса Европы термин «азиатское государство» внушает сегодня скорее уважение, чем пренебрежение; но в конце 1990-х годов, когда Бжезинский писал свою книгу, ситуация была иной. Сама же Украина, по мысли тех американских стратегов, чью точку зрения выражал Бжезинский, напротив, должна стать «чисто европейским» государством, примкнувшим к ЕС. Подобные идеи так или иначе овладевали умами украинских политиков и крупных предпринимателей. Эти и другие обстоятельства способствовали оформлению к началу 2000-х годов негласного консенсуса украинских элит относительно того, что Украина должна любой ценой и не считаясь ни с какими жертвами двигаться от России в сторону Европы.

Однако «путь в Европу» для Украины неизбежно оказался весьма непростым, чреватым многочисленными рисками и потрясениями. В отличие от стран Восточной Европы и даже Литвы, Латвии и Эстонии, политическая система постсоветской Украины очень скоро приобрела ярко выраженные черты *олигархии*. Чтобы нас не упрекнули в пристрастности, публицистичности

¹²⁵ Бжезинский З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. М.: Международные отношения. 1998. С. 115, 137.

или в сгущении красок, предоставим слово французской журналистке и исследовательнице политических процессов Анни Добантон, которая в 2000-х годах работала советником при посольстве Франции в Киеве и не только наблюдала «оранжевую революцию», но и в какой-то мере способствовала ей. При этом Добантон никогда не скрывала своих антироссийских взглядов, что делает ее свидетельство еще более ценным. Вот что она писала об украинских олигархах, выстраивающих политическое пространство нового украинского государства на основе дистанцирования от «Москвы» и сближения с «Европой»: «Им надо 'приручить' мир политики иным образом: у 'крыши' поменяется владелец. После стольких лет скрытности, объясняющейся особенностями их деятельности, они вдруг раздражаются статьями на первых полосах газет... Демократическая оппозиция считала их бандитами? Но вот у них относительно обычный образ жизни, он весь на виду. 'Олигархи' – загадочные, с далеко не лестной репутацией – теперь на людях, в костюме и с галстуком. Они приоткрывают дверь своей личной жизни: семья, дача, машина, хобби... Денежные мешки оплачивают прессу, которая, отрабатывая гонорары, тревожится о судьбе Рината Ахметова, первого богача страны... Ющенко сделал элегантность революционной ценностью? Политес и этикет становятся значимыми ценностями тогда, когда внешнюю форму, видимость предпочитают сущности вещей»¹²⁶. И далее: «В начале лета 2008 г. в ситуации отсутствия бюджета и галопирующей инфляции, еженедельник 'Корреспондент' публикует результаты исследования, представляющие 50 наиболее богатых людей страны. В целом их богатства, оцененные в 112 миллиардов долларов, в два раза превышают годовой бюджет страны. Во главе списка – Ринат Ахметов, отныне депутат, что удвоил свое состояние на протяжении 2007 г.: со своим 31 миллиардом он – наиболее богатый человек бывшего Советского Союза и даже Европы. Во всяком случае, его богатство превосходит капиталы наиболее богатых российских олигархов. Состояние пятидесяти наиболее богатых людей Украины представляет 85% ВВП страны, – тогда как у российских богачей – лишь 35%»¹²⁷.

Итак, в условиях олигархии представители разных элитных группировок обладают всей полнотой власти, а подавляющее большинство населения может демонстрировать свое несогласие, но по существу ничего сделать не в состоянии. Более того, уже при Л. Кравчуке и особенно при Л. Кучме в Украине постепенно стал складываться *персоналистский* политический режим, опирающийся на олигархию¹²⁸, который получил свое развитие при В. Ющенко и особенно при В. Януковиче. Формирующаяся демократия приобретала ярко выраженный имитационный характер, а политический персонализм олицетворял своего рода компромисс между императивом демократизации и архаичной политической культуры и властных практик украинских элит. И хотя по формальным признакам институты политической конкуренции и многопартийности в Украине оказались весьма устойчивыми к попыткам президентской власти выстроить

¹²⁶ Добантон А. *Украина: метаморфозы независимости*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого. 2011. С. 288-289.

¹²⁷ Там же. С. 335.

¹²⁸ Лапкин В.В. Политический контекст президентских выборов в Украине (К анализу политических рисков на постсоветском пространстве). // *Россия и новые государства Евразии*. 2010, № 1. С. 22-37.

«прямые» механизмы управления политической сферой, в условиях политически неконсолидированной нации и слабого гражданского общества они стали фактором не столько развития, сколько дестабилизации общества (см. напр.¹²⁹). При этом очевидно, что олигархия и персоналистский режим, возникшие в Украине, не слишком сочетаются с европейскими демократическими политическими ценностями и институтами.

Неоднозначность, непоследовательность и противоречивость политического процесса в Украине как на массовом, так и на элитном уровнях отмечалась многими исследователями¹³⁰. Отметим также точную характеристику украинской государственности, данную Е. Мелешкиной: «...Разногласия по поводу вопросов идентичности, неконсолидированность режима, наличие существенных разногласий по поводу правил политической игры, 'приватизация' государства экономическими кланами... обуславливают периодические политические кризисы, слабую эффективность системы государственного управления. Государственное строительство на Украине характеризуется нестабильностью конституционных норм, слабой институционализацией властных отношений и значительным влиянием на последние неформальных отношений и личных связей»¹³¹. Проявлением этого являются, в частности, характерные «развороты» в украинской политике, происходящие с каждой сменой первого лица государства (в 1994, 2004, 2010 и в 2014 г.). Так, крен в сторону национализма и полиархии (Л. Кравчук, В. Ющенко) закономерно породил обострение межрегиональных расколов в украинском обществе, снижение темпов экономического развития и падение уровня жизни массовых слоев населения. Симпатии электората склонялись в поддержку альтернативной стратегии консолидации политических и экономических ресурсов страны, в том числе – в поддержку хозяйственной интеграции и кооперации с Россией. Но реализация такой стратегии (Л. Кучма, В. Янукович) неизбежно сопровождалась демонтажем элементов полиархического режима и укреплением персонализма, что вскоре вновь усиливало протестное движение, наиболее эффективно консолидирующееся под знаменами национализма. Политический цикл замыкался. Именно поэтому события в Украине, начавшиеся в конце 2013 г., представляются серьезным дестабилизирующим фактором ее внешней и внутренней политики, новым испытанием на прочность существующего на уровне как элитных, так и массовых групп консенсуса относительно необходимости сохранения независимого украинского государства. Достаточно ли устойчивыми будут и этот консенсус, и сформировавшиеся элементы демократии для полноценного развития Украины и ее интеграции с ЕС в условиях резкой

¹²⁹ Неменский О.Б. Украина: многопартийность без гражданского общества. // *Мир и политика*. 2012, № 12. С. 38.

¹³⁰ См. например: Гельман В.Я. Уроки украинского // *Полис. Политические исследования*. 2005, № 1; Панина Н. *Украинское общество 1994-2005: год перелома*. Киев, 2005; Wilson A. *Ukraine's Orange Revolution*. New Haven CT and L.: Yale University Press, 2005; *Natsional'na Akademiya Nauk Ukraini, Institut Sotsiologii, Ukrain's'ke suspil'snvo 1992 – 2007*. Kiev: Akademiya Nauk Ukraini, 2007. С. 474-478; Лэйн Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? // *Полис. Политические исследования*. 2010, № 2. С. 32-33.

¹³¹ Мелешкина Е.Ю. *Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография*. М.: ИНИОН РАН. 2012. С. 211.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ...

социально-политической поляризации и дестабилизации украинского общества и в обстановке длительного системного кризиса в Евросоюзе?

Сложное геополитическое положение Украины и ее не менее сложная история послужили причиной многих проблем и трудностей, в том числе связанных с латентным социокультурным расколом, неоформленностью зрелой государственности и имитационным характером политической системы. Исторически сформировавшееся разделение Украины на Левобережную, которая с середины XVII в. вошла в состав России, и Правобережную, больше тяготевшую к польско-литовскому государству, а впоследствии – к Европе, на длительное время задало геостратегические ориентиры и культурные архетипы самоопределения украинских элит. В результате, в Украине как «стране окраин» (по-польски земли Западной Украины назывались «кресы», – что буквально означает «окраины»), единая территория, которая является важнейшей предпосылкой возникновения государства, фактически до конца так и не сформировалась. Исторически и вплоть до настоящего времени территория Украины представляла и представляет собой совокупность отдельных областей и местечек. «Еще одно последствие такой разрозненности территорий – представление, что политический авторитет не является решающим для государства, а потому он не может составлять его конституирующее начало. Не король и не царь, а ‘громада’ – товарищество – вот ‘первичная ячейка’ государственного порядка»¹³². Но тем самым вместо реального сочетания государственной централизации и автономии отдельных регионов Украина получила множество «самостийных» территорий без реального политического авторитета консолидированной гражданской нации и ее современных политических институтов.

Более того, Украина, которая на протяжении многих веков была ареной геополитического противоборства сначала между Польшей и Россией, затем между Германией с Австро-Венгрией и Россией, сейчас снова, по словам немецкого политолога Александра Рара, обретает черты особого «геополитического пространства» между Европейским союзом и Россией. Однако Украина по своему человеческому, ресурсному и экономическому потенциалу, а также своей предыстории, безусловно, претендует на большее, чем статус некоего «геополитического пространства», являясь страной с самобытной культурой, которая была долгое время множественными нитями связана и с православным (Россия), и с католическим (Польша, Австро-Венгрия) мирами.

Думается, в сегодняшнем сложном и политически не вполне оформленном положении Украины есть вина не только украинских политиков и олигархов, которые использовали независимость преимущественно для удовлетворения своих властных и собственнических амбиций, не только ЕС и США, которые в политике по отношению к Украине руководствуются собственными геополитическими антироссийскими интересами, но и вина самой России. В 1990-е годы и в начале 2000-х годов Россия, которая находилась тогда в весьма тяжелом положении, не предприняла необходимых усилий для более тесной интеграции с Украиной, не оказала необходимую поддержку процессам политической консолидации пророссийски настроенных слоев украинского

¹³² Добантон А. *Украина: метаморфозы независимости*. Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого. 2011. С. 55.

общества, ограничившись бесконечными переговорами о цене российского газа и его транзита через территорию Украины. В итоге «газовый конфликт» стал основой не только экономического, но и политического отчуждения, усилившегося в российско-украинских межгосударственных отношениях, что сегодня прямо и непосредственно угрожает российским национальным интересам. А расчет на то, что опорой российских интересов в Украине будут политические партии, сплоченные интересами ориентированной на российские рынки украинской олигархии, может оказаться, в конечном счете, ошибочным.

«Оранжевая революция» в Украине, произошедшая в конце 2004 г, была вызвана массовым стремлением к радикальному продвижению вперед, к своего рода «большому скачку» в Европу. Но и украинская государственность, и украинская политическая система имели множество очевидных дефектов, делавших Украину совершенно неготовой стать европейским государством. В результате «оранжевая революция» стала причиной огромных издержек и жертв (и в социально-экономическом плане, и в плане разочарования в эффективности демократии и ее политических лидеров), обусловленных стремлением к столь радикальной «европеизации» Украины. Выяснилось, в частности, что без России, без российских поставок энергоносителей по низким ценам, без кооперации украинских и российских предприятий, без российского рынка украинская экономика и население начинают испытывать большие проблемы, а США и ЕС в этой ситуации ничем не могут и не хотят помочь. К тому же попытки резкого культурного и политического дистанцирования Украины от России, включая политику, ориентированную на решительную реконфигурацию национальной идентичности, на радикальный пересмотр истории, предпринятые при президенте Ющенко, вызвали ответную реакцию со стороны массовых групп украинского общества, в основном на востоке и на юге Украины. В результате существовавший раскол Украины на запад и центр, с одной стороны, и на восток и юг, с другой, не только не ослабел, но, напротив, приобрел отчетливые признаки политического противостояния. Коллапс «оранжевой» политики побудил украинские элиты к некоторой коррекции политического курса и к известной перегруппировке. На президентских выборах 2010 г. победил В. Янукович, обещавший убрать «перегибы» предшественников и осуществить урегулирование экономических и политических отношений с Россией. Однако при этом он никогда не отказывался, да и не мог отказаться от сближения Украины с ЕС, покуситься на изменение этого главного вектора украинской внешней политики.

В то же время при персоналистском режиме Януковича торг с Брюсселем по поводу условий ассоциированного членства Украины в ЕС приобрел новые черты и нюансы. Одним из ключевых условий ЕС стало прекращение «преследования украинской оппозиции», прежде всего в лице Ю. Тимошенко и ряда ее соратников. Его выполнение грозило Януковичу колоссальными политическими рисками и почти неизбежным ответным преследованием со стороны радикальной оппозиции после «триумфального» возвращения Ю. Тимошенко в большую политику. Вместе с тем, для Януковича и «Партии регионов» было невыгодно форсировать процесс интеграции ни с ЕС, ни с Россией. Для них важно было сохранять возможность «торга» с обеими сторонами, возможность добиваться ассоциированного членства Украины в ЕС и одновременно не портить отношений с Россией, у которой необходимо выторговать снижение цен на газ и ряд других преференций. Тем не менее, найти решение такой

двуетединой задачи и прежнему (В. Ющенко), и нынешнему (В. Янукович) украинскому руководству достаточно сложно по целому ряду причин.

Во-первых, политическое руководство ЕС весьма заинтересовано в том, чтобы любыми способами «дожать» Украину по вопросам полной политической и экономической привязки Украины к «европейской семье», даже ценой ухудшения или полного разрушения российско-украинских отношений. С этой целью оно последовательно и неуклонно акцентировало больные для В. Януковича вопросы, в том числе и об освобождении Ю. Тимошенко.

Но и Россия, и это во-вторых, не готова была снабжать Украину дешевым газом, одновременно спокойно наблюдая за движением Украины в сторону ЕС и особенно в сторону членства в НАТО. Такое развитие событий было неприемлемо для российских властей не только в силу очевидных экономических и геостратегических соображений, но и потому, что российское общество в подавляющем большинстве своем могло крайне болезненно отреагировать на такой «провал» российской внешней политики. Об этом, в частности, свидетельствуют данные всероссийских опросов общественного мнения. Так, по информации Левада-Центра в 2010 г., 60% респондентов считали, что Россия и Украина должны быть независимыми, но дружественными государствами – с открытыми границами, без виз и таможен, а еще 18% были согласны с мнением, что Россия и Украина должны объединиться в одно государство. В то же время 73% опрошенных полагали, что присоединение Украины к НАТО в той или иной мере создало бы угрозу безопасности России и только 17% респондентов считали, что никакой угрозы это не создаст¹³³.

В-третьих, и это обстоятельство имеет принципиально важное значение, политическая система Украины по-прежнему остается нестабильной, подверженной многочисленным рискам и потрясениям, которые в итоге могут разрушить независимую украинскую государственность. Скандальный успех на парламентских выборах 2012 г. радикально-националистической партии «Свобода» стал очередным сигналом о несбалансированности украинской партийно-политической системы. В подобной ситуации пространство маневра для персоналистского режима и для украинских элит резко сузилось, и политическая ситуация в Украине претерпевает очередные резкие и неожиданные изменения.

Факторы дестабилизации украинской политики

Итак, как уже отмечалось выше, с начала 2000-х годов среди украинских элит (но не среди массовых групп!) существует консенсус по поводу необходимости интеграции с ЕС и «европейского выбора» Украины, а также столь же последовательного дистанцирования от России, русской культуры и соответствующей языковой, исторической и этнонациональной идентификации. Впрочем, даже в случае гипотетической интеграции Украины с ЕС, о которой мечтают многие украинские политики, эта интеграция вовсе не даст украинской политической системе гарантии от новых потрясений. Напротив, разрыв связей с Россией и глубокая интеграция с ЕС будут способствовать превращению Украины в наиболее проблемную в политическом и экономическом отношении страну Европейского Сообщества, в резервуар дешевой рабочей силы и рынок

¹³³ Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. 2011. Доступ: <http://www.levada.ru/archive/rossiya-strany-sng>.

сбыта товаров для европейских производителей. Кроме того, не следует забывать, что сам ЕС находится и в течение еще достаточно продолжительного времени будет находиться в состоянии системного кризиса, включая кризис социального государства (см. напр.¹³⁴). Такая ситуация отнюдь не благоприятствует полноценной и успешной интеграции Украины с Евросоюзом. Несмотря на это, украинские элиты настаивают на ассоциации Украины с ЕС любой ценой и не считаясь ни с какими потерями. Однако подобная политика, если она осуществится, неизбежно будет означать вступление Украины на путь долговременных великих потрясений.

Основные риски украинской внутренней и внешней политики в случае поспешной и непродуманной интеграции с ЕС состоят в следующем. Во-первых, Украина, подобно Греции и целому ряду других европейских стран, довольно скоро попадет в «долговую яму», из которой выбраться будет очень сложно. Поскольку от Украины в обмен на очередные кредиты «большой тройки» (Европейского Центрального банка, МВФ и Всемирного банка) будут требовать увольнения государственных служащих и работников многочисленных предприятий, которые окажутся нерентабельными в условиях существующей в ЕС жесткой конкуренции между «старыми» и «новыми» странами-членами, резко возрастет безработица и в целом снизится и без того невысокий уровень жизни населения. Результатом станут неизбежные социальные и политические потрясения, которые в перспективе могут угрожать территориальной целостности Украины.

Во-вторых, неизбежное отдаление Украины от России и других стран СНГ приведет к росту напряженности в российско-украинских экономических и политических отношениях. В случае вступления Украины в НАТО, которого добиваются прежде всего США, эта напряженность может вылиться в серьезный политический конфликт. Для значительной части русскоязычного населения Украины это чревато не только разрывом человеческих, семейных и культурных связей с Россией, но и его изоляцией вплоть до политических и культурных преследований в собственной стране (например, по причине использования русского языка на работе и в других общественных учреждениях). Тем, кто считает подобную перспективу невероятной, можно напомнить не только некоторые эксцессы «оранжевой революции», но и радикальные установки и действия представителей партии «Свобода», а также других украинских партий. Не стоит также сбрасывать со счетов возможность развития тенденций, подобных тем, что характеризуют дискриминационную практику «неграждан» в Латвии и иные правовые ограничения, применяемые по этническому признаку в странах Балтии, а также связанные с ними многочисленные эксцессы и нарушения прав человека. Очевидно, что такое развитие событий не пойдет на пользу ни украинскому населению, ни украинской государственности, ни украинской политической системе.

В-третьих, однобокая проевропейская политическая ориентация в условиях современной глобализации, а также быстрого политического и экономического роста таких стран, как Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, выглядит (и на деле во многом является) анахронизмом, ярко выраженным признаком политической периферийности украинского государства. Центр тяжести

¹³⁴ Мир. Вызовы глобального кризиса. Италия. // МЭиМО. 2013, № 5. С. 67-80.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ...

мировой политики и экономики постепенно и необратимо смещается с Запада на Восток или, по крайней мере, в Азиатско-Тихоокеанский регион, в то время как Европа довольно быстро «исламизируется», а США «мексиканизируются». В таких условиях разрыв политических связей с Россией в перспективе чреват не столько «европеизацией», сколько «исламизацией» Украины, наплывом в нее, как и в другие европейские страны, значительных масс людей из стран Ближнего Востока, Северной и Тропической Африки.

Наконец, в-четвертых, победа радикальных прозападных и проевропейских сил в Украине и насильственное насаждение украинской идентичности не приведет к смягчению внутренних политических конфликтов, а лишь переведет их в другую плоскость. Дело в том, что украинские олигархи, которые реально управляют страной, стремятся сосредоточить в своих руках не только экономическую, но и политическую власть, поскольку политическая власть позволяет им бесконтрольно обогащаться, консервируя экономическое отчуждение и прозябание большинства украинского населения. Но это неминуемо приведет к конфликтной рассогласованности украинских политических институтов и акторов с политическими институтами и акторами ЕС, к столкновению между самими украинскими олигархами, как это произошло в свое время между «соратниками по оранжевой революции» – В. Ющенко и Ю. Тимошенко. В итоге Украина окажется не только в ситуации усиливающейся внешне- и внутривнутриполитической напряженности, но и в состоянии социально-политической стагнации, причем «крайними» в ней окажутся большинство украинских граждан, – прямо по пословице: «паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат».

Выход из этой ситуации может быть задан альтернативной политической стратегией развития Украины – стратегией балансирования и маневрирования между ЕС и Россией (точнее, между двумя интеграционными объединениями – европейским и евразийским, представленным структурами Таможенного союза, ЕврАзЭС и др.). Несмотря на то, что и эта стратегия имеет свои значительные изъяны и недостатки, в целом и для Украины, и для России она все же более предпочтительна, нежели взаимное дистанцирование и конфронтация. Основной вопрос, однако, заключается в том, кто именно, какой политической субъект, какая политическая сила в Украине сможет проводить такую политику? Так, в сфере внешней политики маневры Украины в сторону сближения с Россией последовательно блокируются руководством ЕС, ставящим Украине условия, исключающие ее одновременное продвижение по обоим внешнеполитическим направлениям. Столь же ограниченными оказались и возможности внутривнутриполитического маневра В. Януковича и «Партии регионов». Их претензии на имидж всеукраинской политической силы, способной возглавить и осуществлять процесс нациестроительства¹³⁵, оказались в итоге несостоятельными. Их политические противники все более энергично ведут дело к расколу Украины по этническому, языковому и конфессиональному признакам, к поляризации страны.

Кроме того экономический кризис в Украине все больше углубляется¹³⁶, уровень жизни большинства населения падает, а это не способствует

¹³⁵ Рябов А.В. Украинская политическая динамика: итоги и перспективы. // МЭиМО, 2013. № 9. С. 101-102.

¹³⁶ Косикова Л.С. Экономическая ситуация в Украине и ее социально-политические последствия. // МЭиМО. 2013, № 9. С. 98- 99.

стабильности во власти и в обществе. Страна фактически живет за счет зарубежных кредитов и все больше погружается в долговую яму, промышленность и сельское хозяйство разрушаются. В результате социально-политическая ситуация в Украине обостряется все больше и больше, что влечет за собой резкое усиление политического противостояния и многочисленные конфликты.

Россия и Украина: перспективы и варианты политического взаимодействия

Очевидно, что Россия и Украина как два крупнейших государства Восточной Европы с общей границей, историей и культурой в любом случае обречены на достаточно тесное политическое взаимодействие. Каким будет это взаимодействие – вот в чем вопрос. Преимущественно дружественное и партнерское или преимущественно враждебное и неконструктивное, ориентирующееся на кооперацию или на конфронтацию, нацеленное на взаимный интерес или на муссирование старых обид и новых претензий? Страхи украинских политиков и интеллектуалов перед «имперской» политикой прежней и новой России активно и искусно подогреваются и соответствующими политическими кругами стран ЕС (особенно Великобритании и Польши), и пропагандой США, и украинскими диаспорами в Канаде, США, других западных странах (о влиянии, в том числе и финансовом, Запада, по преимуществу – США см.¹³⁷). Между тем Россия в отношении Украины занимает и в идеологическом плане, и в плане перспектив будущего сотрудничества весьма пассивную позицию. Российские инициативы довольно однообразны, а предложения, зачастую, не оставляют ей самой необходимого пространства маневра и неприемлемы ни для одного из сегментов украинской элиты (характерно, что наибольшего успеха в газовом вопросе России в свое время удалось добиться на переговорах с циничным премьером-прагматиком Ю. Тимошенко). Создается впечатление, что Россия не только весьма низко оценивает договороспособность, надежность и постоянство своих украинских партнеров, но и, на свою беду, не считает Украину приоритетным направлением продвижения своих внешнеполитических и внешнеэкономических интересов.

Так, в конце 2012 – начале 2013 гг. российские переговорщики активно предлагали Украине присоединиться к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана и стать его полноправным членом со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Обосновывались эти предложения исключительно соображениями экономической целесообразности и рациональности – выгодами, которые получит Украина от такого членства, в частности, от поставок российских энергоносителей по более низким ценам. Однако при этом совершенно не учитывалась политическая составляющая, а именно все тот же консенсус украинских элит по поводу необходимости интеграции с ЕС, а также обязательства украинских политиков, включая В. Януковича, перед ЕС. В итоге Украина отвергла все, на первый взгляд, разумные, предложения России об интеграции, и дело свелось к чисто символическому участию Украины в евразийском интеграционном объединении в качестве «наблюдателя» Таможенного союза.

¹³⁷ Wilson A. *Ukraine's Orange Revolution*. New Haven CT and L.: Yale University Press. 2005. С. 183-188.

Между тем украинская сторона на переговорах в начале 2013 г. рассчитывала заключить соглашение с Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана, которое вместе с тем не препятствовало бы созданию зоны свободной торговли Украины с ЕС. По итогам переговоров министра иностранных дел России С. Лаврова и министра иностранных дел Украины Л. Кожары последний заявил, что Украина надеется до конца 2013 г. создать зону свободной торговли одновременно с ЕС и с Таможенным союзом, став «единственным государством в мире, у которого есть такие зоны и на востоке, и на западе»¹³⁸. При этом Украина была готова присоединиться к некоторым правилам Таможенного союза. Между прочим другим таким государством, которое намерено иметь зоны свободной торговли и на западе, и на востоке, являются США. Как известно, Соединенные Штаты выступают членом зоны свободной торговли североамериканских государств НАФТА, куда входят также Канада и Мексика, и собираются заключить соглашение о свободной торговле с Евросоюзом. Таким образом, никакого нового прецедента в межгосударственных отношениях подобное одновременное участие Украины в двух интеграционных объединениях не создает. Ввиду этого все возражения ЕС по поводу нежелательности и неприемлемости для процесса евроинтеграции Украины ее интеграционного взаимодействия с Таможенным союзом лишены каких бы то ни было оснований, за исключением разве что антироссийских настроений в США и в некоторых странах ЕС. России следовало бы воспользоваться этой ситуацией и настаивать на выполнении Украиной пусть не всех, но некоторых важных для России и других членов правил Таможенного союза. К сожалению, до настоящего времени Россия полагает подобный гибкий подход излишним. Российские переговорщики по-прежнему настаивают на полноценном присоединении Украины к Таможенному союзу и на соблюдении ею всех правил этого интеграционного объединения.

На наш взгляд, неудача попыток интеграции России и Украины обусловлена не только внешними факторами (жесткой позицией ЕС и США относительно российско-украинской интеграции и прямым политическим давлением ЕС на Украину и ее руководство), но и недостаточной гибкостью российской политики в отношении Украины. Требование полноценного присоединения Украины к Таможенному и Евразийскому союзу в настоящее время и в ближайшей перспективе является нереалистичным, оно способно только оттолкнуть Украину от России и дать лишние козыри адептам полностью прозападного политического курса украинского общества и украинской элиты. Необходимо предлагать Украине и нынешнему украинскому руководству пусть скромные, но непосредственно реализуемые шаги по осуществлению российско-украинской интеграции как на двустороннем, так и на многостороннем (в рамках Таможенного союза и единого экономического пространства) уровнях. Иными словами, вместо «большого скачка» России и Украине целесообразнее продвигаться по пути политической и экономической интеграции пусть менее эффективно, понемногу, но более последовательно и поступательно. Этот путь продвижения к интеграции оптимален и для политического менталитета украинского общества, и для украинских элит,

¹³⁸ Украина хочет стать государством двух союзов. // *Коммерсантъ*, 30.03.2013. Доступ: <http://www.kommersant.ru/doc/2159197>.

особенно в контексте сложной политической ситуации в сегодняшней Украине. Подобный вариант развития политического и экономического взаимодействия между Россией и Украиной в существующих условиях был бы предпочтительным, хотя он и предполагает сравнительно медленное развитие российско-украинской интеграции, не отменяя при этом противоречий между политическими элитами двух стран, но предоставляя возможность избежать непоправимых ошибок на пути интеграции. Таким представляется наиболее благоприятный для обеих стран вариант политического и экономического взаимодействия Украины и России.

В случае если данный вариант постепенной, «пошаговой» интеграции России и Украины не осуществится, вероятнее всего реализуется другой вариант – радикальная интеграция Украины с ЕС, означающая фактическое поглощение ее экономики европейскими и американскими ТНК, а также жесткую привязку украинской внутренней и внешней политики к обязательствам перед западными партнерами. Объясняется это прежде всего тем, что украинская экономика в технологическом и институциональном отношении неконкурентоспособна по сравнению с экономиками ведущих стран ЕС. Кроме того, заключение соглашения о создании общего рынка ЕС и США, которое с высокой вероятностью (и несмотря на серьезное ему сопротивление со стороны ряда лоббистских структур Евросоюза) произойдет через несколько лет, поставит украинскую экономику в еще менее выгодное положение. Соответственно, ее упадок и деградация, а также возросшая долговая зависимость от МВФ и ЕС неизбежно приведут Украину, и так имеющую обременительные долги и политически поляризованную, к социальным потрясениям, к существенной политической зависимости от ведущих западных стран, к ослаблению украинского общества и государства. В этом случае политические отношения между Украиной и Россией могут не только резко ухудшиться, но и обостриться до предела, особенно в случае вступления Украины в НАТО, к чему ее подталкивают западные государства. «Ассоциированное членство» Украины в ЕС, которое уже фактически оформлено, может стать первым, но далеко не последним шагом на этом пути.

Таким образом, в этой непростой ситуации России, чтобы добиться сколько-либо полноценного политического взаимодействия и интеграции с Украиной, придется проявить большую политическую гибкость, отчасти даже в ущерб собственным сиюминутным, кратковременным интересам. В то же время Россия должна последовательно защищать свои национальные интересы и интересы русскоязычного населения Украины. Если же Россия будет занимать либо слишком жесткую позицию, либо, напротив, пренебрежет своими национальными интересами и перестанет поддерживать жителей юго-востока Украины, ориентирующихся на развитие отношений с Россией, она рискует утратить все рычаги и возможности влияния в обозримом будущем на предпочтения украинских политических и экономических элит, на политическое развитие Украины. Последствия такого варианта развития событий и для Украины, и для России могут оказаться весьма неблагоприятными.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ И УКРАИНЫ В СВЕТЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ДВУХ СТРАНАХ

Лапкин В.В., Пантин В.И.

Впервые опубликовано в журнале «Россия и новые государства Евразии», № 4 (2012). Приводится в обновленной авторской редакции.

Императивы и альтернативы интеграции в эпоху кризисных потрясений

В широко известной ныне книге Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска»,¹³⁹ вышедшей пятнадцать лет назад, есть глава с характерным названием «Черная дыра»¹⁴⁰. Эта глава посвящена геополитике постсоветского пространства, в первую очередь – принципам построения нового типа взаимосвязей России с окружающими ее странами, анализу формирующихся между ними взаимозависимостей. Особую роль при этом Бжезинский обоснованно отводит ставшему «геополитическим катализатором»¹⁴¹ распаду СССР и последующих перемен политическому расхождению, а затем и разделению России и Украины. «Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства... Потеря Украины явилась геополитически важным моментом по причине существенного ограничения геостратегического выбора России...»¹⁴².

Бжезинский указывает на решающую роль взаимосвязи России и Украины во всей евразийской геополитике и, более того, в том, как воспринимается Россия в мировой политике: «...без Украины с ее 52-миллионным славянским населением любая попытка Москвы воссоздать евразийскую империю способствовала бы, по всей видимости, тому, что в гордом одиночестве Россия оказывалась запутавшейся в затяжных конфликтах с поднявшимися на защиту своих национальных и религиозных интересов неславянскими народами... Любое новое евразийское государство, базирующееся исключительно на власти России, без Украины неизбежно с каждым годом будет становиться все менее европейским и все более азиатским...»¹⁴³.

Иначе говоря, «империя без Украины будет в конечном счете означать, что Россия станет более 'азиатским' и более далеким от Европы государством»¹⁴⁴.

¹³⁹ Бжезинский З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. М.: Международные отношения. 1998. (Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Basic Books. 1997).

¹⁴⁰ Вот его авторское обоснование: «Распад в конце 1991 года самого крупного по территории государства в мире способствовал образованию 'черной дыры' в самом центре Евразии. Это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стерли с карты земли» (там же, С. 108).

¹⁴¹ Там же, С. 115.

¹⁴² Там же, С. 114.

¹⁴³ Там же, С. 115.

¹⁴⁴ Там же, С. 137.

Термин «империя», употребляемый Бжезинским в современном, постсоветском контексте, вряд ли может означать что либо иное, кроме централизованного Россией интегрированного геополитического и геоэкономического объединения формирующихся национальных государств, которое могло бы обеспечивать им эффективное управление совокупными ресурсами и дополнительные возможности кооперации в вопросах безопасности. Фактически – это сценарий успешной реализации интеграционной стратегии на пространствах северной Евразии.

С этой точки зрения значение геостратегического выбора Украины трудно переоценить. Именно Украина уже в течение последних двадцати лет оказывается своего рода «камнем преткновения» для Европы в ее движении в восточном направлении и для России – в ее движении к Западу. Украина как никакая другая из бывших советских республик (за исключением, быть может, Беларуси) важна для России в качестве «коридора стратегической безопасности», возможность контролировать который давала бы ей серьезные «бонусы» в отношениях с Европой. В свою очередь, для Европы (и Запада в целом) Украина, наряду с Турцией, является геополитическим плацдармом, позволяющим, при необходимости, ограничивать возможности экономического и стратегического маневра России на юго-западном направлении (т.е. «закрывать» для нее и Ближний Восток, и Юго-Восточную и Центральную Европу).

Не случайно в той же книге З. Бжезинский рассматривает Украину «после 2010 года» в качестве ключевого восточного элемента «главного ядра безопасности Европы», наряду с также включаемыми в его состав Францией, Германией и Польшей¹⁴⁵. Такого рода «трансевропейский мост» (Франция – Германия – Польша – Украина) в случае реализации мог бы стать основой гораздо более интегрированной и самодостаточной континентальной Европы. Однако в течение всего постсоветского периода украинские политические элиты проводят двусмысленную политику, стремясь заручиться одновременно экономической поддержкой России и политической – Европы, уклоняясь при этом от принятия соответствующих обязательств как перед той, так и перед другой стороной.

Между тем, решающим фактором сегодняшней восточноевропейской (как, впрочем, и всей мировой) геополитики становится глобальный финансово-экономический и политический кризис, кризис прежде вполне устойчивого миропорядка, выстроенного к концу 1990-х годов Западом и вплоть до 2008 г., казалось бы, уверенно контролируемого им. Сегодня этот миропорядок оказался под угрозой, и это признают даже его «архитекторы» в США и ЕС. Критическим дисфункциям подвержены до этого весьма эффективные инструменты глобальной системы мобилизации ресурсов политического и экономического господства Запада.

Затраты на поддержание своей «монополии на лидерство» становятся для США и ЕС непосильным бременем; само же их лидерство, до того бесспорное, оспаривается сегодня по целому ряду важнейших направлений. Стремительно формируются новые глобальные и макрорегиональные центры силы, бросающие вызов прежней экономической и политической гегемонии Запада, такие, как КНР, Индия, Иран, страны Арабского Востока и Южной Америки. Формируются и активно развиваются новые, неконтролируемые Западом

¹⁴⁵ Там же. С. 107.

организации межгосударственного сотрудничества, такие, например, как ШОС, БРИКС, АТЭС.

Эти и другие симптомы изменения прежнего миропорядка оказываются проявлениями, с одной стороны, резко обострившейся глобальной конкуренции за ресурсы, рынки и стратегические инвестиции, а с другой стороны, – признаками усиливающейся кризисной нестабильности, угроза которой служит дополнительным стимулом разработки альтернативных западному глобализму форматов экономической и политической интеграции. Альтернативные глобалистскому локальные и сегментарные интеграционные проекты востребованы сегодня именно как своего рода «страховка», жизненно необходимая в ситуации ставшей очевидной ненадежности глобальных механизмов финансово-экономической и политической регуляции, предлагаемых Западом в предшествующие десятилетия в качестве «безальтернативных»¹⁴⁶.

В этом отношении иницируемые и активно продвигаемые Россией проекты интеграции на постсоветском пространстве (прежде всего ЕврАзЭС и Таможенный союз) можно, в логике Бжезинского, рассматривать как попытки локальной Евразийской империализации, альтернативной универсалистской империализации, воплощенной в проектах *Rax Americana* и Большой Европы, с бои в продвижении которых и обозначили самые яркие к настоящему времени проявления текущего глобального кризиса. Именно с этой точки зрения становится понятнее дилемма евразийской (постсоветской) интеграции, стоящая перед Россией. *Включение Украины* в интеграционный процесс позволяет РФ реально рассчитывать на эффективное и полноценное партнерство с Евросоюзом; *интеграция без Украины* в перспективе обрекает Россию на маргинальную роль второстепенной азиатской державы, сырьевой периферии китайского колосса.

Сравнительный анализ современных внутривполитических процессов в России и Украине

Украина и Россия решали задачи политико-институциональных преобразований по-разному, поскольку их исторический опыт государственного существования, геополитическое положение и импульсы национально-государственного самоопределения, приобретенные в процессе распада СССР, оказались в каком-то смысле полярными. Главные идейные и социально-политические размежевания в российском обществе обуславливались прежде всего характером либерально-рыночных преобразований и ключевой ролью центральной власти в процессе приватизации, тогда как в украинском – ключевым

¹⁴⁶ Формирование разного рода форматов «частного страхования» в ситуации кризиса не чуждо и лидерам Запада, США и ЕС. США активно обновляют и совершенствуют систему собственной энергетической безопасности (прежде всего путем продвижения новейших технологий добычи сланцевых нефти и газа и эксплуатации нефтеносного шельфа), которая призвана вернуть им полный контроль над рынками энергоресурсов и резко снизить возможности «энергетического диктата» со стороны России и нефтедобывающих стран Ближнего Востока. ЕС, в свою очередь, активно формирует свою собственную систему финансовой безопасности, призванную обеспечивать «финансовое дисциплинирование» его членов и особые условия кредитования «проблемных» стран Сообщества.

формообразующим элементом политической жизни, а следовательно и основным источником расколов внутри общества стала идея упрочения национально-государственного суверенитета. Дополнительным фактором внутривнутриполитической неустойчивости Украины выступали фундаментальные геополитические и геокультурные расколы в массовом сознании, обусловленные особенностями формирования украинского социума и обретения им государственности¹⁴⁷.

На протяжении всего постсоветского периода наблюдались периоды как дивергенции политических траекторий двух этих стран, так и периоды их сближения, происходящие под воздействием изменения приоритетов внешне- и внутривнутриполитического курса, а также периодических институциональных трансформаций в политико-государственной сфере. При этом в России после принятия конституции 1993 г. в целом осуществлялось последовательное формирование и институциональное обустройство президентско-персоналистского режима¹⁴⁸. Ситуация 2008-2012 гг. (период правления так называемого «дуумвирата») в конечном счете стала лишь ярким подтверждением устойчивости этого тренда.

Напротив, политическое продвижение постсоветской Украины осуществлялось весьма непоследовательно; она то отдалялась от России, ориентируясь на политические ресурсы национализма, то вновь сближалась с ней, вплоть до заимствования российского опыта президентского персонализма. Так, период правления Л. Кравчука в целом характеризовался дивергенцией стратегий развития Украины и России. При сменившем его Л. Кучме обозначились сближение и некоторый параллелизм развития обеих стран. В. Ющенко попытался вновь развернуть Украину прочь от России, и вместе с тем, демонтировать элементы персоналистской власти, выстроенной его предшественником¹⁴⁹. Символами его политики стали «оранжевая революция» и политическая реформа – обе незавершенные.

Новый поворот (начало 2010 г.) был связан с приходом к власти В. Януковича. Первые два года его президентства стали в целом периодом

¹⁴⁷ См. Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины. // *Полис. Политические исследования*. 1998, № 3; *Политические и экономические преобразования в России и Украине*. 2003. М.: «Три квадрата»; Лапкин В.В. Украина и Россия. Альтернативы политического развития. // *МЭиМО*. 2009, № 12.

¹⁴⁸ Персонализм, как своего рода компромисс между советским социально-политическим наследием и императивом институциональной демократии, а вместе с тем – как способ адаптации формирующихся постсоветских политий к структурным ограничениям навязанных Западом демократических трансформаций, характерен для большинства режимов, возникших на руинах СССР. Главным индикатором институционального персонализма (а сформировавшийся в России политический режим следует рассматривать в ряду наиболее ярких его примеров) является отнюдь не объем полномочий главы государства, а прежде всего отсутствие «зависимости... реальной политики от результатов парламентских выборов» (Краснов М. Фатален ли персоналистский режим в России? Конституционно-правовой взгляд. // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. М.: Новое издательство. 2007. С. 49).

¹⁴⁹ Критически важным для понимания последующего развития является, на наш взгляд, исследование причин политического провала В. Ющенко, пытавшегося совместить несовместимое: укрепление единства политической элиты украинской нации с деконструкцией персоналистского режима.

«контрреволюции» и «контрреформы». Президент и пропрезидентская «Партия регионов» позиционировали себя в качестве доминирующих центров общенациональной консолидации, всячески способствуя дискредитации своих традиционных политических противников, расколу в их рядах, дроблению прежде крупных право-центристских и умеренно-националистических партий. Вместе с тем, В. Янукович последовательно и активно осуществлял консолидацию ресурсов персоналистской власти, что отчетливо проявилось в ходе судебного процесса над экс-премьером и его главным политическим противником Ю. Тимошенко, завершившегося получившим большой внешне- и внутривнутриполитический резонанс обвинительным приговором.

Характерно, что на фоне избранной Россией стратегии формирования национального государства, где период президентства В. Путина (в сравнении с периодом Б. Ельцина) стал качественно новым этапом упрочения персоналистского режима и его институционализации, Украина шла более сложным путем, «меняя галсы» с каждой сменой первого лица государства. Ее политическая система проявляла повышенную чувствительность к дисфункциям, накапливающимся в ходе реализации то одной, то другой, полярной по отношению к прежней, стратегии национального строительства.

Так, крен в сторону национализма и полиархии порождал обострение межрегиональных расколов в украинском обществе, снижение темпов экономического развития и падение уровня жизни массовых слоев населения. Симпатии электората склонялись в поддержку альтернативной стратегии консолидации политических и экономических ресурсов страны, в том числе – в поддержку хозяйственной интеграции и кооперации с Россией. Но реализация такой стратегии неизбежно сопровождалась демонтажем элементов полиархического режима и укреплением персонализма, что вскоре вновь усиливало протестное движение, наиболее эффективно консолидирующееся под знаменами национализма. Тем самым, политический цикл замыкался. «Оранжевая революция» конца 2004 г. обозначила начало второго такого цикла.

Среди многочисленных очевидных сегодня принципиальных различий в стратегиях национально-государственного строительства России и Украины особо следует отметить характеризующие их совокупности наиболее острых, ключевых проблем национальной консолидации двух стран. Нерешенность этих проблем создает глубокие политические препятствия развитию как Украины, так и России, вносит серьезные искажения в повестку дня проводимых в них модернизационных преобразований.

Для России соответствующая совокупность проблем обусловлена «постимперским синдромом», острой неудовлетворенностью национально ориентированных российских элит ее статусом сырьевого придатка Запада, их стремлением к восстановлению ее прежнего имиджа центральной евразийской державы. Основные трудности в продвижении соответствующей «идеологии имперского реванша» были связаны с отсутствием у этого проекта современного ребрендинга. Дискурс развития в российской политике уже многие годы (фактически, все 13 лет В. Путина) формируется блужданиями между двумя равно непродуктивными крайностями: либеральным западничеством, настаивающим на необходимости буквального перенесения выработанных на Западе практик на российскую почву; и слегка

облагороженным советским империализмом, игнорирующим ресурсы «мягкой силы» и возможности взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Следствием «совмещения» этих крайностей, стремления поскорее обрести приемлемый для западных партнеров современный облик, прикрывающий глубоко архаичную сердцевину страны, оказываются пронизывающая Россию системная коррупция и растущая неуправляемость, а также множасьиися и «многовекторные» проявления агрессивного и антигосударственного национализма, этнической и конфессиональной ксенофобии. «Лекарством» от этих опасных болезней «переходного общества» могла бы стать стратегия «органической модернизации», выстраивающая приемлемый для большинства российского общества (а не только для власти) путь к Современности, не отвергающая и не «преодолевающая» традиционные уклады и ресурсы российской культуры и цивилизации, а активно использующая их и надстраивающая на этом основании социальные институты российского модерна.

В свою очередь для Украины соответствующая совокупность проблем очерчена вопросами государственного статуса русского языка, федерализации страны и политической автономии ряда регионов русскоязычной Новороссии, а также русинского Закарпатья. Так, проблема статуса русского языка оказалась непосредственно связана с выбором стратегии формирования политической и гражданской нации в Украине. Общее число украинских граждан, идентифицирующих себя как русские, составляло в 1989 г. свыше 11 млн. чел. Из них в период с 1990 по 1997 гг., в самые тяжелые годы «перехода к рынку» в Россию эмигрировало лишь 271 тыс. чел. (2,4%)¹⁵⁰. Это свидетельствует об основательной укорененности подавляющего большинства этнических русских на территориях украинского государства (прежде всего в Крыму и Новороссии). Поэтому попытки проведения политики культурной и административной дискриминации русского языка и ограничения прав доступа его носителей к ресурсам государства (образовательным, коммуникационным, правовым и т.п.), особенно активизировавшиеся при президенте В. Ющенко, не только шли вразрез с правовыми и культурными нормами европейской демократии, но и навязывали Украине модель «этнической нации», торпедируя перспективу реальной национальной консолидации украинского государства. Последняя невозможна, отметим, при блокировании участия в процессах национального строительства не только этнических русских (ущемлении их гражданских и человеческих прав), но также и крымских татар, молдаван, болгар, венгров, белорусов, поляков, русинов и других национальных меньшинств, исторически проживающих на территории современного украинского государства.

Однако возможности общественного и государственно-гражданского согласия, в том числе и при использовании потенциала модели федеративного государственного устройства, в свое время были принесены в жертву возобладавшей в посткоммунистической украинской элите идее построения унитарного национального государства (при этом *национальное понималось* в значительной мере *как этнически однородное*). В результате идея национально-государственного суверенитета, традиционный локус консолидации современных наций, в Украине стала главным источником гражданского

¹⁵⁰ Вишневецкий А. Распад СССР: Этнические миграции и проблема диаспор. // *Общественные науки и современность*. 2000, № 3.

противостояния, раз за разом раскалывающего страну. Украина остается унитарным государством, включающим (вплоть до марта 2014 г. *Прим. авторов*) единственную, Крымскую автономию. Несмотря на то, что автономия не стала для украинского Крыма действенным механизмом защиты региональных интересов, идея автономизации во многих украинских регионах сохраняет привлекательность в качестве радикального средства самозащиты в условиях перманентной политической нестабильности. Вместе с тем, и на региональном, и на общегосударственном уровнях отношение к идее федерализации Украины неоднозначно и подвержено переменам. Широта подходов к проблеме хорошо иллюстрируется тем, что для одних решающим доводом в пользу унитарности остается представление об Украине как мононациональном государстве (формально не-украинцы составляют не более четверти ее населения), тогда как для других наиболее значимо то, что русский является языком повседневного общения по меньшей мере для половины ее граждан. Сложность проблемы усугубляется как историческими причинами (многие регионы «исторически» существенно, по меньшей мере на сотни лет старше, чем сама страна), так и переменчивостью конъюнктуры межэлитных конфликтов. Наиболее значимый аргумент против федерализации – ее неэффективность и даже опасность в условиях неукорененной демократии и слабого гражданского общества, не способного эффективно контролировать власть. В таких условиях федерализация, утверждают скептики, способна спровоцировать феодализацию региональных элит. Напротив, сторонники федеральной реформы видят в ней магистральный путь формирования гражданской нации и сохранения целостности государства.

Оценивая итог двух первых десятилетий становления украинского национального государства, следует согласиться с суждением Е. Мелешкиной, которая, дав интегрированную характеристику украинской политике, констатирует ее «...относительно скромные успехи в деле государственного строительства»¹⁵¹. При этом «...разногласия по поводу вопросов идентичности, неконсолидированность режима, наличие существенных разногласий по поводу правил политической игры, 'приватизация' государства экономическими кланами... обуславливают периодические политические кризисы, слабую эффективность системы государственного управления. Государственное строительство на Украине характеризуется нестабильностью конституционных норм, слабой институционализацией властных отношений и значительным влиянием на последние неформальных отношений и личных связей»¹⁵².

К этому следует добавить, в качестве характерной черты украинских политических элит, обеспечивающей их своеобразный «пакт», фактическое «табуирование» ряда принципиальных проблем политической жизни страны в качестве обязательного условия доступа к легитимному участию в политическом процессе. Упорно «изгоняя» проблемы *второго государственного языка и автономизации* из политической повестки дня, украинские элиты сформировали ставшее инвариантом всех последних общеукраинских президентских выборов разделение страны, имеющее

¹⁵¹ Мелешкина Е.Ю. *Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография*. М.: ИНИОН РАН. 2012. С. 208.

¹⁵² Там же. С. 211.

наглядное территориальное отображение – север и запад Украины против востока и юга. Ставший уже привычным раскол страны существенно осложняет решение проблемы консолидации украинского государства как государства-нации. Эта желанная цель идущих уже два десятилетия болезненных общественных трансформаций, тем самым, все более отдалается.

В целом же, в качестве предварительного итога сопоставления российского и украинского опыта постсоветского государственного строительства, следует констатировать острую потребность в появлении акторов, способных предложить обществу проект политического гражданства¹⁵³. Гражданства, распространяющегося поверх этнонациональных и культурно-конфессиональных различий, ненасильственно интегрирующего их и создающего позитивную мотивацию для самоидентификации соответствующего сообщества как единой гражданской нации.

Россия после президентских выборов: неотвратимость прагматического поворота?

Весною 2012 г., голосуя в третий раз за В. Путина-президента, электоральная Россия выбирала стабильность. Этот выбор был тем более предсказуем на фоне невыразительности противостоящих Путину политиков. Их программы, с точки зрения интересов большинства голосующих, воспринимались скорее как требование новых жертв от общества во имя осуществления этих программ, нежели как посулы новых социальных бонусов. А неопределенность и риски, связанные с возможными радикальными переменами в высшем руководстве страны представлялись неоправданно высокими.

Тем не менее, волна протестного движения активного меньшинства, охватившая с конца осени 2011 до начала лета 2012 гг. Москву и ряд других крупных городов России, стала важнейшим политическим событием последних лет, существенно изменившим политический климат в стране и саму повестку дня ее развития. Характерно, что протестный потенциал, обеспечивающий массовую мобилизацию, был обусловлен преимущественно коллизиями вокруг парламентских выборов. Попытка несистемной оппозиции перенести акцент протеста на фигуру самого В. Путина, во-первых, потребовала резкой радикализации требований протестующих, а во-вторых, стала фактором, заметно снизившим массовость и энтузиазм движения. В этом проявилась специфика политических ожиданий массовых слоев, составляющих большинство российского общества.

С одной стороны, по мере происходящих в нем процессов накопления частной собственности и социального капитала это большинство все более тяготилось повсеместной коррупцией чиновничества и произволом местных властей, перераспределявших в свою пользу жизненные ресурсы частных лиц и общества в целом поверх всякого права и справедливости, игнорируя все писанные и неписанные нормы и «понятия». С другой стороны, острие массового протеста было направлено, прежде всего, против политической и властной элиты, насаждающей и всячески оправдывающей, «обеляющей» такие практики коррупции и произвола, против олицетворяющей ее «партии власти» – Единой

¹⁵³ Разумеется, не только в этих двух странах – проблема имеет типологически универсальный для постсоветских политий характер.

России. Напротив, фигура В. Путина, демократически избираемого «монарха», оказывалась средоточием массовых ожиданий вмешательства и изменения этого несправедливого и неправового порядка¹⁵⁴, фигурой, концентрирующей остающийся еще потенциал общественного доверия политикам, общественных надежд на возможность позитивных перемен в стране.

Российский персонализм, с мая 2012 г. (с момента инаугурации В. Путина) вновь обретший после фазы «дуумвирата» «классические», конституционно безупречные президентские формы, имеет два «опорных» сегмента в обществе. Во-первых, это поддержка олигархической, сращенной с властью крупной бизнес-элиты, требующей от верховной персоны обеспечения благоприятной для этого сегмента бизнеса конъюнктуры. Во-вторых, это поддержка со стороны массового частного интереса, ожидающего от этой персоны усилий, сдерживающих аппетиты чиновничества и крупного олигархического бизнеса. Очевидно, что пока две эти «опоры» персонализма, они же – крупнейшие группы интересов отечественной экономики, будут уклоняться от обретения собственной политической субъектности и «доверять» представительство своих интересов институту Президента, каких-либо принципиальных изменений во властной диспозиции ожидать не приходится.

Очевидно, что реальный прогресс в обуздании коррупции и продвижении разнородных общественных интересов может быть достигнут лишь при использовании потенциала реальной многопартийности, при наличии эффективного контроля парламентской оппозиции за действиями чиновничества и исполнительной власти. Тем не менее, возможна частичная реконфигурация нынешней властной диспозиции, перекрывающая неэффективные, с точки зрения общественных интересов, каналы доступа к бюджетным средствам, подавляющая тенденции монополизации ресурсов развития страны, а вместе с тем, открывающая такой доступ для массового российского предпринимательства¹⁵⁵.

Всплеск протестного движения, спровоцировавший неполяльное по отношению к В. Путину поведение части бизнес-элиты, а вместе с тем, нескончаемый поток громких коррупционных скандалов создают благоприятную возможность инициировать процесс такой реконфигурации, процесс отлучения части чиновничьей и олигархической элиты от патерналистского покровительства президента, а также ее решительного обновления и существенной коррекции политического курса.

С одной стороны, внутренние и внешние условия для осуществления подобной реконфигурации более благоприятны, чем раньше. Президентская власть пользуется достаточно широкой массовой поддержкой, и вместе с тем акции протеста выявили потребность в серьезных изменениях внутри российской элиты. Внешние условия – постепенное нарастание кризисных явлений в мировой экономике, все больше затрагивающих Россию, а также относительно стабильные партнерские отношения России с США и странами ЕС – также делают необходимым и возможным коррекцию экономического и политического курса. С другой стороны, в российском обществе и в российской политической элите

¹⁵⁴ Ситуация, отчасти напоминающая проанализированную более полутора веков тому назад К. Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» на примере Франции.

¹⁵⁵ Вклад мелкого и среднего российского предпринимательства в совокупный ВВП страны в разы меньше, нежели в большинстве современных экономик, включая США, Китай, ЕС.

по-прежнему отсутствует согласие по многим ключевым вопросам, отсутствует и глубоко проработанная стратегия дальнейшего развития страны. Поэтому наиболее вероятным представляется сценарий, при котором политическая реконфигурация, о которой идет речь, в целом будет происходить недостаточно последовательно, а противоречия в отношении политического курса сохранятся.

Одна из вероятных причин такой непоследовательности состоит в том, что в настоящее время далеко не вся российская элита приветствует процессы интеграции с Украиной и другими постсоветскими государствами. Многие решения, связанные с развитием интеграционных образований на постсоветском пространстве (Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, ЕврАзЭС, Единого экономического пространства и др.) высшему российскому руководству приходится буквально «продавливать», преодолевая безразличие или скрытое сопротивление бюрократических, олигархических и экспертных структур.

Между тем экономическое и геополитическое значение Украины для России отнюдь не сводится к роли транзитера в страны ЕС российских энергоносителей. Потенциально Украина является весьма важным рынком для многих российских предприятий, связанных с украинским бизнесом давними и значимыми партнерскими отношениями. Потеря этого рынка и ухудшение климата доверия между российским и украинским бизнесом серьезно ограничит возможности развития экономики РФ.

Еще более важна для России геополитическая и геостратегическая роль Украины: так, не раз обсуждавшееся вступление Украины в НАТО стало бы настоящей катастрофой для российской геополитики и российских национальных интересов. Наконец, наиболее опасным моментом в российско-украинских отношениях является определенное пренебрежение российской стороной вниманием к внутриполитическим процессам, происходящим в украинском обществе. Напротив, для развития этих отношений важно, чтобы политическая реконфигурация и прагматический поворот, которые начались в России после президентских выборов 2012 г., в полной мере затронули бы сферу интеграционного взаимодействия РФ с Украиной и другими странами СНГ. Динамика развития отношений политической и экономической интеграции на постсоветском пространстве имеет принципиально важное значение для перспектив не только России, но и всех новых государств, возникших на этом пространстве. Их общий интерес состоит в том, чтобы иницируемый глобальной неустойчивостью евразийский интеграционный процесс не терял бы темп и не увязал бы в трясине бюрократических проволочек.

Безусловно, всякие перемены во властной конфигурации политики, сохраняющей черты авторитарного, персоналистского правления и не сформировавшей эффективных механизмов общественного и конституционно-правового контроля, сопряжены с серьезными рисками. В российском случае основные риски связаны с возможностью «олигархически-бюрократической» смычки, направленной как против перемен, так и против олицетворяющей их персоны. Тем не менее, в результате назревшей в стране политической реконфигурации и при ее эффективной реализации персоналистский режим может получить дополнительное усиление массовой поддержки и властного ресурсного потенциала. А это, в свою очередь, могло бы позволить не только более активно вовлекать общественные силы в процессы модернизации, но и более последовательно и энергично осуществлять интеграционные проекты на

евразийском пространстве. В нынешнюю нестабильную и кризисную эпоху такая интеграционная политика, включающая элементы модернизации, выступала бы важным дополнительным фактором, обеспечивающим устойчивость и динамизм экономического и политического развития не только России, но и других стран СНГ.

Парламентские выборы в Украине и коррекция внешнеполитических ориентиров Киева

В течение почти двадцати лет стратегия уклонения украинских политических элит от принятия на себя сколько-либо серьезных внешнеэкономических и внешнеполитических связывающих обязательств позволяла им эффективно «лабиринтировать» между ЕС и Россией, капитализируя свое ключевое геополитическое положение «двусмысленного порубежья», разделяющего их. И Россия и ЕС все это время всячески демонстрировали свою заинтересованность в стратегическом партнерстве с Украиной, означавшем по существу стремление к включению ее в свое экономическое, правовое и даже политическое и военно-стратегическое пространство, к глубокой *интеграции* с ней. Но ситуация осложнялась по меньшей мере двумя обстоятельствами. Первое: соответствующие пространства РФ и ЕС не совпадали, более того, оставались по многим параметрам несовместимыми. И второе: украинские элиты, озабоченные сохранением своей монополии на контроль за процессами «первоначального накопления» на территории второй по совокупному потенциалу постсоветской республики, всячески избегали перспективы неизбежной – в ходе интеграции – утраты своих позиций. Украинская олигархия не желала делиться монополизированным ею ресурсом ни с российским, ни с европейским бизнесом.

Тем не менее, к середине президентского срока В. Януковича эта стратегия начала давать сбои. Причина, видимо, была в том, что накопившиеся за это время в украинской политической системе противоречия (раскол страны на «запад» и «восток», проблемы государственного языка и регионализации, длительное, почти десятилетнее отсутствие новых лиц в политике и новых партийно-политических проектов и т.д.) крайне актуализировали вопрос обеспечения внутривнутриполитической стабильности режима. Этот вопрос в преддверие выборов 2012 г. в Верховную Раду заслонил для В. Януковича большинство других. Президенту были критически необходимы гарантии сохранения своего контроля над коалицией парламентского большинства во главе с украинской «партией власти» – Партией регионов.

Весьма эффективным шагом в этом направлении стало принятие 17 ноября 2011 г. нового закона «О выборах народных депутатов Украины», который предусматривал принципиальную новацию – проведение выборов по смешанной системе. 225 депутатов должны были избираться по общегосударственному многомандатному округу по избирательным спискам от политических партий, а остальные 225 – по мажоритарной системе в одномандатных округах. При этом к участию в выборах по общегосударственному многомандатному округу допускались только партии; участие блоков, образованных политическими партиями не допускалось.

Новая формула выборов вызвала резкие протесты оппозиции, усмотревшей в ней две главные для себя угрозы. Голосование по одномандатным округам (1) давало явные преимущества крупнейшей партии – ПР, по крайней мере на востоке и юге Украины, где у ее кандидатов

практически не было конкурентов (упоминались также и дополнительные возможности, которые в данном случае предоставляло использование пресловутого «административного ресурса»). Вместе с тем, (2) силы оппозиции в этих условиях заведомо распылялись, причем не только при голосовании по одномандатным округам, но и по партийным спискам (запрет на участие политических блоков), а голоса поддерживающих ее избирателей терялись.

Другой, казалось бы, вполне логичный шаг в обостряющейся внутривнутриполитической игре оказался не столь удачным и повлек за собою весьма неприятные для власти и, по-видимому, не вполне просчитанные ею последствия. Безусловно, в преддверии выборов В. Януковичу было чрезвычайно важно «вывести из игры» своего основного политического антагониста, лидера партии Всеукраинское объединение «Батькивщина» и всей украинской оппозиции Ю. Тимошенко. Против Тимошенко было выдвинуто весьма скандальное обвинение¹⁵⁶ в превышении своих должностных полномочий во время пребывания на должности премьер-министра страны при заключении газовых контрактов с Россией в 2009 г.

Обвинительный приговор Ю. Тимошенко стал причиной существенных внешнеполитических осложнений в отношениях Украины одновременно и с РФ, и с ЕС. Россия выражала озабоченность тем, что украинская сторона *de facto* поставила под сомнение правомочность долгосрочных соглашений, заключенных «в строгом соответствии с национальным законодательством двух государств»¹⁵⁷. Озабоченность ЕС вызывали политико-правовые аспекты преследования лидера украинской оппозиции, что резко осложнило контакты украинской власти со многими европейскими политиками и существенно замедлило продвижение интеграционных проектов Украины с ЕС¹⁵⁸.

При этом и внутривнутриполитический эффект судебного преследования лидера оппозиции оказался существенно слабее запланированного. Партия «Батькивщина», даже с находящимся в заключении лидером, сумела составить Партии регионов серьезную конкуренцию на парламентских выборах октября 2012 г., и если пришла второй, то прежде всего потому, что существенная часть ее потенциального электората проголосовала за более эффективные популистские («УДАР (Украинский демократический альянс за реформы)») и радикально националистические (Всеукраинское объединение «Свобода») партии.

Тем не менее, прошедшие 28 октября выборы в Верховную Раду стали ключевым политическим событием Украины в 2012 г. По партийным спискам в украинский парламент прошли пять партий: Партия регионов – 30,00%; ВО

¹⁵⁶ Официальное обвинение предъявлено в июне, а приговор вынесен в октябре 2011 г.

¹⁵⁷ «Заявление МИД России. В связи с решением Печерского районного суда Киева арестовать Ю.В. Тимошенко». Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации, 05.08.2011. // Доступ: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/b2a71a17aa9ec56cc325787a0032c785/daebf8d685e197b9c32578e3005660c2?OpenDocument

¹⁵⁸ В частности, уже парафированное в конце марта 2012 г. Соглашение об ассоциации Украины и ЕС, включающее положения о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли, до подписания доведено не было, несмотря на ясно заявленную Киевом заинтересованность в этом. Подписание Соглашения было отложено по инициативе ЕС, с тем, чтобы вернуться к этому вопросу по итогам парламентских выборов 2012 г. в Украине.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ...

«Батькивщина» – 25,54%; партия «УДАР» – 13,96%; КПУ – 13,18%; ВО «Свобода» – 10,44%¹⁵⁹. При этом суммарный процент голосов трех оппозиционных партий (а их лидеры еще накануне выборов озвучили неприемлемость каких-либо парламентских коалиций с Партией регионов и, в то же время, готовность сотрудничать друг с другом) существенно выше суммарного процента ПР и КПУ (49,94% против 43,18%; или, в пересчете на число депутатских мест, 121 против 104).

Иными словами, если бы не предусмотрительный маневр Януковича с принятием в 2011 г. нового закона о выборах, то судьба и его самого, и партии власти могла бы круто перемениться. Но с учетом депутатов, избранных по одномандатным округам¹⁶⁰ результат выборов оказался принципиально иным: Партия регионов – 185 депутатов; ВО «Батькивщина» – 101 депутат; партия «УДАР» – 40 депутатов; ВО «Свобода» – 37 депутатов; КПУ – 32 депутата; а также 43 депутата-самовыдвиженца и 7 депутатов от партий, не прошедших в Верховную Раду по партийным спискам¹⁶¹.

В связи с этим необходимо обратить внимание на еще одну важную новацию, привнесенную в политическую жизнь Украины переходом к смешанной системе голосования. Как уже говорилось, прежнее голосование по партийным спискам способствовало не только консервации партийно-политической системы страны, но и электоральному расколу «пополам» – на «запад» и «восток». С введением голосования по мажоритарным одномандатным округам ситуация радикально изменилась, причем изменения в большей мере затронули центральные и западные области и значительно меньше – восточные и южные.

Так, *на востоке* Украины по одномандатным округам было избрано 70 депутатов от Партии регионов, 4 – самовыдвиженца и 1 – от «Батькивщины»; *на юге* – 25 депутатов от Партии регионов, 4 – самовыдвиженца и по одному от «Батькивщины», партии «УДАР», «Союз» и «Народной партии»; *в центре* – 19 депутатов от «Батькивщины» (в т.ч. 10 – в Киеве), 18 самовыдвиженцев, 9 – от Партии регионов, 5 – от партии «УДАР», 2 – от «Свободы» и по одному от Радикальной партии Олега Ляшко и «Народной партии»; *на западе* – 18 депутатов от «Батькивщины»; 17 самовыдвиженцев, 10 – от «Свободы», 8 – от Партии регионов, 3 – от Единого Центра Виктора Балоги.¹⁶² Характерно, что в

¹⁵⁹ Официальные данные ЦИК Украины обнародованы 13 ноября 2012 г. в газете «Голос Украины». Данные приводятся по украинским Интернет-изданиям «Подробности» и «Сегодня»: <http://podrobnosti.ua/power/2012/11/13/870192.html> ; <http://www.segodnya.ua/elections/elections2012/Rezultaty-vyborov-opublikovany-v-gazete-Verhovnoy-Rady.html>

¹⁶⁰ На момент опубликования официальных итогов выборов в пяти одномандатных округах ЦИК признал невозможным установить результаты выборов, а Верховная Рада рекомендовала ЦИКу назначить повторные выборы в этих округах (там же). Таким образом, на середину ноября 2012 г. в Верховную Раду избрано 445 депутатов (225 по многомандатному и 220 по одномандатным округам).

¹⁶¹ В их числе партия Единый Центр Виктора Балоги (с тремя кандидатами), возможный союзник ПР. Два депутата у Народной партии (В.Литвина), по одному – у Радикальной партии Олега Ляшко и партии Союз, предпочтения которых скорее также склоняются к сотрудничеству с ПР, нежели с националистами.

¹⁶² Рассчитано, с учетом решения Верховной рады от 13 ноября 2012 г. о назначении повторных выборов в пяти одномандатных округах, по данным: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ukr_elections_2012_onemandate_okruhs.png?uselang=ru

Закарпатье и Буковине, а также в ряде приграничных с Беларусью регионов победу одержали кандидаты от Партии регионов, а поддержка пронационалистического электората довольно равномерно распределилась между кандидатами от умеренной «Батькивщины», радикальной «Свободы» и независимыми самовыдвиженцами.

В итоге одна Партия регионов, получив более 50% депутатских мандатов по одномандатным округам, имеет в Раде большее число мест, чем коалиция из трех оппозиционных партий взятых вместе (185 против 178). Более того, сохраняется потенциальная возможность получения Партией регионов парламентского большинства путем привлечения на свою сторону депутатов-самовыдвиженцев. Существует также теоретическая возможность формирования коалиции ПР с КПУ¹⁶³. Но такая коалиция создавала бы очевидные проблемы В. Януковичу с его планами продвижения евроинтеграционных процессов, что категорически неприемлемо для КПУ. Да и сами украинские коммунисты неоднократно заявляли, что не желают вступать с кем-либо в коалицию в Раде нового созыва. Их аргументы (а КПУ увеличила свой партийный рейтинг по сравнению с предыдущими выборами в Раду с 5,39% до 13,18%, т.е. почти в два с половиной раза) – жесткие разногласия с ПР по вопросам языковой политики и отношений Украины с Россией.¹⁶⁴

Так или иначе, но пропрезидентская Партия регионов получит возможность образовать в новой Верховной раде коалицию большинства. Это, безусловно, существенно усилит внутривнутриполитические позиции президента и его возможности проведения самостоятельного внешнеполитического курса. Тем более, что прохождение в Раду радикально националистической партии ВО «Свобода», создающее для В. Януковича дополнительный дискомфорт во внутренней политике,¹⁶⁵ может дать ему и дополнительные бонусы, прежде всего, поощряя более решительное проведение им собственного внешнеполитического курса.

Во-первых, и европейские, и российские политики с большой озабоченностью наблюдают за действиями «Свободы» и высказываниями ее лидеров. Более того, скандальный имидж этой партии в их глазах таков, что блокирование или даже разговоры о возможном политическом альянсе с ней бросают тень на ее потенциальных союзников, в том числе и на лидеров «Батькивщины» (Ю. Тимошенко, А. Яценюк, А. Турчинов) и партии «УДАР»

¹⁶³ Статья была сдана в печать до окончательного подведения итогов выборов и формирования парламентских коалиций. *Прим. Автор.*

¹⁶⁴ В августе 2012 г. В. Янукович подписал «Закон об основах государственной языковой политики», согласно которому русский язык может официально использоваться в работе местных органов государственной власти в регионах, где доля русскоязычного населения составляет более 10% (а это может коснуться как минимум 13 регионов Украины). Правонационалистические партии расценивают этот закон как подрывающий основы украинской государственности и требуют его отмены. КПУ, единственная из влиятельных политических сил Украины, напротив, указывает на то, что принятие этого закона не решает проблему русского языка в Украине, и требуют придания ему статуса второго государственного.

¹⁶⁵ Радикальные националисты, которых многие обвиняют в профашистской риторике и призывах к радикальным действиям, получают парламентскую трибуну и усилят свои позиции в органах местного управления западных областей Украины.

(В. Кличко). А это, в свою очередь, резко повышает шансы В. Януковича на то, чтобы стать в глазах Европы единственным крупным украинским политиком, с которым можно вести дела. Но для России прошедшие выборы в Раду показали, что Янукович, балансируя на пределе своих электоральных возможностей, способен, тем не менее, контролировать внутривнутриполитические процессы в стране и защищать свои властные позиции.

Перспективы российско-украинской интеграции

В ситуации, когда политические итоги парламентских выборов в Украине до конца еще не подведены и новая расстановка политических сил в стране еще не вполне ясна, заглядывать в будущее следует весьма осторожно. Тем не менее, следует отметить два важных обстоятельства: (1) политические позиции В.Януковича укрепились; и (2) тема *интеграции* не теряет своей актуальности, а борьба за предпочтение Украины в вопросе выбора ее основного направления («на восток» или «на запад») резко усиливается. Характерно при этом, что с точки зрения Москвы Украина вправе продвигаться по обоим направлениям, тогда как ряд влиятельных европейских политиков категорически настаивают на их несовместимости.

В частности, о невозможности одновременной реализации стратегий интеграции Украины в зону свободной торговли (ЗСТ) с ЕС и в Таможенный союз (ТС) с Россией, Казахстаном и Беларусью, а также о том, что Украине придется сделать выбор между этими стратегиями, заявил президент Польши Б. Коморовский во время визита в сентябре 2012 г. в Киев¹⁶⁶. Его позиция относительно условия сближения Украины и ЕС стала еще более жесткой после оглашения результатов выборов в Верховную Раду. В беседе с главой Совета Европейского союза Херманом Ван Ромпеем, состоявшейся 13 ноября 2012 г., он подчеркнул, что «Евросоюз может открыть перспективу дальнейшего приближения Украины к европейскому объединению при условии внутренних реформ»¹⁶⁷, а двумя днями позже во время лекции в Европейском колледже в Брюгге уточнил: «Существуют препятствия, которые имеют связь с негативными оценками некоторых аспектов выборов в Украине... Эти негативные явления могут исчезнуть из украинской жизни только и исключительно в результате сотрудничества между властью и оппозицией. На мой взгляд, это требует *изменения избирательной системы...*»¹⁶⁸.

Об отсутствии в настоящее время предпосылок для подписания соглашения об ассоциации между Евросоюзом и Украиной заявила и канцлер Германии А. Меркель на пресс-конференции по итогам немецко-польских межправительственных консультаций в Берлине¹⁶⁹. Намеченный на декабрь текущего года саммит ЕС и Украины, отложен из-за «технических проблем». А премьер Польши Д. Туск выразил надежду, что Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС все же будет подписано в ноябре 2013 г.¹⁷⁰

¹⁶⁶ Цит. по: <http://rian.com.ua/politics/20120920/335897295.html>

¹⁶⁷ Цит. по: <http://www.unian.net/news/535603-prezident-polshi-uidel-dokazatelstvo-proevropeyskih-nastroeniy-v-ukraine.html>

¹⁶⁸ Цит. по: <http://podrobnosti.ua/power/2012/11/15/870799.html>

¹⁶⁹ Цит. по: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2012/11/14/1058881.html>

¹⁷⁰ Цит. по: http://lb.ua/tags/10764_soglashenie_ob_assotsiatsii_s_es.html

На этом фоне наблюдается определенная активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Еще в октябре 2011 г. 8 стран СНГ подписали в Санкт-Петербурге Договор о Зоне свободной торговли, который был ратифицирован РФ в марте, а Украиной в июле 2012 г. Параллельно этим процессам в конце 2011 г. в качестве единого постоянно действующего регулирующего органа Таможенного союза и Единого экономического пространства была создана трехсторонняя (с участием России, Беларуси и Казахстана) Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)¹⁷¹.

Привлекательность этих новых интеграционных инициатив для Украины отмечается и самими украинскими лидерами¹⁷². Геоэкономические и коммуникационные возможности, открывающиеся в случае успешной реализации евразийских интеграционных проектов, вызывают заинтересованность и в ЕС, и в Китае. Речь заходит о проектах «транспортного коридора» между Китаем и ЕС, проходящего по территории нынешних членов Таможенного союза¹⁷³, или даже о «Евразийском альянсе» России и Китая.

Безусловно, реализация многочисленных интеграционных и инфраструктурных инициатив, актуализировавшихся в нынешнюю эпоху радикальной трансформации глобального порядка, требует больших и кропотливых усилий. Причем Россия, в силу своего уникального положения центрального связующего звена евразийских коммуникаций, в наибольшей степени заинтересована в их продвижении. Однако, как уже было сказано в начале настоящей статьи, совместное с Россией участие Украины в этих интеграционных процессах имеет решающее значение для их успешного продвижения и обеспечения результирующего про-европейского вектора развития обеих стран. 2012 год не принес прорыва на этом направлении российско-украинского взаимодействия. Но важнейшие внутривнутриполитические события этого года – возвращение на пост президента В. Путина в России и победа Партии регионов на выборах в Украине – дают еще один шанс двум странам найти взаимовыгодную формулу более тесного интеграционного сотрудничества.

¹⁷¹ См.: <http://www.tsouz.ru/eek/aboutEEK/Pages/default.aspx>

¹⁷² См., напр.: <http://iport.info/novosti/azarov-budem-rabotat-s-tamozhennym-soyuzom-potomu-cto-evrope-my-ne-nuzhny/>

¹⁷³ Правда, наряду с проектом альтернативного «транспортного коридора», через Казахстан, Узбекистан, Туркмению, Азербайджан, Грузию и Турцию.

Часть III.**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА УКРАИНЕ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ****КРИЗИС УКРАИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ, ЦЕННОСТНЫЙ
И ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****Лапкин В.В., Пантин В.И.**

Впервые опубликовано в журнале «Полис. Политические исследования», № 5 (2014). Приводится в обновленной авторской редакции.

Истоки, предпосылки и глобальный контекст украинского кризиса

Существование украинского (формально, а фактически – уже глобального) кризиса российские коллеги-политологи оценивают по-разному, порою, диаметрально противоположным образом. И тут вряд ли все можно свести к их возможной ангажированности. Так, Г. Голосов причину усматривает в «фатальной ошибке» российской власти, запустившей сценарий, достойный «фильма ужасов». Аргументы, приводимые им, формально корректные и соответствующие основам политической теории, но – односторонние. Логика его традиционна: российский режим авторитарный, а потому агрессивный. Но за ошибки придется расплачиваться. Одностороннюю позицию, не воспринимающую аргументацию оппонентов, априори относящую ее к «заблуждениям, вряд ли простительным даже студенту какого-нибудь провинциального факультета международных отношений»¹⁷⁴, поколебать сложно, почти невозможно. Историю, безусловно, творили исключительно двоечники... И тут скорее уместна ирония по поводу суждений тех, кому заранее известна истина. Так и поступает другой наш коллега, Б. Межуев, комментируя позицию властей США: «Обама силен, конечно. Надо провести расследование и узнать, кто сбил самолет, сбитый украинскими сепаратистами...»¹⁷⁵. Но оставим в стороне иронию и оторвем взор от учебников. И попробуем осмыслить происходящее в его полноте и сложности.

* * *

Кризис, который переживает Украина с конца 2013 г., стал своеобразным эпицентром политико-правового, геополитического, геоэкономического и даже ценностного противостояния не только на постсоветском пространстве, но и в рамках Большой Европы и даже – в глобальном мире. Более того, этот кризис выявил и сделал необычайно актуальными многие проблемы всеобщего характера. Среди этих проблем особо следует отметить растущую неустойчивость

¹⁷⁴ Голосов Г.В. Мнение: Почему Кремль продолжает ошибаться на Украине. // *РБК-Политика*. 06.08.2014. Доступ: <http://top.rbc.ru/politics/06/08/2014/941256.shtml> .

¹⁷⁵ Межуев Б. *Реплика*. 2014. Доступ: <https://www.facebook.com/mezuev/posts/10204503438571771?fref=nf> .

миропорядка и снижающуюся эффективность функционирования международных институтов, падение доверия к ним. Серьезной проблемой становится действенность и непредвзятость международных политико-правовых механизмов регулирования конфликтов, принуждения конфликтующих сторон к диалогу. Сюда же следует отнести стремительное нарастание проблем функционирования институтов демократии не только в странах с переходной политической системой, в постсоветском и других регионах мира, но и в странах с глубокими и давними традициями демократии, включая США и страны Евросоюза (ЕС). Особый комплекс проблем связан с глобальной геополитической перестройкой, запущенной процессами реконфигурации постсоветского пространства, его освоения ключевыми конкурирующими игроками политического рынка: США, ЕС, Китаем, Турцией, Россией. Украинский кризис придал мощное ускорение этим процессам, радикально повысив ставки в большой геополитической и геоэкономической игре.

Процесс, запущенный распадом биполярного мира (в 1989-1991 гг.) и формированием униполярной парадигмы мироустройства под водительством США, вступает в критическую фазу. Ибо игра, фактически, идет ва-банк, а на кону стоят, с одной стороны, система глобального доминирования США, а с другой – длящийся уже третье десятилетие процесс интеграции России в мировое рыночное и политико-институциональное сообщество современных государств. Причем инициатором радикального пересмотра, а порою и прямого силового демонтажа принципов консенсусного миропорядка, выступает мировой лидер – США. Особую остроту ситуации придает совокупность тенденций глобальной динамики, обусловленных текущей кризисной фазой глобального развития, фазой «великих потрясений» эволюционных циклов международной политической и экономической системы, которая началась около 2005 г. и продлится почти до конца текущего десятилетия¹⁷⁶. С конца 2013 г. мир вступил в заключительный период этой фазы. Этот период характеризуется растущей поляризацией интересов ключевых глобальных игроков, накоплением острых противоречий в их взаимоотношениях, формированием новых глобальных расколов и блокового противостояния. Все более востребованными в мировой политике оказываются стратегии бескомпромиссной конфликтности. В итоге последовательно усугубляется кризис «однополярного» миропорядка, размывается (прежде, в 1990-е годы, казавшаяся несокрушимой) монополия США на глобальное доминирование.

Параллельно с этим фундаментальным процессом повсеместно происходит размывание и девальвация институтов и принципов национально-территориального государства, его претензий на уважение своего суверенитета со стороны других государств. Практиковавшееся все последние десятилетия последовательное насаждение западных демократических (скорее по форме, чем по содержанию) институтов и норм, сначала в бывшей Югославии, затем на постсоветском пространстве, в Афганистане, Ираке, Египте, Ливии, Сирии, вскоре повсеместно выявило острый конфликт между этими имитационными институциональными формами и ценностными и культурными традициями,

¹⁷⁶ Подробнее см.: Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: «Феникс+». 2006. С. 298-332.

присущими большинству населения незападных стран. Соответствующая практика форсированной демократизации провоцировала глубокие социокультурные и ценностные расколы в этих странах, конфликты и вооруженное противостояние с участием сил центрального правительства, а также сепаратистских, этнически или конфессионально консолидированных группировок. Эти конфликты особенно усугублялись в ситуации прямого политического, а тем более военного вмешательства западных стран и, как правило, сопровождались большим количеством человеческих жертв. Нередко при этом происходило крушение государственности, конституционно-правовых норм, культуры, прогрессировала деградация морально-нравственных устоев общества. Прежде устойчивая на протяжении многих лет и даже десятилетий государственность в ходе ускоренной демократизации зачастую переходила в разряд *failed state*¹⁷⁷.

Казалось бы, Украина выделяется из ряда перечисленных выше стран. За постсоветский период по целому ряду формальных признаков она существенно продвинулась по пути упрочения полиархии, строительства современного национального государства. Ей удалось сформировать институт многопартийности, охватывающий большую часть политического спектра, пройти несколько электоральных циклов, сопряженных с основательной ротацией легислатуры. Вместе с тем в этой стране в последнее десятилетие наметились множественные глубокие дисфункции демократического процесса.

Камнем преткновения стала проблема национальной консолидации украинского общества. Избранная украинской хозяйственно-политической элитой еще в начале 1990-х годов модель унитарного национального государства (при понимании национального как, фактически, этнически однородного) не просто игнорировала фундаментальную социокультурную неоднородность страны, но по мере своего воплощения становилась главным источником гражданского противостояния, раз за разом раскалывающего страну в ходе очередного электорального испытания. Дополнительным, но отнюдь не второстепенным фактором поляризации стало фактическое «табуирование» украинскими политическими элитами ряда принципиальных проблем политической жизни страны в качестве обязательного условия доступа к легитимному участию в политическом процессе. Упорно «изгоняя» проблемы «второго государственного языка», «федерализации» и «автономизации» из политической повестки дня, украинские элиты сформировали ставшее инвариантом всех последних общеукраинских выборов разделение страны, имеющее наглядное территориальное отображение – запад и центр Украины против востока и юга.

¹⁷⁷ Число «несостоявшихся государств» («*failed states*») в последние годы стремительно возрастает. В отечественной политической науке интерес к этому феномену пока что явно недостаточен. Из относительно недавних работ см., напр.: Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 3. С. 26-39; *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности* (под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой). М.: МГИМО-Университет. 2011; Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 2. С. 23-46. Среди фундаментальных академических работ по этой теме отметим: Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // *Политическая наука*. 2008. № 4. С. 8-41.

Привычное размежевание украинского общества, имевшее преимущественно языковое и социокультурное отображения, за последнее десятилетие стало отчетливо политизированным, превращаясь в ключевой фактор дестабилизации украинского государства. Возможности, открывающиеся продвижением *политического гражданства*, поверх этнонациональных и культурно-конфессиональных различий, что создавало бы позитивную мотивацию для самоидентификации украинского сообщества как единой гражданской нации, были, как показало последующее развитие событий, необратимо упущены. Поначалу, казалось бы, весьма эффективно адаптируемые, – политические институты демократии в Украине все более выявляли свой «камуфляжный» деструктивно-имитационный, а то и откровенно симуляционный характер¹⁷⁸.

Тем не менее, вплоть до февраля 2014 г. Украине удавалось сохранять устойчивость и преемственность политического строя, нерушимость конституционно-правовых основ формирующейся демократии, необходимые минимальные условия для политического диалога и выработки компромисса. В качестве интегрированной характеристики результатов постсоветской эволюции украинской политической системы к моменту «революционного» низложения президента В. Януковича можно привести суждение Е. Мелешкиной о ней, отмечающей «...относительно скромные успехи в деле государственного строительства»¹⁷⁹. При этом «...разногласия по поводу вопросов идентичности, неконсолидированность режима, наличие существенных разногласий по поводу правил политической игры, 'приватизация' государства экономическими кланами... обуславливают периодические политические кризисы, слабую эффективность системы государственного управления. Государственное строительство на Украине характеризуется нестабильностью конституционных норм, слабой институционализацией властных отношений и значительным влиянием на последние неформальных отношений и личных связей»¹⁸⁰, а практикующие «приватизацию» государства элиты, используют его «в личных целях, в том числе для борьбы с политическими оппонентами...»¹⁸¹.

Радикализация Евромайдана при безволии и попустительстве властей, поглощенных заботами о своих личных зарубежных активах и преступно игнорирующих перспективу развала государственности, допускающих безнаказанное публичное уничтожение и дискредитацию представителей исполнительной власти (одни «коктейли Молотова» в умелых руках «мирных

¹⁷⁸ Имитация институциональных форм представительной демократии, как хорошо известно, является необходимым элементом стратегии модернизации и демократической трансформации переходных политических систем, выступая, тем самым, вполне конструктивным элементом политического развития. Деструктивный характер она приобретает в ситуации, когда имитация подменяется симуляцией, т.е., согласно М.В. Ильину, когда способ усвоения институтов и практик предполагает воспроизведение желательных результатов без воспроизведения алгоритмов их получения. См. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // *Политическая наука*. 2008. № 4. С. 37.

¹⁷⁹ Мелешкина Е.Ю. *Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография*. М.: ИНИОН РАН. 2012. С. 208.

¹⁸⁰ Там же: с. 211.

¹⁸¹ Там же: с. 208.

протестующих» чего стоят), стремительно развернула украинский политический процесс в неправовое и антиконституционное поле.

Более того, ключевые фигуры Евромайдана стали в «революционном» Киеве чрезвычайно востребованными политиками, получившими аппарат исполнительной власти государства в свое распоряжение. А логика «революционной целесообразности» стала «правовым камертоном» новой украинской политики. Но ключевым фактором этого политического поворота стала позиция стран и правительств Запада, стремительно освоившего «логику целесообразности» и перешедшего от политики продвижения правового и демократического идеала к «*Realpolitik*». С одобрения Запада Украина (в лице своих элит) усвоила политический инструментарий Майдана в качестве «дополнения» к легитимному инструментарию конституционных институтов демократии, а зачастую и альтернативы им. Майдан уже десять лет как стал своего рода «политическим джокером», позволяющим украинской элите с легкостью и безответственностью перед избирателем преодолевать правовые и институционально-нормативные ограничения. И «если надо», добиваться желаемого политического результата вопреки демократическим процедурам и «утомительному» переговорному процессу. В итоге в феврале 2014 г. олигархический интерес обрел, наконец, адекватную политическую форму для реализации своих безграничных вожделений.

Итак, Евромайдан, солидарно и от имени «всей Украины» продемонстрировал приверженность «европейским ценностям» и, пренебрегая всякими конституционными процедурами, «по-большевистски» сверг законно избранного президента («Украина це Европа»). Безусловно, режим В. Януковича, особенно после бесславного бегства действующего президента из собственной страны, отданной на разграбление «революционному олигархату», был отторгнут большинством населения Украины, включая и Юго-Восток. Но современная политика и в таких ситуациях предусматривает соблюдение правовых процедур. Украинские элиты обошлись без оных. Одни олигархи и одни кланы потеснили другие, более агрессивные и алчные получили возможность осуществить масштабный передел власти и собственности. Страна, чуть помедлив, оказалась втянута в полномасштабную гражданскую войну с элементами геноцида, с применением террора и насилия в отношении собственного мирного населения. Экономическое положение Украины резко ухудшилось и продолжает ухудшаться, стремительно приближаясь к катастрофическому, несмотря на финансовые вливания МВФ, США и ЕС.

Вспомним, как начиналась «арабская весна», как ликовали после свержения режима Мубарака молодые демонстранты в Египте на площади Тахрир (аналог киевского Майдана) и чем все это в итоге закончилось: массовым кровопролитием, контрпереворотом и новым военным режимом, который пришел на смену власти радикальных исламистов. Не станем обольщаться и достижениями очередной украинской революции (коих по сути практически нет), займемся анализом ее реальных дел и последствий.

Развитие политического процесса на Украине в немалой степени определяет судьбы демократии и в России, и в Европе и в Америке. Киев каждым новым своим шагом в сфере внутренней политики дискредитирует тех, кто всеми силами старается представить его в качестве примера демократического режима, олицетворяющего порыв украинского народа к

лучшему, европейскому будущему. Своей поддержкой и своего рода «индულгенцией», выданной Киеву, Запад инициировал крайне опасную для всего мирового демократического движения игру, которая может, в конечном счете, роковым образом подорвать доверие стран, ставших на путь демократизации, к предлагаемым им образцам и практикам демократии. Украинский казус вносит необратимые коррективы в наши представления о пределах допустимого в современной политике. В рамках новой модели демократического мира свободу слова можно подменять односторонней пропагандой и запретами, преследованием неугодных СМИ и журналистов (это, кстати, вменяется сегодня новым грузинским правительством бывшему президенту М. Саакашвили). Множество жертв среди мирного населения и многие тысячи беженцев в соседнее государство можно не замечать, ограничиваясь риторикой по поводу «происков» и «имперских амбиций» России. Можно безнаказанно следить за своими гражданами и за гражданами всего мира, а право и беспристрастность должны уступать соображениям политической или «революционной» целесообразности, допускающим в качестве новой нормы мирового порядка финансирование и организацию антиконституционных политических переворотов по всему миру, не считаясь с их гуманитарными последствиями. Вопрос лишь в том, имеет ли демократия отношение ко всей этой вакханалии новаций в мировой политике эпохи «великих потрясений»? Или же политика «псевдоуправляемого хаоса» есть воплощение игры по совершенно иным правилам, ожесточенной игры за новый передел мира?

Неизбежность геополитической и геоэкономической реконфигурации постсоветского пространства, на котором реально конфликтуют интересы России, ЕС, США, Китая и ряда других крупных игроков, настоятельно требует выработки новых форматов регулирования межгосударственных противоречий. Без политической воли к достижению компромиссов и осуществлению реального сотрудничества между ведущими государствами или наднациональными образованиями, а также без их соответствующего правового и процедурного оформления многочисленные политические и экономические проблемы постсоветских государств решить невозможно. Прежний формат межгосударственного взаимодействия нуждается в критическом переосмыслении и серьезных коррективах. Именно в рамках прежнего формата при насильственном и одностороннем внедрении прозападных институтов демократии и капитализма многие постсоветские государства вместо подъема и процветания, как это ни парадоксально, постепенно превращаются в «новую периферию» мировой системы¹⁸², формируя новый очаг мировой нестабильности. Однако Соединенные Штаты, пользуясь своим положением мирового лидера, не склонны договариваться с кем бы то ни было; тем более они не считают нужным учитывать долговременные интересы, культурные традиции и ценности народов самих постсоветских государств. Их стратегия – смена режимов и необходимая коррекция политического курса периферийных стран с помощью «цветных революций» (в Киргизии, Грузии,

¹⁸² Лапкин В.В., Пантин В.И., Рябов А.В. Новая периферия. Трудности посткоммунистического развития. // *Глобальная перестройка (отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова)*. М.: Весь Мир. 2014. С. 185-208.

Украине), цель которых отнюдь не обеспечение политической и социально-экономической стабильности и процветания этих стран. Скорее речь идет о том, что новый режим должен лучше вписываться в глобальную структуру американских интересов. Тот факт, что эффективность «цветных революций» крайне низка в сопоставлении с экономическими, политическими и социальными издержками в странах, ставших «инкубатором» революции, большого значения пока не имеет, поскольку слабо сказывается на приоритетах и ресурсных возможностях американской внутренней и внешней политики. Тем не менее, эта их низкая эффективность, ломающая планы мирового лидера, заслуживает более пристального анализа.

В частности, небезынтересны исторические предпосылки текущего украинского кризиса. В истории Украины значительную роль сыграли те трансформации, которые она пережила на протяжении XX века и которые решающим образом отразились в непростой траектории формирования ее государственности. Здесь следует вспомнить и Екатерину II, усилиями Г.А. Потемкина блестяще реализовавшую проект «Новороссия» за счет земель, отторгнутых у Крымского ханства и других прежде подконтрольных Османам территорий. Упомянем и правобережную Украину, доставшуюся России в тот же период по разделам Польши. Под эгидой России земли будущего украинского государства собирались в некое, пусть и неоднородное, целое. Параллельно с этими процессами зарождался и культивировался украинский национализм, который с середины XIX в. приобретает открыто антироссийский характер. Накануне Первой мировой войны Австро-Венгрия всячески пестовала антироссийские настроения в Западной Украине (тогда Галиции). Неудача Советской России в войне с Польшей (1920 г.) не позволила большевикам включить Западную Украину в протогосударственное тело Украинской советской республики. Вместе с тем, по итогам крушения Империи и последующей Гражданской войны за Украиной была окончательно закреплена большая, западная часть Новороссии (вплоть почти до Таганрога, но за исключением Крыма). В том числе в состав Украины вошла Криворожско-Донецкая республика¹⁸³, ставшая ключевым индустриальным и в основном русскоязычным анклавом в преимущественно сельской стране, которая в ходе Гражданской войны лишилась большей части прежнего городского русскоязычного населения. Этот регион в составе Украинской ССР вскоре превратился в кузницу партийных и хозяйственных кадров для всего союзного государства, о чем может свидетельствовать хотя бы перечень высших партийных работников постсталинского периода.

Накануне Великой Отечественной войны к Восточной и Центральной Украине была присоединена Западная, со своими особыми ценностными ориентациями, культурой и образом жизни. В период Второй мировой войны нацисты в полной мере использовали антироссийские и антисоветские настроения, преобладавшие в Западной Украине, сформировав на этой основе эффективные карательные подразделения. В 1954 г. Н.С. Хрущев «подарил» Украине Крым, пренебрегая даже формальными процедурами принятия такого серьезнейшего политического решения. И, наконец, в 1991 г., благодаря беловежским соглашениям Украина

¹⁸³ См. напр.: Корнилов В.В. *Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта*. Харьков: «Фолио». 2011.

обрела самостоятельную государственность. Уже этот самый сжатый перечень трансформаций, которые претерпела Украина на протяжении XX в., показывает всю сложность и противоречивость формирования ее общества и государства. При этом возвышение украинского государства оказалось неразрывно связанным с той глубочайшей катастрофой, которую в XX в. пережила Россия в ходе дотоле невиданного коммунистического эксперимента.

Но стремление Украины обрести национальную государственность и действительно дееспособное государство остро конфликтует с негражданским состоянием украинского общества¹⁸⁴, рассеянного на множество дезинтегрированных местнических, локальных культур, языковых и земляческих сообществ, ценностных и ориентационных кластеров. Современное украинское общество, особенно в лице его элит, поражено ксенофобией и страдает острым дефицитом толерантности. В этих условиях, как показывает весь опыт постсоветской истории Украины, консолидация демократии и социально-политическая интеграция украинского общества становятся практически неразрешимой проблемой.

Призрак государственной несостоятельности и перспективы переустройства украинского государства

С падением режима Януковича пала многолетняя (созданная еще к середине 1990-х годов) политическая система, позволяющая элитам контролировать электоральный массив Новороссии и русскоязычного населения Украины с помощью политических партий и лидеров, побеждающих при поддержке Востока и Юга Украины, но затем проводящих политику «заигрывания» с западными и центральными регионами. Из раза в раз удавалось формировать властную коалицию, опирающуюся прежде всего на этот политический ресурс, которая подавляла всякие попытки политической консолидации русскоязычного электората вокруг сил, ориентированных на последовательную и недвусмысленную кооперацию с Россией. И Кучма, и Янукович равно подавляли стремление русскоязычного населения Украины к политическому самоопределению и федерализации страны. В итоге первому пришлось бесславно сойти с политической сцены, а второму – бежать из страны, так и не сложив с себя президентских полномочий.

Разгром команды Януковича и стоящих за ним политических сил, представляющих по меньшей мере половину украинского электората, – чем бы он ни был мотивирован, – стал жестким вызовом незрелой украинской демократии. По сути, отвергнув лукавую, но позволяющую сохранять общенациональный консенсус политическую систему¹⁸⁵, упразднив дуализм «западного» и «юго-восточного» векторов украинской внутренней политики, украинские элиты перекрыли легальные каналы политического представительства интересов как всего этого гигантского электорального массива, так и значительной части русскоязычного сегмента (по меньшей мере,

¹⁸⁴ О негражданском обществе в Украине см., напр.: Неменский О.Б. Украина: многопартийность без гражданского общества. // *Мир и политика*. 2012. № 12. С. 38.

¹⁸⁵ Ее своеобразным, хотя и заведомо неполным, лишь символическим олицетворением в последние годы был конфликтный симбиоз «Партии регионов» и «Батькивщины».

трети) украинского общества. Путь гражданского неповиновения (в радикальном варианте – сепаратизма) стал безальтернативным.

Евромайдан, как своеобразный «врио» высшей революционной власти (что-то вроде «советов» весны-лета 1917 г.), предусмотрел превентивный ответ в жанре политической истерики: сторонники русского языка и федерализации были объявлены чуть ли не врагами народа Украины. Очередная «цветная революция», но уже не оранжевая, а кроваво-багровая, погромная, на наших глазах возродила уже давно забытые в России эксцессы «революционной целесообразности». Ею оправдывалось все: ложь, беззаконие, кровавые провокации, действие властей без всякой правовой санкции, применение властного насилия «без суда и следствия», похищения и убийства людей, и т.п. За несогласными была объявлена настоящая охота, в которой приняли участие не столько правоохранительные органы, сколько «активисты», представляющие наиболее радикально-националистические и ксенофобские страты того самого негражданского общества. Революционная власть, вышедшая за конституционно-правовые рамки, поощряла формирование своего рода «эскадронов смерти» (этих передовых отрядов «украинской демократии»), содействующих, а порой и подменяющих ее официальные исполнительные органы, выполняющих за власть наиболее «грязную работу», действующих за рамками всякого правового поля, наемников, орудующих в собственной стране как на вражеской территории, без пощады к кому бы то ни было.

Полагаем, что аналогия с неконституционным переворотом 1917 г. (принудительным, в обход всех правовых процедур отречением самодержца) не случайна. В обоих случаях следствием стал режим Двоевластия. Наиболее драматическое следствие *двоевластия* (и тогда, и в ходе нынешнего украинского кризиса) в том, что условно легитимная и формально демократическая власть оказывается под жестким давлением нелегитимных и откровенно неправовых институтов «народовластия», организуемых и управляемых теневыми и неподконтрольными обществу структурами. В 1917 г. это были, соответственно, Временное правительство и Советы. С февраля 2014 г. в Украине это оформилось в симбиотический, но внутренне конфликтный режим, сочетающий «усеченную» и теряющую признаки легитимности Верховную раду и осуществляющий присмотр за ее деятельностью Майдан¹⁸⁶.

Этот особый неформальный институт современной украинской политики в лице его «активистов», организованных в боевые отряды, всегда готовые к насильственным акциям и «правовому беспределу», в частности, неоднократно угрожал Раде прямым захватом с применением, в том числе, и «коктейлей Молотова». Майдан, с осени 2013 г. в результате теневого сговора прозападно ориентированных украинских элит и внешних игроков был выведен из-под всякого ограничительного контроля права и правоохранительных органов. В частности, ни одно из многочисленных и вопиющих, под телекамеру, варварских

¹⁸⁶ С момента избрания П. Порошенко ситуация начала меняться не в пользу Майдана, и когда эта статья уже версталась, Майдан (как символическое место обитания альтернативной, «народной» власти) был ликвидирован. Но как идея Майдан, безусловно, сохранился, и наверняка ждет своего часа. При этом «легитимная» власть сохранила в своем штате его кадры, а в своем арсенале – большинство присущих Майдану методов обеспечения «революционного правопорядка».

нападений боевиков Майдана на правоохранителей в ходе февральских событий в Киеве так и не было расследовано, более того, не получило сколько-либо внятной правовой оценки новых украинских властей. Напротив, в новой, абсолютно противоправной «революционной» властной конфигурации правоохранительные структуры Украины поставлены под контроль боевиков, а сегодня активно пополняются этими самыми «активистами».

Переход Верховной рады в режим неправового и антиконституционного функционирования был также осуществлен в ходе переворота и фактического разгона большинства, почти по-большевистски, подобно разгону Учредительного собрания в январе 1918 г. Новым «большинством» стало прежнее меньшинство, принудившее значительную часть прежнего большинства к поддержке при голосовании и последовательно изгонявшее активно протестующих. При этом были попорчены прежние парламентские процедуры, а новая в целом почти лояльная оппозиция подверглась неприкрытой и беззастенчивой публичной травле.

Иными словами, как и в 1917 г. в Петрограде, в 2014 г. в Украине «революционная целесообразность» и «революционное правосознание» были применены для разрушения прежнего правопорядка и революционного передела национальных ресурсов власти и собственности. И тогда, и ныне острие этой разрушительной активности направлено на слабые и не вполне современные структуры общественной интеграции и демократически-правовой государственности. И тогда, и ныне за спиной наиболее радикальной, говоря прямо, погромной части «революционеров» отчетливо просматриваются внешние игроки, заинтересованные в освоении ресурсов страны, не устоявшей перед соблазнами (искушениями) революции, по-революционному «простых» решений сложных социально-политических вопросов...

Решая вопрос о легитимности новой киевской власти, сформировавшейся в ходе переворота конца февраля 2014 г., следует обратить внимание на то, что единственный видимый источник ее легитимности – внешнеполитическое признание ряда западных стран. В то время как внутри самой Украины рационально-правовая легитимность у этой власти отсутствует¹⁸⁷. Даже ее революционная легитимность небезупречна, поскольку новая власть продолжает апеллировать к прежним конституционно-правовым нормам, которые сама и разрушила, осуществив захват власти посредством попрания этих норм (силовое отстранение президента вопреки законным конституционным процедурам). Сам характер переворота как способа смены

¹⁸⁷ Избрание новым президентом П. Порошенко формально улучшило ситуацию с легитимацией новой власти. Но, во-первых, улучшение коснулось лишь ее президентской ветви. А по новой («новой-старой») версии конституции, которую директивно вменили стране революционные власти, полномочия президента весьма ограничены и его избрание никак не легитимирует продолжающую «самостийно» функционировать усеченную Верховную раду, изгоняющую из своих рядов отдельных оппозиционных депутатов и целые фракции. Не легитимирует оно и иные ветви власти (к примеру, «полураспущенный» Конституционный суд). А во-вторых, к процедуре и политическому контексту президентской кампании 2014 г. и самого майского голосования есть многочисленные вопросы и претензии. Если бы не очевидная ангажированность западных наблюдателей, эти выборы вряд ли были бы признаны легитимными.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ... В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА...

власти требует подкрепления ее переучреждением украинского государства, но цивилизованным путем осуществить это возможно лишь посредством общенационального пакта всех основных политических сил, прежде всего – власти и оппозиции. Нежелание новой киевской власти не только дискутировать с оппозицией, но и просто видеть в ней *политического* оппонента, блокирует путь компромисса и достижения договоренностей о демократическом будущем страны.

Вариант силового переучреждения государства, «революционным» путем или путем «отпадения» сепаратистских регионов, в любом случае развернет вспять прежние тренды пусть и непоследовательной, но – демократизации, и, скорее всего, приведет к распаду государства (по меньшей мере, *de facto*), переведет Украину из разряда государств с ослабленной состоятельностью и дефицитом внутреннего и внешнего суверенитета в состояние полноценного *failed state*.

Власть, черпающая свою легитимность извне, именуется марионеточным режимом. Но такой режим, формирующийся в европейском политическом пространстве XXI в. – нонсенс. По крайней мере, так принято было считать до 2014 г. Украинский кризис и в этом своем качестве становится самым серьезным вызовом глобальной системе международной политики, основанной на взаимном уважении национально-территориальных политий и представительстве различных общественных сил, основных этнических, языковых и конфессиональных меньшинств в законодательных и исполнительных органах власти.

Утрата киевским режимом не только юридической, но и политической легитимности является главной причиной его перехода (с конца апреля 2014 г.) к абсолютно безответственному поведению. Осуществив захват и удержание власти в нарушение процедуры и в отсутствие общеукраинского согласия, этот режим утратил даже те, обуславливаемые взаимосвязью демократически избираемой власти с обществом, ограничения, которые можно было, при всей условности украинской демократии, обнаружить у режима В. Януковича. У нового режима – в нынешней ситуации гражданской войны *de facto* – нести ответственность перед публичными структурами нет никаких оснований...

Незрелые политические системы не обладают, не владеют и не могут управлять демократическими инструментами политических изменений. И когда изменения оказываются неизбежными, такие системы предпочитают использовать внеконституционные, нелегитимные формы – вроде революции, переворота, путча, заговора. *Конституционный переворот* в этом ряду оказывается весьма удобным средством такой трансформации политической системы, которая позволяет властным элитам (или их части) сохранить свои позиции в новых условиях, купировав «электоральный фактор». Говоря о *необходимости* изменения конституции в условиях незрелой демократической системы, тем более о том, что она *должна* быть изменена, мы вольно или невольно сходим с конституционного пути и переходим на путь произвола и *бескомпромиссности*... На этом пути ключевое значение приобретают конкретные политические акторы и их не менее конкретные интересы. Но дело в том, что, в отличие от времен Великой французской революции, сегодня эти интересы весьма трудно скрыть за завесой той или иной идеологии и революционно-протестной демагогии. Иными словами, даже если конституция

и политическая система той или иной страны *нуждается* в изменениях, то эти изменения, отвергни страна прежнюю, несовершенную конституцию и прежний незрелый демократический порядок, будут происходить не в направлении ее улучшения и приближения к теоретическому идеалу. Напротив, – в соответствии с конкретными интересами тех, кого на постсоветском пространстве принято называть олигархами, т.е. тех, для которых эта незрелая политическая система демократии является наиболее эффективным средством, позволяющим узурпировать жизненные ресурсы общества в частных интересах собственного обогащения. Постановка в повестку политических изменений вопроса о *необходимости* обновления конституции впереди вопроса о создании основ (институциональных и политико-культурных) эффективного политического представительства дифференцированных общественных интересов программирует перемены (как в конституционно-правовой, так и в режимной и политико-культурной сферах), лишь ухудшающие качество демократии в такой стране. Российский опыт, начиная с февраля 1917 г., а теперь и украинский – тому свидетельство¹⁸⁸. Причем события февраля 2014 г. в Украине наглядно продемонстрировали, как это может происходить сегодня и какие акторы и ресурсы могут быть задействованы в этом процессе.

Итак, зафиксируем некоторые наиболее проблемные внутривнутриполитические аспекты украинского кризиса. Во-первых, пренебрежение, выказываемое новой украинской властью в течение уже довольно длительного времени по отношению к своим обязанностям поддержания законности и правопорядка, а также конституционно-правовых и процедурных основ государственности предполагает целенаправленное свертывание строительства современного государства. А во-вторых, не менее важным аспектом кризиса является сознательная подмена идеологами и вождями новой украинской власти целей современного национального строительства, когда модели гражданской и политической нации отбрасываются, и под нацией понимается лишь этническая общность, а политикой национального строительства становится нечто чрезвычайно похожее на нацизм.

Связь национализма с этничностью и порождение наций из этносов – это всегда плод воображения «пассионарных политиков» (стоит напомнить о концепте «воображаемой реальности», по Б. Андерсону). Для возникновения национализма должен быть запущен процесс формирования нации, и все значимые европейские национализмы возникли как проекты социокультурной интеграции и альтернативной самоидентификации в рамках формирующихся национальных государств... Национализм, как и нация, – это всегда политический проект... При этом одна из основных задач нациестроительства как конструирования особого рода «воображаемой реальности» – перевести «отдельные реплики» идеологов и политических лидеров в осмысленный и последовательный дискурс о базовых принципах взаимоотношений общества и государства, о продвижении гражданской парадигмы таких взаимоотношений.

¹⁸⁸ «Революционное» изменение конституции – традиция украинской политики. Схожие процессы, но гораздо более уважительные к процедурному аспекту и политическим оппонентам, имели место в период Оранжевой революции конца 2004 – начала 2005 гг. См. напр.: Лэйн Д. Оранжевая революция: «народная революция» или революционный переворот? // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 2. С. 31-53.

Украинский национализм в постсоветский период стал ключевым, искусно сконструированным, «изобретенным» средством реорганизации и консолидации украинского государства, столкнувшегося с дисфункциями несостоятельности... Но цели формирования гражданской нации не вызывали энтузиазма у украинских постноменклатурных политиков, возможно потому, что напоминали некоторые стороны советских реалий. Более привлекательными им представлялись модели этнонационализма, тем более, что у него был солидный исторический *background* и устойчивая, хотя и относительно небольшая, электоральная поддержка. Но, напомним: «В концепциях *этнического национализма* статус государствообразующей нации присваивается какой-то одной этнической общности (*ethnicity*), тогда как *гражданский национализм* рассматривает в качестве государствообразующей нации все гражданское сообщество (*nationality*) вне зависимости от этнических или иных культурных различий между гражданами. Гражданский национализм, как показали многочисленные примеры формирования государств-наций, способствовал объединению различных этнических, религиозных и социальных слоев общества ради достижения общих политических целей. Этнический же национализм, напротив, раскалывает гражданское общество и опирается на ксенофобию как важнейший источник мобилизации и сплочения своих сторонников»¹⁸⁹. На нынешнем этапе постсоветский проект строительства украинской нации являет собою, по-видимому, попытку именно через конфликт и общенациональную социальную и гуманитарную катастрофу обеспечить это чаемое «объединение различных этнических, религиозных и социальных слоев... ради достижения общих политических целей». Однако, не ложная ли цель выбрана для такого нациестроительства и не ложными ли методами оно проводится? И не придет ли Украина на этом пути к этническим чисткам, закамуфлированным псевдогражданской риторикой?

Украина в жерновах глобальной геополитической трансформации

События на Украине, инициированные в ноябре 2013 – феврале 2014 гг., стали геополитической катастрофой общеевропейского, а в перспективе и мирового масштаба. Растущая «черная дыра» современной политики, образовавшаяся на месте коллапсирующей украинской политики, втягивает внутрь своего «горизонта событий» все новых и новых политических акторов, все новые и новые социальные движения, территории, ресурсы развития. Ее разрастание разрушает планы «стабилизации» и «преодоления кризисных явлений», включая в арсенал текущего глобального кризиса не только факторы экономической и финансовой дестабилизации и геополитических потрясений на периферии современного мира, но и уже напрямую вовлекая в геополитический конфликт ведущих акторов мирового экономического и социально-политического развития.

В условиях распада рационально-правовых оснований государственного единства Украины ключевой интерес киевской власти неизбежно обращен к силовым методам революционного восстановления и воссоединения государства. Исторический опыт прежних («национально-демократических»)

¹⁸⁹ Паин Э. Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья. // *Pro et Contra*. 2014. № 1-2(62), январь – апрель. С. 37-38.

революций свидетельствует, что победоносная революционная власть неизбежно прибегает к оружию «революционной (гражданской) войны», в ходе которой ломает сопротивление «новому порядку» со стороны разного рода «диссидентов», как консервативного (*ancient regime*), так и сепаратистского или либерального характера. Но в современном мире такой путь революционных войн, силой навязывающих несогласным порядку и нормы победителей, представляется недопустимым (по крайней мере, представлялся таковым до недавнего времени). Иными словами, с позиции современного цивилизованного мирового порядка варианту революционной войны должен быть противопоставлен вариант политического компромисса.

В условиях социокультурного, и уже не только идентификационного, но и политического, ментального раскола украинского общества – если предположить гипотетическую возможность несилового, невоенного возрождения украинской государственности – этот путь лежит через формирование активно поддерживаемых гражданами-резидентами региональных режимов, вплоть до уровня отдельных крупных городов и городских агломераций. А затем, на этой основе, – раунд переговоров и поиск компромиссов между этими режимами, выработка устраивающей всех протоконституционной основы будущей возрожденной государственности. И далее – формирование новых единых процедур общеукраинского политического представительства и новых конституционно-правовых оснований политического режима Украины.

Однако развитию этого сценария препятствуют вполне объективные обстоятельства. Украина, движимая своей двусмысленной и непоследовательной политикой последнего десятилетия, попала в геополитические жернова между Россией и Западом¹⁹⁰. Запад (ЕС и США), отгораживаясь от России новым санитарным кордоном, полагает, что это будет способствовать «краху режима». Но в реальности это лишь подталкивает Россию к Китаю. При этом новый раунд вынужденного экономического и технологического сближения России и Китая вряд ли позволит решить стратегические проблемы России (важнейшая из которых – качественная модернизация страны), но несомненно будет способствовать превращению Китая в страну, готовую к полномасштабному противостоянию Западу, обладающую сырьевой, технологической, инновационной, а значит и политической автономией (подобную СССР начала 1960-х годов).

Вместе с тем, главная причина (во многом общая и для Украины, и для России), по которой эти страны попали в ловушку «геополитических жерновов», является олигархический характер их политики. В основе постсоветской олигархии как способа правления в рамках режима имитационной демократии лежат два базовых условия. Первое, сохранение и укрепление монопольного контроля над ресурсами власти и собственности, обеспеченного номенклатурно-теневой приватизацией 1990-х годов (особо подчеркнем, что именно колоссальный объем доставшихся приватизаторам ресурсов в двух этих мощнейших республиках СССР стал залогом такой эволюции, ее

¹⁹⁰ России, в свою очередь, в ближайшем будущем грозит схожая участь, – попасть в жернова между Западом и Китаем. Ее шанс избежать этого в том, чтобы успеть резко активизировать свои способности и ресурсы «умной политики» (*smart politics*), опираясь на ясное понимание своих национальных интересов.

длительности и устойчивого воспроизводства при изменении политического режима). И второе, на этой основе монопольного контроля над жизненными ресурсами общества – слияние политического и экономического интереса постсоветских элит в единый олигархический интерес.

Устойчивость возникшей конструкции придает «властный треугольник» – *постсоветская олигархия, бюрократия, персонализм*. Политика *олигархии* – коммерциализация и отчуждение под свой частный контроль всех мало-мальски ликвидных общественных ресурсов. Политический *персонализм* призван ввести безграничные вожделения олигархии в рамки государственного интереса, оградить общество, остающееся за рамками господствующей коалиции, от полного разорения. Для этого он культивирует *бюрократические* механизмы дисциплинирования олигархии. Но вскоре интересы бюрократии и олигархии смыкаются, что создает для персонализма особые трудности, толкающие его либо на путь диктатуры, отказа от имитационных форм демократии, либо на путь вовлечения бюрократии в коммерцию и передачи ей контроля над существенной частью ресурсных потоков, поощрения ее обогащения.

Базовое различие украинского и российского случаев обусловлено тем, что в России на рубеже тысячелетий персоналистский вектор развития, возможность чего была заложена еще в конституции 1993 г., стал как определяющим ее политическую траекторию, так и организующим ее олигархию. На Украине ресурсы персонализма оказались недостаточны для формирования режима дисциплинирования олигархии, устойчивого во времени и воспроизводящего себя при очередном электоральном испытании. Более того, эти ресурсы стали желанной добычей в ожесточенном олигархическом противоборстве. Вместо того, чтобы служить делу дисциплинирования и консолидации персоналистско-олигархического режима, они стали средством его дестабилизации и подрыва. Первый опыт продвижения персонализма на Украине (Л. Кучма) завершился Оранжевой революцией, второй (В. Ющенко) – раскол «оранжевых» и лишил украинского лидера каких-либо рычагов противодействия олигархической политике дестабилизации национального развития. Третий (В. Янукович) – стал попыткой одного из олигархов «освоить» ресурсы персонализма для усиления своих позиций в ряду крупнейших украинских олигархов (именно это вызвало столь мощное единение всех прочих политических субъектов Украины против этого лидера). Персонализм стал орудием олигархической политики и тем самым – обозначил свой крах в качестве механизма системного ограничения олигархического интереса и своего рода завершение постсоветского этапа политической эволюции Украины.

Однако олигархия на Украине осталась и, более того, активно продвигает свои интересы и своих ставленников в новых условиях «национальной антиолигархической революции»¹⁹¹. В чем же заключается ключевая проблема

¹⁹¹ Парадоксально, но по итогам первого полугодия 2014 г. украинских событий отнюдь не Евромайдан, а, напротив, «сепаратистское» движение Юго-Востока олицетворяет собою антиолигархическую революцию, столь пугающую не только украинские, но и российские элиты, которые не могут скрыть своего двойственного, порою явно неприязненного отношения к последовательным лидерам этого движения, к продвигаемому и насаждаемому (или, по крайней мере, декларируемому) ими социальному порядку.

эволюции политической системы Украины, что мешает ее последовательной демократизации? Хорошо известно, что преодоление олигархической ловушки предполагает длительный, но последовательный, поэтапный переход к современной *полиархии*. Условием полиархии является политический мир (компромисс и утверждение незыблемости конституционного правления) между основными держателями политических и экономических ресурсов, когда ни один из них не в состоянии навязать другим свой интерес и свой порядок. В. Янукович методом «от противного» показал всем трагические издержки таких попыток. Однако на постсоветском пространстве до настоящего времени нет позитивного примера такого «пакта олигархов», открывающего дорогу к полиархии.

Тому есть множество причин. С позиции самой правящей (и в сфере политики, и в сфере экономики) олигархии такое движение было бы абсолютно немотивированным. Ни привычные методы достижения экономического успеха (распил, откат, наезд и пр.), ни постсоветская политическая культура (см. об относительности «дураков» и «начальников») не располагают к поиску компромиссов и норм, которые следует соблюдать хотя бы ввиду ответственности перед обществом. В условиях хозяйственной и политической монополии такой ответственности попросту нет, а любую проблему можно «решить» в обход всех писанных норм.

Тем не менее, в истории, разумеется, есть немало примеров успешного перехода от олигархии к полиархии. Но все они, и прежде всего классический английский, обнаруживают важность факторов временной (и условной) внешнеполитической изоляции, а также временного (ситуативного) ослабления олигархов (самодостаточных «баронов»). Если второму условию современные кризисные обстоятельства отчасти благоприятствуют, то о внешнеполитической изоляции (даже временной и условной) в современном мире говорить не приходится. В результате олигархические режимы начинают эволюционировать в совершенно ином направлении. Ключевой фактор перемен здесь – превращение олигархов (на основе смычки, переплетения, вплоть до поглощения олигархического бизнеса более серьезными и ресурсно обеспеченными партнерами, представляющими финансовые структуры Запада) в инструмент внутренней политики, проводимой внешними игроками, нерезидентами. Именно эти внешние игроки хотели бы унаследовать у «местной» олигархии возможности монопольного политического и финансово-экономического контроля постсоветских государств. В России эта возможность с наибольшей ясностью проявилась в деятельности олигархов конца 1990-х годов (Б. Березовского, В. Гусинского и пр.). Тем не менее, этот процесс был тогда в своих наиболее одиозных проявлениях заблокирован. Финальной точкой, обозначившей поворот в сторону от такой политики, стал отказ от сделки с *British Petroleum*, продвигаемой М. Ходорковским. На Украине в последние годы этот процесс превращения олигархического режима в режим внешнего управления шел полным ходом, и новый импульс ему дан нынешними «революционными событиями». Из трех возможностей эволюции олигархии: демократизации, персоналистского дисциплинирования, внешнего управления, – Украина последовательно отказалась от первых двух. Реализация третьего сегодня оказывается почти неизбежной.

Почему почти? Еще раз вернемся к первой, демократической альтернативе. Власть олигархии держится на сохранении ее монопольного

контроля над политическими и экономическими ресурсами общества. Защита этой власти требует отстранения и постоянного ограничения доступа общества и отдельных групп граждан, не входящих в олигархические структуры, к этим ресурсам. Преодоление этого ограничения и расширение прав свободного доступа (термин Дугласа Норта и соавторов) связано, прежде всего, с улучшением политического и хозяйственного климата в стране. В частности, подъем экономики, благоприятная конъюнктура на рынках всегда способствуют развитию мелкого и среднего бизнеса, обретению его широкими слоями дополнительных ресурсов в борьбе за свои юридические и политические права. В нынешних кризисных условиях на мировых рынках подъем экономики возможен лишь в государственно-мобилизационном режиме и ведет, как правило, к перераспределению национального дохода в пользу немногочисленной олигархическо-бюрократической страты. На Украине последний шанс пойти по пути демократической деградации олигархического режима был упущен в 2004 г. В результате «оранжевой революции» экономический рост, наблюдавшийся до того, был катастрофически прерван, а тренд подъема предпринимательского среднего класса сменился стагнацией. В настоящих условиях, как показывает ход событий последних месяцев (ноябрь 2013 – июль 2014 г.), средний класс Украины не способен стать политической силой, консолидирующей требования порядка и законности, важнейшие с точки зрения его стратегических интересов.

Проблема в том, что средний класс и революция *несовместимы*. Средний класс может укрепиться после того как революция утвердит «новый порядок», но, как правило, это случается лишь по итогам «термидорианского переворота», венчающего революционный период (или новой, теперь уже «славной революции», реставрирующей прежде повергнутые «незыблемые ценности»). Отметим, что, по мнению большинства исследователей российской истории XX в., «термидорианского переворота» здесь не произошло, у революционного периода не было необходимого завершения. И поскольку советский революционный строй так и не удалось последовательно и бескомпромиссно преобразовать в соответствии с современными представлениями о порядке и законности (в силу почти очевидных и неустраняемых объективных причин, обусловленных фактором времени и колоссальных социальных трансформаций), средний класс на постсоветском пространстве так и не смог самореализоваться в качестве доминирующего субъекта экономики и политики.

Иными словами, постсоветское общество лишено средств эффективного противостояния политике олигархии, даже если дело идет к утверждению режима «внешнего управления». Этому обществу, до тех пор, пока оно не окажется в благоприятных условиях и не сформирует массовый средний класс в качестве субъекта, продвигающего его политические и экономические интересы, требуется «внешнее управление». Таковое возможно, как показывает российский (в широком историческом смысле) опыт, либо в форме прямого управления путем иностранных советников и марионеточного режима, либо как условно «внешнее» – за счет особой властной страты («властной корпорации»), выделенной из общества и стоящей над ним, над всеми нормами и законами, по которым принуждено жить общество. Такая корпорация и призвана генерировать все эти нормы, законы и процедуры, упорядочивающие жизнь такого общества. Столь высокая цена, которую платит общество, получая закон

и порядок своего существования, обусловлена тем, что общество вновь и вновь демонстрирует, в лице собственных элит и социально активных слоев, неспособность к самостоятельной выработке компромиссных институтов социального общежития и столь же компромиссных процедур оценки их эффективности и их изменения. Украина, ведомая олигархами и прикормленными «национал-радикалами», с опережением прочих постсоветских государств (быть может, лишь за исключением Грузии) и без всякой осторожности двинулась по пути социально-политической деградации. Для того, чтобы будущее России было не столь беспощадным к ее гражданам, требуется внимательно и вдумчиво осмыслить украинский опыт и предельно глубоко проанализировать альтернативные возможности политической и социальной эволюции, еще сохраняющиеся у России.

Геополитические перспективы реконфигурации постсоветского пространства

Современная ситуация, в которой оказалась Россия в связи с украинскими событиями, чрезвычайно сложна, а ставки – запредельно высоки, поскольку высока решимость Запада отстаивать свое право на глобальное доминирование и властное дисциплинирование всех прочих, незападных стран. Более того, сам возможный компромисс России и Запада весьма «условен» и ограничен фундаментальной конфликтностью их геэкономических установок. Суть функциональной ловушки, в которой сегодня оказалась Россия, обусловлена феноменом «застойного лидерства» США, о чем шла речь в начале данной статьи. Запад ожидает от России поведения, аналогичного германскому в 1920-х – первой половине 1940-х гг. Более того, он стремится навязать ей принудительно соответствующую модель поведения, спровоцировать или всячески подтолкнуть ее к сходу на пресловутый «веймарский сценарий развития», на худой конец, методами «информационных войн» навязать глобальному сообществу такую форму интерпретации любого российского ответа на провокации Запада. Россия же должна практически доказать свою эффективность в деле упорядочения и хозяйственного обустройства постсоветского пространства в интересах стабильного глобального развития, доказать универсальную ценность собственной «особости». В частности, в ближайшей перспективе ей необходимо найти способ продемонстрировать Западу угрозу, которая исходит в отношении него со стороны дестабилизирующих европейский порядок «революционных» украинских элит. А также – способность России эту угрозу, при необходимости, купировать. В нынешней игре на повышение, когда ставки чрезвычайно высоки, России необходимо быть предельно осмотрительной и мудрой, не поддающейся на провокации...

Шанс России заключается в том, что в рамках современной международной экономической и политической системы существуют серьезные интересы, альтернативные интересам глобального лидера. Появление в ее рамках новых субъектов развития, их принципиальная чужеродность Западу и, главное, неспособность Запада обеспечить ни необходимые этой системе ресурсы развития, ни трансляцию лидерства, что открывало бы новые перспективы реструктуризации миропорядка, – все это в совокупности ставит в повестку дня императив такого «расхождения» интересов. Связав себя неразрывными узами с системой американской гегемонии, Запад обнаружил

предел своему эволюционному потенциалу. Критическим стал сбой, произошедший в конце 1980-х годов, когда претензии Японии на роль нового лидера, опирающегося на стремительно развивающуюся «тихоокеанскую экономику», были жестко разбиты целенаправленной экономической политикой США, использовавших новейшие технологии мирового монопольного финансового господства. В результате интересы финансовой гегемонии США и интересы эволюционного развития международной экономической и политической системы стали медленно, но неуклонно расходиться.

Текущий кризис лишь усилил эти процессы, придал им характер острого и явного конфликта экономических интересов США и интересов новых индустриальных стран. Вместе с тем, он способствовал более тесной и осмысленной кооперации этих стран, а также более ясному осознанию глубины и фундаментальности этого конфликта. Существо проблемы в том, что, поскольку трансляция лидерства заблокирована, а значит, существенно затруднена и деятельность ведущих субъектов глобального накопления в целом, Запад будет «стоять до конца», будет тянуть «в никуда» всю мировую экономику. Реформ мирового экономического порядка, о которых заговорили, было, в начале кризиса, в 2008-2009 гг., от него ожидать не приходится. Эти реформы в том или ином виде могут быть инициированы только новыми лидерами мировой экономики. Но без участия Запада качество и эффективность этих реформ будут явно неадекватными стоящим перед глобальным миром задачам. Собственно, эта парадоксальная ситуация существования мировой системы *de-facto* без реального, полноценного центра-лидера, причем в ситуации системной оспариваемости лидерства и самой его парадигмы, скорее всего и будет составлять содержание весьма продолжительного периода мирового развития после преодоления проблем текущей глобальной стагнации, т.е. после 2017-2020 гг.

Но, возвращаясь к текущей ситуации, обусловленной украинским кризисом, приходится признать, что ресурсы Запада плюс его решимость осуществить в собственных интересах радикальную реконфигурацию всего постсоветского пространства, оттеснив Россию «на Северо-Восток», представляет для нашей страны реальную и весьма актуальную угрозу. Причина этой решимости Запада понятна. Иницилируемые и активно продвигаемые Россией проекты интеграции на постсоветском пространстве (прежде всего Таможенный союз и ЕАЭС) в логике З. Бжезинского предстают попытками локальной Евразийской империализации, альтернативной универсалистской империализации, воплощенной в проектах *Pax Americana* и Большой Европы, сбой в продвижении которых и обозначили самые яркие к настоящему времени проявления текущего глобального кризиса.

Украина как никакая другая из бывших советских республик (за исключением, быть может, Беларуси) важна для России в качестве «коридора стратегической безопасности». Это обстоятельство дает ей серьезные «бонусы» в отношениях с Европой и активно используется сегодняшней киевской властью. В свою очередь, для Европы, и Запада в целом, Украина, наряду с Турцией, является геополитическим плацдармом, позволяющим, при необходимости, ограничивать возможности экономического и стратегического маневра России на юго-западном направлении. Иными словами, «закрывать» для нее и Ближний Восток, и Юго-Восточную, и Центральную Европу.

Последствия «развода» Украины и России скажутся не только на перспективах развития Таможенного и Евразийского экономического союзов, но и на развитии Китая, который всерьез рассматривал Украину как своеобразный «ключ» к экономическому освоению стран Центральной Азии и Европы. В частности, проект нового «Великого шелкового пути» из Китая в Центральную Азию и в Европу без Украины оказывается труднореализуемым или, по крайней мере, незавершенным. Поэтому успешное осуществление «майданной революции» дало возможность Соединенным Штатам весьма радикально вмешаться в геоэкономическую ситуацию на просторах Евразии и изменить ее в свою пользу. При этом, однако, все многочисленные разрушительные последствия такого вмешательства, которые бумерангом бьют и по России, и по Европейскому союзу, и по США, сейчас невозможно просчитать. Ясно лишь, что речь может идти не только о глубоком экономическом, социальном и политическом кризисе на территории Украины, не только об углублении противоречий внутри ЕС, но и о практически неизбежной переориентации России и ее политики с Запада на Восток. Тем самым, выигрывая в тактическом плане, США могут проиграть в плане стратегическом.

Что касается постсоветского пространства, то его геополитическая и геоэкономическая реконфигурация уже началась и, как можно полагать, будет происходить в ближайшие годы полным ходом. Независимо от того, останется ли Украина единым государством или, что более вероятно, в итоге распадется на несколько государственных образований, развитие и расширение интеграции на постсоветском пространстве будет происходить одновременно в нескольких форматах. Во-первых, после подписания Грузией, Украиной и Молдовой договора об ассоциации с ЕС эти государства будут интегрироваться с Евросоюзом и отчасти с США; однако эта интеграция будет неорганичной и асимметричной, чреватой глубокими экономическими, социальными и политическими кризисами. Все три страны в экономическом и политическом плане будут подконтрольны более развитым западным государствам, их роль как самостоятельных политических субъектов станет по существу лишь номинальной. При этом ни Украина, ни Грузия, ни Молдова в обозримом будущем не смогут обрести статус полноценных членов ЕС. В то же время они будут использоваться в качестве «подручных средств» при осуществлении антироссийской политики, а их власти будут принуждены к политике русофобии и нагнетания страха перед «ужасной имперской» Россией.

Во-вторых, развитие Евразийского экономического союза получит новые импульсы, его состав будет скорее всего расширяться. Наряду с Россией, Беларусью и Казахстаном в него могут войти Киргизия, Армения (если в последней не произойдет инспирированной извне «цветной революции»), а также, возможно, Таджикистан. Но развитие этого объединения не будет столь динамичным, как этого требует геополитическая ситуация в мире и конкуренция со стороны других интеграционных образований. США и ЕС будут делать все возможное для того, чтобы Евразийский союз, в котором они видят призрак возрождения Советского Союза, не стал полноценным геополитическим и геоэкономическим субъектом. А учитывая известные противоречия между странами, входящими в Евразийский экономический союз, можно с уверенностью предположить, что западные страны будут не только играть на этих противоречиях, но и способствовать возникновению в постсоветских

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ... В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА...

государствах новых «революций» по известным из опыта Украины схемам и технологиям. При этом многое будет зависеть от зрелости этих обществ и их политических элит, от того, извлекут ли они необходимые уроки из украинского кризиса. Объективные условия для развития Евразийского союза не только на постсоветском пространстве, но и на евразийском пространстве (с возможным участием Вьетнама, Турции и даже Индии) существуют, но эти условия еще необходимо использовать, преодолевая как противоречия между постсоветскими элитами, так и активное противодействие евразийской интеграции со стороны западных государств.

Оставшиеся три страны на постсоветском пространстве – Узбекистан, Туркмения и Азербайджан занимают и в ближайшем будущем, по-видимому, будут занимать промежуточное положение между ЕС, США и Евразийским экономическим союзом, колеблясь и балансируя в зависимости от политической и экономической конъюнктуры. Эти страны также не застрахованы от «цветных революций» в случае ухудшения социально-экономической ситуации и обострения внутривнутриполитических конфликтов. Как наглядно показал пример режима В. Януковича, длительное балансирование между разными центрами силы ведет к неустойчивости, дестабилизации основ государственности. Поэтому рано или поздно Азербайджану, Узбекистану и Туркмении также придется делать геополитический и геоэкономический выбор. Вероятная экспансия талибов и других радикальных исламистов на страны Центральной Азии в свете предстоящего формального ухода США из Афганистана и развития событий вокруг ИГИЛ сделает этот выбор еще более драматичным и судьбоносным.

Таким образом, на наших глазах, в эпоху «великих потрясений» происходит геополитическое и геоэкономическое «переформатирование» всего постсоветского пространства. Это «переформатирование», как показывает пример Украины, весьма драматично и сопряжено с огромными человеческими жертвами и политическими издержками. Было бы очевидным упрощением все издержки и жертвы сводить исключительно к дестабилизирующей роли внешних сил, хотя их вклад в дестабилизацию и создание атмосферы хаоса на постсоветском пространстве является весьма значительным. Главными факторами дестабилизации являются отсутствие у многих постсоветских обществ иммунитета к внешнему влиянию, слабость гражданского общества и государства, архаичность политической системы, пронизывающие его социокультурные расколы, несовременность и коррумпированность элит, плохое функционирование институтов, их неспособность поддерживать динамичное социальное развитие. В условиях происходящей глобальной геополитической перестройки это влечет за собой перманентные кризисы и разрушительные конфликты на всем постсоветском пространстве.

**РЕВОЛЮЦИЯ VERSUS ЭВОЛЮЦИЯ:
УКРАИНСКИЙ КАЗУС
ПОСТСОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

Лапкин В.В.

**Постсоветский политический процесс
в зеркале украинских событий 2014 г.**

Кризис и деградация нормального гражданского правосознания и правопорядка в Украине в условиях националистической революции стали результатом длительного процесса политической эмансипации постсоветского олигархического режима, сформировавшегося в этой второй по совокупной ресурсной мощи республике, вышедшей из бывшего СССР, самым важным и желанным для олицетворяющих его элит. Теперь, в этих новых условиях, у олигархии уже не оставалось значимых политических оппонентов внутри страны. Идеологически этнический национализм оказался самым эффективным инструментом мобилизации масс негражданского общества, позволяющим посредством хорошо оплачиваемых политтехнологий эффективно манипулировать их протестными настроениями и направлять их гнев на политических противников олигархии. Тем не менее, в этих принципиально новых, и, казалось бы, чрезвычайно благоприятных для него условиях перспективы олигархического режима представляются отнюдь не безоблачными.

Зачистка политического поля от прежних конкурентов, ограничивающих свободу политического маневра олигархии, привела к резкому усилению иного рода угроз олигархическому режиму. Речь идет прежде всего об усилившейся конкуренции между олигархическими кланами, а также об усилении давления извне, обоснованного фатальной зависимостью постсоветских олигархов от западных финансовых институтов. Этот последний фактор напрямую поставил украинскую политику в зависимость от интересов и планов глобальной финансовой олигархии, резко ограничивая пространство политического маневра украинских элит. Что же касается конкуренции между олигархами, которая остается в новых условиях почти единственной основой украинской многопартийности, то ничем не сдерживаемая и никакими институтами не регулируемая, она стремительно превращается в неустранимый фактор дестабилизации украинской политики.

Значение этих новых рисков и угроз для украинской государственности в целом, и нынешнего «революционного» режима в частности, столь велико и многогранно, что стоит остановиться на анализе двух этих факторов более подробно и обстоятельно.

Олигархический характер присущ большинству постсоветских режимов, а исключения (на которых следовало бы остановиться особо) могут служить лишь подтверждением этому правилу. Теснейшая связь политического и экономического интересов постсоветских элит возникла в ходе реализации приватизационных мероприятий начала 1990-х годов, сплошь и рядом прикрывавших процессы конвертации теневых капиталов во властные ресурсы и номенклатурных властных ресурсов в реальные частные капиталы. Эти процессы шли тем энергичнее, чем внушительнее были ресурсы власти и

собственности в той или иной постсоветской республике. Украине в этом отношении «повезло». Еще больше «повезло» только России. В обеих этих республиках власть олигархии последовательно возрастала все 1990-е годы, но позднее стала усиливаться дивергенция их эволюционных траекторий.

Дело в том, что политика, обслуживающая олигархический интерес, сама по себе, не в состоянии поддерживать устойчивость государства, поскольку не ведает иных целей кроме приватизации в собственных интересах (т.е. монопольной, а не общенародной, как внушали в свое время идеологи и конструкторы постсоветских олигархических режимов) всех мало-мальски ликвидных общественных ресурсов, находящихся до того в ведении государства. Однако в интересах стабилизации этого отнюдь не одномоментного процесса требуется – «на переходный период» – обеспечить устойчивость государства, призванного успокаивать и внушать оптимизм обществу, исключенному из процесса приватизации и обрекаемому на системное прозябание. Для этого олигархия вынуждена была поддерживать лояльность государственной бюрократии, стремясь в ее лице обрести проводника своей политики.

Но традиции и историческая укорененность властно-хозяйствующей бюрократии на постсоветском пространстве (в советский период – номенклатуры), особенно, в России и в Украине, были столь глубоки и основательны, что игра на поле постсоветских властно-собственнических отношений существенно осложнилась. В течение нескольких первых лет после распада СССР в большинстве постсоветских республик возник удивительный феномен, получивший название персоналистского режима¹⁹². В результате сформировался сравнительно устойчивый «властный треугольник» – *постсоветская олигархия, бюрократия, персонализм*, в рамках которого бюрократическая машина государственного управления стала объектом ожесточенной борьбы между олигархией и персонализмом за контроль над процессом бюрократических решений в сфере политики и экономики. Суть же дивергенции развития государственно-политических режимов в России и в Украине в том, что если Россия, опираясь на латентные возможности конституции 1993 г., с 2000 г. пошла по пути институционализации персонализма и упрочения его доминирующей и дисциплинирующей олигархию роли, то Украина все последнее десятилетие последовательно продвигалась по освоению персоналистского ресурса в частных олигархических целях. Для России издержками избранного ею пути стало неизбежное «приобщение» бюрократии к бизнесу. В украинском случае в силу ограниченности персоналистского ресурса и политической мощи олигархии, контролирующей основных игроков на ее партийно-политическом поле, уже к 2004 г. инициатива полностью перешла к последней. Символическим знаком этого перехода стал бесславный уход Л. Кучмы с президентского поста, вынужденного напоследок «сдать» собственного ставленника (претендента в президенты В. Януковича) и «благословить» неконституционную процедуру трансляции высшей государственной власти (посредством фантасмагорического третьего тура голосования).

С этого момента овладение ресурсами персонализма становится ключевой политической целью олигархического противоборства в Украине. Из средства

¹⁹² О персоналистском режиме см., например, Краснов М. *Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа*. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2006.

дисциплинирования и консолидации олигархического режима персонализм в руках овладевающих им олигархов превращается средство его дестабилизации и разложения. Первый опыт такого использования персоналистского властного ресурса закончился для Л. Кучмы Оранжевой революцией. Второй (при В. Ющенко) – внес неустранимый раскол в ряды «оранжевых», попутно лишив украинского лидера возможностей противодействовать олигархической политике разграбления ресурсов национального развития. Третий (в ходе правления В. Янукович) – стал попыткой частного олигархического присвоения персоналистского ресурса власти, вопреки интересам всех прочих олигархов. Это, естественно, дало мощный импульс их объединению с целью наказания «нарушителя конвенции». Тем самым персонализм, инструментально сохраняющийся в обойме властных ресурсов украинской политики, окончательно трансформировался из средства системного ограничения олигархического интереса в средство дестабилизации постсоветской политической системы. А стало быть – постсоветский этап политической эволюции Украины завершился.

Окончательное упразднение (путем олигархической приватизации) прежнего дисциплинирующего и консолидирующего начала в украинской политике влечет за собою по крайней мере два серьезных следствия, обусловленных новой ситуацией «свободной игры» олигархических интересов на фоне распадающейся украинской государственности. Одно из них, то, что пример В. Януковича отнюдь не в силах ограничить властные вожделения олигархии, и попытки использовать президентско-персоналистский ресурс для достижения превосходства над другими олигархами будут продолжаться. Соответствующие усилия П. Порошенко в июле-октябре 2014 г. – убедительное тому подтверждение. Другое – то, что осознание масштабов ущерба, наносимого олигархическим интересам процессами развала страны и прогрессирующей недееспособности государственной власти, вскоре принудит и уже принуждает олигархат к поиску нового дисциплинирующего и консолидирующего ее начала. И результат этих поисков очевиден, однако легализация и институционализация новой властной конфигурации пока еще представляется проблематичной.

Речь идет, разумеется, о втором факторе, о системной зависимости постсоветских олигархов от западных финансовых институтов. Эта зависимость погубила в итоге политическую карьеру и успешный бизнес клана В. Януковича. Эта зависимость основательно фрустрирует крупный российский бизнес. Но с точки зрения перспектив олигархии в Украине после националистической революции 2014 г. эта зависимость предстает практически безальтернативной основой смыкания этой олигархии с несопоставимо более серьезными и ресурсно обеспеченными западными бизнес-группами (вплоть до поглощения первых вторыми). При этом контролируемые украинскими олигархами властные ресурсы (в новых «революционных» условиях – практически безраздельно) неизбежно трансформируются во внутривнутриполитический инструмент, направляемый внешними игроками, нерезидентами. Мы присутствуем при инициации первого полномасштабного эксперимента по перехвату Западом монопольного политического и финансово-экономического контроля над теперь уже бывшим постсоветским государством. Российской стороне, в свою очередь, следует принять во внимание, что если этот эксперимент окажется успешным, то ее очередь на участие в подобного рода эксперименте подойдет весьма скоро.

Риски и издержки революционного решения проблем украинского нациестроительства

Дестабилизирующее воздействие, которое оказывают два эти фактора (ожесточенная конкуренция между олигархическими кланами и внешнее давление на олигархический бизнес и принимаемые политические решения) на украинское общество, его экономическую, политическую, правовую и медийную сферы, а также на устойчивость функционирования украинского государства, его состоятельность, усиливается по целому ряду направлений. Во-первых, в политике, особенно на уровне исполнительной власти, становится все менее заметно представительство общественного интереса. Политические партии, организуемые, финансируемые и направляемые олигархами, заинтересованы лишь в освоении в интересах своих боссов политических механизмов перераспределения национальных ресурсов, а также в эффективном использовании массовых фобий и навязываемых масс-медиа поведенческих стереотипов. «Глас народа» при этом эффективно отсекается и в политике практически не отображается. Фатальному разрушению подвергается механизм обратной связи общества с властью, что подготавливает очередной массовый протестный взрыв против олигархического режима, на сей раз – ввиду практически неизбежного катастрофического падения уровня и качества жизни.

Во-вторых, сам характер олигархической политики, сбросившей флер общественного представительства, приобретает форму циничного и перманентного передела, частного присвоения всякого рода общественных ресурсов. В этой бездонной пропасти олигархической алчности (напомним, за десятилетие «освоившей» казалось бы необъятные закрома советского государства) за последние месяцы канули немалые средства как бюджета, так и иностранной финансовой помощи, что вызывает серьезную озабоченность западных спонсоров нового украинского режима. Передел становится главным смыслом и содержанием украинской политики, камертоном продвигаемых проектов и принимаемых решений. Вместе с тем, в условиях этого передела оказывается невозможной консолидация «революционных» политических элит, более того, неустойчивыми и ненадежными становятся любые пакты и договоренности между ними, поскольку единственно значимым в политике оказывается результат теневых сделок по освоению высоколиквидных активов.

В-третьих, еще раз повторим, Украина имеет уже весьма большой и длительный опыт применения различных моделей использования национального властного ресурса в олигархических интересах. Здесь стоит вспомнить и Л. Кучму, и В. Ющенко. Но наиболее значим опыт В. Януковича, сделавшего роковую для него и для страны попытку монополизации этого ресурса в интересах собственного клана. Тем не менее в первые месяцы своего президентства тем же путем пошел и П. Порошенко. Лишь неожиданный сбой на внеочередных парламентских выборах 26 октября 2014 г. притормозил соответствующие процессы «приватизации государства», обозначив, вместе с тем, реальную перспективу консолидации всех иных «революционных» партий против «Блока Петра Порошенко».

Наконец, в-четвертых, неслучайной представляется своего рода взаимосвязь периодов активизации действия этих двух факторов (конкуренции олигархов и внешнего давления на украинскую политику) с «революционным обострением»

в стране, воплощаемым Майданом. Революционная дестабилизация¹⁹³ непрочной еще украинской государственности оказывается, по всей видимости, эффективным тактическим решением, продвигающим ее политическую систему к новой властной конфигурации, о которой шла речь выше.

В целом же конкуренция олигархических интересов на политической сцене Украины стремительно становится ключевой разрушительной силой в отношении любых формирующихся было межклановых и межпартийных мезальянсов. В этих новых условиях договороспособность украинских политических элит вызывает все большие сомнения. При этом, что характерно, не срабатывает даже фактор «кураторства» над ними западных политиков. Олигархическая «вольница» оказывается принципиально неуправляемой, всякая договоренность здесь вступает в конфликт с разнообразием частных интересов, размывается в условиях системной безответственности и коррупции.

Тем не менее, разрушая прежний правовой и конституционный порядок, Украина формирует новый, революционный порядок, апеллирующий к «революционной целесообразности» и подчиняющий страну задачам построения этнически консолидированной нации. Заметное продвижение в решении этих задач было достигнуто в ходе проведения выборов 26 октября 2014 г.

Предварительные результаты внеочередных парламентских выборов 26 октября 2014 г.

Длительное время (целых восемь месяцев) «ахиллесовой пятой» новой «революционной» украинской власти оставался депутатский корпус прежней Верховной Рады (избранный в 2012 г.). Эта доставшаяся «революционерам» от прежнего режима В. Януковича Рада, частично то ли распущенная, то ли разогнанная, то ли люстрированная, утратившая представление о регламенте, о соблюдении конституции и законности в целом, тяготила их постоянным напоминанием о содеянном, об антиконституционном февральском перевороте. Подобно тому как Полония тяготило присутствие встревоженного подозрениями Гамлета. Новой Украине срочно требовалось улучшение имиджа, приведение своих властных институтов, хотя бы формально, в соответствие с нормами представительной демократии. Требовалось избрание нового состава украинского парламента.

Представители прежнего парламентского большинства, даже как оппозиция, уже не представляли серьезной опасности. В условиях торжества в стране «революционного правосознания» и не менее революционной «законности», оппозиция была возможна только в сервильных формах, только при условии признания легитимности «революционного» порядка и «революционной» власти. Основная опасность для этого порядка и этой власти таилась в другом, в их собственной природе и ее политических проявлениях. Власти, призванной быть олицетворением нового порядка победившей

¹⁹³ Эта разрушительная по отношению к легитимному порядку, конституционализму и праву роль цветных революций была отмечена уже сравнительно давно. Применительно к Украине см., например, Мирзоев С. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». // *Портал Политру*. 03.03.2006. Доступ: <http://polit.ru/article/2006/03/03/mirzoev/> ; см. также Лэйн Д. Оранжевая революция: «Народная революция» или Революционный переворот? // *Полис. Политические исследования*. 2010. № 2. С. 31-53.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ... В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА...

национальной (в последовательно этноцентричном толковании этого термина) революции, требовалось не только утвердить соответствующий порядок в украинском медийном пространстве, что в целом было успешно сделано при поддержке западных СМИ, но и провести необходимую селекцию в самом украинском обществе. Требовалось разделить украинцев на «патриотов украинской нации» и «сомнительных», склонных к «сепаратизму» и всякого рода подрывным идеям вроде федерализации¹⁹⁴. Стратегический успех этой «революции» не мог быть гарантирован до тех пор, пока «сомнительные» не будут лишены не только эффективного политического представительства, но и мотивации участия в голосовании.

В значительной мере требуемый результат был достигнут и продемонстрирован в ходе голосования 26 октября 2014 г. Как показывают данные ЦИК Украины на момент сдачи текста в печать (03.11.2014), результаты основных политических сил, прошедших в Раду, следующие (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Партии, прошедшие в Верховную раду Украины

	Процент голосов, полученных при голосовании по партийному списку*	Количество депутатских мест...			Общий результат выборов, выраженный в доле депутатских мест в новой Раде, в %
		...полученных при голосовании по партийному списку	...полученных при голосовании в одномандатных округах**	Общее	
Блок Петра Порошенко	21.82%	63	69	132	31.21%
Народный фронт (А. Яценюк)	22.14%	64	18	82	19.39%
Самопомощь	10.97%	32	1	33	7.80%
Оппозиционный блок	9.42%	27	2	29	6.86%
Радикальная партия (О. Ляшко)	7.44%	22	0	22	5.20%
Батькивщина (Ю. Тимошенко)	5.68%	17	2	19	4.49%

Источник: Официальный сайт ЦИК Внеочередных выборов народных депутатов Украины (2014). Позачергові вибори народних депутатів України 26 жовтня 2014 року (данные на 03.11.2014).

* Доступ: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp300pt001f01=910.html>

% подсчитанных протоколов по Украине 99.92%.

** Доступ: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp039pt001f01=910.html>

% подсчитанных протоколов по Украине 99.91%.

¹⁹⁴ В известном смысле адептам украинской национальной революции и этнического принципа строительства украинской нации не повезло. Особенно в сравнении со странами Балтии, где изначально удалось провести такую селекцию и выделить большую часть «сомнительных» в категорию так называемых *неграждан*, лишенных значительной части общепризнанных гражданских прав. Это значительно упростило проведение этнически мотивированной политики в этих странах, фактически избавив их от необходимости поиска политических компромиссов в интересах формирования гражданской нации.

Правящая коалиция в новой Раде на этот момент еще не сформировалась, но сложившаяся после выборов ситуация явно не благоприятствует простым решениям. Казалось бы, самое простое решение – коалиция двух победителей, Блока Петра Порошенко (БПП) и Народного фронта (НФ), сразу обеспечивающая простое большинство в Раде (214 из 423 депутатов). Но договориться «победителям» очень сложно, даже о том, чья победа основательнее, НФ, ставшего победителем по партийному списку, или БПП, победившего «в общем зачете». Не говоря уже о том, что у их лидеров различные внешнеполитические ориентиры и различные представления о том, как осваивать ресурсы страны и какими приоритетами руководствоваться во внутренней политике. Если же эти два победителя не договорятся, то образовать господствующую коалицию с другими партиями им будет еще сложнее. Коалиция с Оппозиционным блоком (ОБ) для них невозможна «по идеологическим соображениям». А коалиция всех националистических партий без БПП собирает лишь 156 депутатских мест (36.88%). Остается вести кропотливую работу по привлечению депутатов-самовыдвиженцев или представителей мелких партий, победивших в одномандатных округах. Результаты здесь таковы: Всеукраинское объединение «Свобода» – 6 мест; Сильная Украина – 1; Партия «Воля» – 1; Всеукраинское аграрное объединение «Заступ» – 1; Правый сектор – 1; самовыдвиженцы – 96 (22,70%)¹⁹⁵. Иными словами, если не удастся создать коалицию победителей (БПП + НФ), то все решится в тяжелой борьбе за голоса самовыдвиженцев, при этом итоговая господствующая коалиция в Раде заведомо окажется неустойчивой, разрушающейся в зависимости от позиции фракционных групп, образуемых этими депутатами-самовыдвиженцами.

Впрочем, в целом налицо очевидный триумф «революционно-националистических» сил, получивших в итоге не менее 90% депутатских мест. При этом и оппозиция заняла свое символическое место в новой Раде, вполне в соответствии с интересами победителей, поскольку этим символическим присутствием в парламенте ее политическое значение и будет ограничено. По существу представительство в законодательном органе новой Украины иных интересов, кроме интересов национальной революции, отныне исключалось.

Но все это имеет отношение к очевидному и широко обсуждаемому результату прошедших выборов, выраженному итоговым партийно-политическим раскладом. Менее очевиден другой их результат, во многом шокирующий внимательного стороннего наблюдателя. Поразительные метаморфозы претерпела явка избирателей в ее региональном аспекте. Она со всей очевидностью выявила жесточайший прессинг, оказанный на избирателя, в зависимости от его прития или неприятия практики проводимых в течение всего прошедшего года революционных преобразований в украинском обществе. В итоге региональный срез дал резкую дифференциацию явки (от 70% в регионе, символизирующем эту революцию, до 33% в регионах, символизирующих ее решительное неприятие) (см. таблицу 2).

¹⁹⁵ Официальный сайт ЦИК Внеочередных выборов народных депутатов Украины (2014). Позачергові вибори народних депутатів України 26 жовтня 2014 року (данні на 03.11.2014). Процент подсчитанных протоколов по Украине 99.91%. Доступ: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp039pt001f01=910.html>

Таблица 2.

Явка по регионам Украины на 20.00 26.10.2014 по данным ЦИК
(список, ранжированный по убыванию)¹⁹⁶

Регион	% явки
Львовская область	70.00
Тернопольская область	68.28
Волынская область	64.85
Ивано-Франковская область	63.73
Хмельницкая область	60.21
Ровненская область	59.59
Винницкая область	58.08
Киевская область	57.24
Черниговская область	56.95
Житомирская область	56.67
Черкасская область	56.05
Киев	55.86
Сумская область	54.64
Полтавская область	54.53
Кировоградская область	53.72
Черновицкая область	48.47
Днепропетровская область	47.86
Запорожская область	47.19
Харьковская область	45.32
Закарпатская область	44.68
Николаевская область	42.80
Херсонская область	41.36
Одесская область	39.52
Луганская область	32.87
Донецкая область	32.40

Выявляющийся в таблице 2 тренд ярко характеризует сложившуюся в Украине политическую и электоральную ситуацию: мотивация участия (неучастия) в выборах жестко связана с симпатией (антипатией) к новым порядкам эпохи «национальной революции», а также определена тем обстоятельством, что спектр политических проектов, предлагаемых избирателю на электоральном рынке, существенно ограничен, односторонен и представлен преимущественно лишь правонационалистическим ее сегментом. Предлагаемый

¹⁹⁶ Источник: Официальный сайт ЦИК Внеочередных выборов народных депутатов Украины (2014). Доступ: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp084pt001f01=910.html>. Графическое представление результирующей картины регионального распределения явки см.: https://uk.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Voter_turnout_-_Ukraine_-_2014-10-26_20-00.svg

выбор устраивает приверженцев модели этнического национализма и негражданских отношений в обществе, а также конформистски настроенных избирателей, но лишает возможности реализовать свое гражданское право избирать и быть избранными тех, кто предпочитает федералистские отношения и гражданское равноправие и стремится отстоять свои культурные и языковые предпочтения перед лицом этнонационального диктата «революционного большинства». В результате распределение явки на прошедших выборах фактически характеризует эффект диктатуры революционного (этнически консолидированного) большинства¹⁹⁷.

Обратим внимание: явка на выборах закономерно снижается от Львова, через Волынь, Ровно и Винницу к Чернигову и Киеву, и далее – к Полтаве, Кировограду и Днепропетровску. Однако эту картину последовательного падения явки с Северо-Запада на Юго-Восток нарушают два ярких исключения: Черновицкая и Закарпатская области, значительную часть населения которых составляют национальные меньшинства (русины, венгры и пр.), реагирующие на этнонационалистический прессинг «большинства» быть может даже болезненнее, чем население юго-востока.

В целом «революция» 2014 г. вывела Украину на новый этап социокультурного, политического и цивилизационного раскола, когда, попирая базовые демократические принципы, «революционная власть», проводит последовательную политику «исключения», вытеснения, «поражения в правах» тех, кто не разделяет ее политических принципов. Судя по более чем двукратной разнице процента явки в западных и восточных регионах, колоссальная доля жителей последних (не менее половины) уже *de facto лишена возможности легального политического выбора* (большая часть другой половины жителей восточных регионов, например, Харьковской области, поддержала кандидатов Оппозиционного блока¹⁹⁸). Масштабы такого принудительного лишения возможности политического выбора таковы, что для того чтобы сохранять и впредь свои властные позиции олигархически-националистической республике придется и в дальнейшем ужесточать этот своего рода «избирательный ценз»¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Здесь необходимо сделать принципиально важное пояснение. Хорошо известно, пусть в определенном смысле и парадоксально, что значительная часть, если не большинство, вождей этой этнонациональной революции не являются этническими украинцами. Но это для всякой революции скорее норма, чем исключение. Достаточно вспомнить, что в российской пролетарско-крестьянской революции начала XX в. процент вождей крестьянского или пролетарского происхождения был и того меньше.

¹⁹⁸ См. Официальный сайт ЦИК Внеочередных выборов народных депутатов Украины (2014). Доступ: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vnd2014/wp005pt001f01=910.html>

¹⁹⁹ В этом отношении стоит отметить позицию отдельных представителей современной российской либеральной мысли. Так, А. Илларионов, бывший советник Президента РФ, торжествует по поводу того, что украинские «революционеры» овладели электоральным большинством, но «по принципиальным соображениям» закрывает глаза на цену и социальные издержки этой «победы», в том числе и на то, что как минимум четверть украинских граждан оказалась в итоге лишена права свободного политического выбора, принуждена «не голосовать» (см. Илларионов А. Главный результат украинских парламентских выборов. // Блог «Обозреватель». 03.11.2014. Доступ: <http://obozrevatel.com/blogs/85076-glavnyiy-rezultat-ukrainskih-parlamentskih-vyiborov.htm>).

Резюмируя анализ партийно-политического и электорального среза украинской «революции», приходится констатировать прогрессирующий коллапс представительной демократии в Украине. Возможности эволюционного продвижения к консолидированной демократии, освоения политических практик компромисса, конституционализма, политического плюрализма и уважения прав меньшинства были *сознательно и цинично отвергнуты* украинскими элитами и значительной частью украинского общества, теми, кто предпочел отождествить себя с новым этнонационалистическим большинством. Институты и формализованные процедуры представительной демократии были использованы вопреки духу демократического политического процесса, стали составной частью общеукраинского механизма политических репрессий против инакомыслящих. Но основные социальные издержки того выбора, что сделало украинское общество, *предпочтя эволюции революцию*, еще впереди.

Глобальная геополитическая дестабилизация и перспективы постсоветских трансформаций

С 2013 г., в соответствии с разрабатываемой нами совместно с В.И. Пантиним моделью эволюционных циклов международной экономической и политической системы²⁰⁰, мир вошел в завершающую часть фазы великих потрясений, характеризующуюся обострением и нарастанием числа внутренних социально-политических и международных конфликтов. Именно в этот период пресловутая «дуга нестабильности» все же коснулась, а затем и обрушилась со всей силой на постсоветское пространство, вобрав в себя Украину, страну, посредующую важнейшие коммуникации, как материальные, так и ценностные, социокультурные, идентификационные, между Россией и Евросоюзом.

Дестабилизирующий эффект произошедшего за последний год колоссален и вряд ли поддается спешной оценке. Его последствия, как уже ясно, изменят привычные контуры, нормы и конвенции современной политики, а характер преодоления этих последствий во многом определит пути выхода из сложившейся кризисной ситуации, решающим образом повлияет на формирование будущего миропорядка, того, что сложится по завершении текущего периода глобальной рецессии и «геополитической анархии».

Россия и все постсоветское пространство (пространство бывшей Российской империи, расточившей себя в 1917 г.) сегодня объективно оказались на пути США (и Запада в их лице) к глобальному доминированию. Длительное, в течение четверти века, отступление России не помогло, не уберегло ее от этого фатального столкновения. В критический момент очередной фазы великих потрясений, Запад, похоже, готов пойти ва-банк, поскольку его ресурсные возможности истощаются и оставлять пресловутый «русский вопрос» неразрешенным уже нет возможности. Альтернативное же решение, предполагающее форсированную поддержку процесса полноценной интеграции России в мировое рыночное и политико-институциональное сообщество современных государств, неприемлемо для Запада ввиду непредсказуемых последствий такой интеграции при сохраняющемся

²⁰⁰ См. Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине века*. Дубна: Феникс+. 2006. С. 314-326.

внутриполитическом субъектном потенциале российского государства. С этой точки зрения баланс сил в Евразии требует пересмотра и Запад готов многим рискнуть, чтобы добиться необходимых ему изменений этого баланса.

В решении этой, на сегодняшний день, возможно, самой неотложной для Запада задачи, ключевым инструментом внутриполитического воздействия на государства постсоветского региона оказываются *революции*, инициированные прозападно ориентированными элитами этих государств. Именно революции, т.е. организованные насильственные действия, направленные на прерывание эволюционного процесса формирования государственности и гражданской нации, стали ответом Запада на риски, связанные для него с активизацией процессов политической и экономической реконсолидации на постсоветском пространстве и превращением лидера этих реинтеграционных процессов – России – в реального геополитического соперника Западу.

Отметим особо, что практически все цветные революции, даже попытка инициировать таковую в России, делали и продолжают делать ставку на использование националистического ресурса массовой мобилизации. В то время как для практически всех государств на постсоветском пространстве его использование гарантированно приводит (и многочисленные кровавые конфликты на этнонациональной почве тому свидетельство) к глубокой дестабилизации соответствующих обществ, формирует потоки беженцев, разрушительно сказывается на процессах их экономического и политического развития. Дело в том, что для этих государств и этих обществ, возникших при распаде СССР, ввиду их многонациональной природы, обусловленной способом их порождения, неразрушительным представляется лишь вариант гражданской нации, все прочие пути нациестроительства гарантированно ведут в перспективе к социальной катастрофы и распаду государства. Но революции на постсоветском пространстве раз за разом инициируют националистическую истерию и рвут тонкую ткань гражданских отношений и гражданской политической культуры в этих обществах, сеют межнациональную рознь и взаимное недоверие.

Драматический опыт украинских событий 2014 г., как никакой другой, контрастно высветил колоссальные риски и угрозы, сопряженные с «революционным» ответом на вызовы современного (кризисного) развития. У России еще сохраняется шанс усвоить уроки происходящего и попытаться уклониться от того катастрофического пути, на который ее подталкивают западные «доброжелатели». Хотелось бы рассчитывать на то, что свой лимит революций Россия уже исчерпала, а этнонациональный соблазн как не мог прежде, так и в будущем не сможет стать роковым для нее соблазном.

**УКРАИНА:
ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ****Пантин В.И.****Внутренние причины украинских кризисов**

Несмотря на ярко выраженный динамизм украинской политической ситуации и многообразные эмоции, которые она порождает, представляется, что ее можно и нужно анализировать по возможности объективно, взвешенно, с разных сторон и без идеологической ангажированности. Такой анализ необходим прежде всего для того, чтобы разработать научно обоснованный прогноз развития ситуации на Украине и дать необходимые рекомендации российским политическим партиям, общественным движениям и органам государственной власти. Пока что российское общество и государство в основном реагируют на уже свершившиеся украинские события, часто не понимая, откуда они происходят и куда ведут. Более того, и среди рядовых российских граждан, и среди государственных чиновников по-прежнему широко распространено мнение, что украинские события всерьез не затронут Россию, что все уляжется само собой и что украинский кризис не ставит вплотную вопрос о необходимости серьезных изменений российской политики, идеологии, экономики и культуры. А между тем дело обстоит именно так, необходимость серьезных изменений назрела, и если Россия своевременно и адекватно не ответит на украинский вызов, она рискует попасть в ловушку, связанную с серьезными изменениями международной ситуации.

Говоря кратко, эта ловушка состоит в том, что приход к власти в Украине радикально настроенных антироссийских политических сил угрожает национальным интересам и безопасности России. Разрыв тесных экономических и политических связей, долгое время существовавших между Украиной и Россией, втягивание Украины в НАТО, формирование широкой антироссийской коалиции, создание внутри России атмосферы всеобщего недовольства и хаоса с целью свержения законно избранной власти, – все это в итоге может привести не к демократии и экономической модернизации, а к распаду России на несколько слабых государств. Иными словами, может произойти «балканизация» территории Украины и России, как в свое время это произошло в Югославии. Правда, в случае с Россией последствия могут быть гораздо более тяжелыми.

Следует отметить, что глубокий кризис на территории Украины и конфронтация между Украиной и Россией прогнозировались нами задолго до 2014 г.²⁰¹ Эти прогнозы были основаны как на констатации глубокого социокультурного и политического расколе внутри украинского общества, а также политической безответственности украинских элит и украинских олигархов, так и на учете циклов эволюции мировой политической и экономической системы, согласно которым период 2013 – 2017 гг. должен ознаменоваться резким обострением внутренних и международных конфликтов, противостоянием между Западом и Россией. Экономический, политический и социокультурный

²⁰¹ Лапкин В.В., Пантин В.И. Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе. // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 2. С. 102-105; Пантин В.И. Мировые циклы и перспективы России в первой половине XXI века: основные вызовы и возможные ответы. Дубна: Феникс+. 2009. С. 186-188.

кризис на территории Украины, усугубленный последствиями глобального финансового и экономического кризиса 2008 – 2009 гг., привел в итоге к тому, что к власти пришли антироссийски настроенные националистические силы, а сама Украина превратилась в арену острого внутри и внешнеполитического противостояния. Кроме того украинский политический кризис отозвался на всей международной политике, в частности, он дал США дополнительные рычаги для усиления американского влияния в Европе, создания трансатлантического экономического альянса, в очередной раз гальванизировал НАТО и обозначил военную угрозу со стороны США Китаю.

Драматические и во многом трагические события, которые разворачиваются на территории Украины с начала 2014 г., разумеется, далеко не случайны. Они вызревали на протяжении всего постсоветского периода, но особую остроту им придали как радикальный внутриполитический раскол и резкая социально-политическая поляризация внутри украинского общества, так и внешнее вмешательство в дела Украины. В результате украинское общество и государство буквально были взорваны, и последствия этого взрыва будут ощущаться еще очень долго, причем не только в самой Украине, но и далеко за ее пределами. Фактически нынешний украинский кризис, начавшийся в конце 2013 – начале 2014 г., стал важным фактором, усилившим конфронтацию в Европе и в мире между западными странами и Россией.

В то же время необходимо иметь в виду, что нынешний (2014 г.) политический кризис на территории Украины отнюдь не первый и не последний. Даже если оставить в стороне политические кризисы на Украине в XX в., включая кровопролитную гражданскую войну 1918 – 1920 гг., оккупацию Украины гитлеровскими войсками и бандеровщину, продолжавшуюся вплоть до конца 1950-х гг., уже в XXI в. ставшая независимой Украина пережила глубокий политический кризис в конце 2004 г. (так называемая «оранжевая революция»), борьбу олигархов за власть и собственность в 2004 – 2013 гг. и, наконец, государственный переворот в феврале 2014 г., который привел к новому гражданскому противостоянию и гражданской войне. Однако и этот острейший политический кризис на территории Украины, судя по всему, не является последним. Новый политический кризис можно прогнозировать уже в конце 2014 – начале 2015 г., когда Украина прямо столкнется с тяжелейшими финансовыми и социально-экономическими последствиями происходящей войны, разрушениями экономической и социальной инфраструктуры на востоке страны и с масштабными долговыми обязательствами как перед собственным населением, так и перед другими государствами. В этот период возможен и новый (третий по счету «майдан»), и другие формы социально-политического протеста, сопровождаемые очередными разборками между украинскими олигархами. Но и этот политический кризис, скорее всего, будет далеко не последним. В перспективе новые политические кризисы на территории Украины могут возникнуть в 2016 – 2018 гг. в результате того, что украинская экономика именно в это время в полной мере ощутит последствия ассоциации с Европейским союзом, включая резкое падение уровня жизни большинства населения, закрытие многих предприятий, массовую безработицу, стихийные социальные и политические протесты.

Объясняется эта череда прошедших, настоящих и будущих политических кризисов на территории Украины общей несостоятельностью (или

неразвитостью) украинской государственности, во многом связанной с политическим инфантилизмом и утопизмом массовых групп украинского общества, с их полным отчуждением от распределения финансовых и экономических ресурсов, а также с кланово-олигархической организацией нынешней украинской политической и экономической элиты. В отличие от России, Белоруссии, Казахстана и других постсоветских государств, где олигархи, как правило, лишены непосредственного доступа к политике и где доминируют более или менее выраженные персоналистские режимы²⁰², украинские олигархи прямо и непосредственно участвуют в политике, контролируют политические партии, местные и центральные органы власти, определяют информационную политику ведущих телеканалов и активно борются друг с другом не только за экономическое влияние, но и за политическую власть в государстве. В итоге временные союзы против общего противника быстро распадаются, и бывшие «соратники по борьбе» начинают активно враждовать друг с другом, устраивая очередной передел собственности и власти и не гнушаясь при этом никакими средствами.

К этому нужно добавить, что основные органы государственной власти на Украине (Верховная Рада, прокуратура, суд, силовые структуры, местные органы власти) лишены реальной самостоятельности и независимости и, по сути, являются добычей тех или иных олигархов и кланов, контролирующих государство. Именно с этим связаны такие многочисленные развороты украинской Фемиды то в одну, то в другую сторону. Сначала, как это было в конце 2004 г., украинская Фемида действовала на стороне В. Ющенко и Ю. Тимошенко против В. Януковича, создав неслыханный в мировой практике прецедент «третьего тура» президентских выборов. Затем, когда Янукович стал президентом, столь же легко была осуждена Ю. Тимошенко, отбывавшая срок наказания по достаточно надуманному обвинению. После очередного майдана в феврале 2014 г. Ю. Тимошенко была освобождена и оправдана, а В. Янукович подвергся преследованиям и вынужден был бежать из страны. После переворота в феврале 2014 г. и прихода к власти радикально-националистических и одновременно радикально-прозападных («роевропейских») политических сил ситуация с несамостоятельностью органов государственной власти не только не улучшилась, но, напротив, еще больше усугубилась.

Несмотря на все лозунги типа «Украина – це Европа», украинское государство продолжает быть не только несовременным, нецивилизованным, но и несостоявшимся, нелегитимным в глазах значительной части собственного населения. Об этом, в частности, говорят данные всеукраинского (за исключением ряда территорий Донецкой и Луганской областей) опроса, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Украины в июле 2014 г. На вопрос, как респонденты оценивают политическую ситуацию на Украине, благополучной ее назвали только 0,2%, спокойной – чуть менее 2% (эти цифры находятся в рамках статистической погрешности и, в сущности, близки к нулю). Напряженной ситуацию в стране назвали более 40%

²⁰² Краснов М. *Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа*. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2006; Лапкин В.В. Политический контекст президентских выборов в Украине (К анализу политических рисков на постсоветском пространстве). // *Россия и новые государства Евразии*. 2010. № 1.

опрошенных, критической и взрывоопасной – более половины респондентов. Опрос также показал, что на Украине существует высокий уровень недоверия к основным политическим и экономическим институтам страны. Около 70% населения не доверяли прокуратуре, почти столько же – милиции и судам; президенту не доверяли около 35% украинцев и около половины из них не доверяли украинским СМИ. Неудивительно, что уверенности в собственном будущем не хватало более чем 60% опрошенных и лишь около 20% жителей Украины верили, что в ближайший год условия жизни в стране улучшатся²⁰³.

Впрочем, и без социологических опросов очевидно, что Украина переживает критический период своей истории, когда основные черты украинского массового сознания, препятствующие формированию прочной государственности (в том числе недоверие к любым органам власти, стихийный анархизм, махновщина, «местечковое мышление»), дают о себе знать в полной мере. Это создает благоприятные условия для раздела украинского государства между различными олигархическими кланами, для разгула преступности, коррупции и бандитизма. В подобной ситуации говорить о реальном демократическом развитии Украины и о ее европейском выборе пока что довольно трудно.

Социокультурный раскол и политический инфантилизм

В то же время внутренние причины политических кризисов на территории Украины гораздо глубже, чем бесцеремонная и беспощадная (прежде всего по отношению к собственному населению, в полном соответствии с пословицей «паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат») борьба олигархов за власть, безграничная коррупция украинских чиновников и несостоятельность государственной власти. Решающую и во многом роковую роль здесь играют исторически возникший социокультурный и политический раскол населения Украины (подробно об истории возникновения этого расколе речь идет в первом разделе настоящего сборника), а также политическая неразвитость, *политический инфантилизм и политический утопизм* масс украинского населения, включая прежде всего молодежь и киевско-львовскую интеллигенцию²⁰⁴. Этот политический инфантилизм и утопизм особенно ярко проявились во время второго майдана в ноябре 2013 – феврале 2014 г., когда массы людей, вышедшие на улицы Киева, были твердо уверены, что они борются против «невыносимой коррупции, клановости и олигархии» режима В. Януковича и за «европейский выбор» Украины, не замечая, что ими ловко и цинично манипулируют другие олигархи, радикальные националисты, а также некоторые западные политики. В результате к власти пришли новые, еще более хищные и беспощадные олигархи, которые планомерно «зачищают» страну и физически уничтожают тех, кто с ними не согласен. Между тем коррупция и клановость никуда не делись, они лишь приняли новые формы, оправдываемые «борьбой с сепаратистами» и «агрессией со стороны России». Политический инфантилизм

²⁰³ Опрос: более половины украинцев считают ситуацию в стране критической. Доступ: http://ria.ru/world/20140918/1024628909.html?utm_source=1634508&utm_medium=banner&utm_content=3546189&utm_campaign=466842#14112155054094&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration#ixzz3DrFJxF2g.

²⁰⁴ Оленев И. С чего начинается Родина, // *Взгляд*. 26.07.2014. Доступ: <http://vz.ru/club/2014/7/26/696751.html>.

и политический утопизм, о которых идет речь, проявляется во всем: и в непонимании украинской элитой и массами действительных национальных интересов Украины, и в широко распространенных представлениях о том, что в Европе ждут не дождутся украинцев, и в тиражировании «образа врага» в лице России, и в слепой вере в «сладкую жизнь», которую будет вести Украина, если вступит в ЕС (который, кстати говоря, не собирается в обозримом будущем принимать Украину в свои члены). Расплата за этот опаснейший утопизм и губительный инфантилизм – гражданская война, террор, гибель многих тысяч людей, резкое падение жизненного уровня большинства населения, фактическое банкротство Украины как государства с перспективой дальнейшего распада и полной утратой ею политической и экономической самостоятельности.

Таким образом, сегодняшняя Украина продемонстрировала, с какой легкостью в центре Европы, манипулируя сознанием миллионов людей, можно устроить антиконституционный переворот, бойню, в которой погибло немало сторонников и противников «майдана», террор, гражданскую войну с элементами геноцида, глубокий социальный и экономический кризис. Однако украинский кризис – это еще и наглядный урок для России, которая также находится в достаточно сложном экономическом и социально-политическом положении. Нынешний украинский кризис – это предостережение для России: в случае внутренних социальных катаклизмов и политического инфантилизма населения российская ситуация может оказаться еще более тяжелой, чем на территории Украины, она способна повлечь за собой еще более трагические последствия вплоть до распада огромной, начиненной обычным и ядерным оружием страны, последующей гражданской войны, страданий и гибели многих тысяч и миллионов людей. Именно от зрелости всего российского общества, от его способности учиться на украинских событиях, трезво оценивать внутреннюю и международную ситуацию, преодолевая политический инфантилизм и утопизм, а также от действий российской власти во многом будет зависеть судьба России, а учитывая роль, которую Россия играет в мире, и судьба многих других стран.

К сожалению, отдельные группы российского общества (прежде всего часть молодежи и отдельные радикально настроенные ультралибералы) также несвободны от политического инфантилизма и утопизма (подчеркнем, что в сегодняшней России присутствуют и трезво мыслящие либералы, и их нужно отличать от чрезмерно идеологизированных ультралибералов). Представления о том, что Россия любой ценой, не считаясь с собственной историей, культурой, массовым сознанием и доминирующими ценностями, должна стать Европой и только Европой, достаточно распространены, особенно в Москве и в Санкт-Петербурге. При этом, однако, полностью игнорируются как национальные интересы России, связанные с ее промежуточным геополитическим положением между Западом и Востоком, так и интересы широких слоев российского населения, ориентирующихся, как показывают многочисленные массовые опросы, преимущественно на постепенную, плавную трансформацию отечественной традиции²⁰⁵. Более того, быстрое превращение России в

²⁰⁵ См., напр.: *Россия реформирующаяся. Ежегодник (отв. ред. М.К. Горшков)*. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН. 2008; Козырева П.М., Смирнов А.И. Сдвиги в общественной жизни и проблема поддержки демократии в России. // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 5. С. 27-40.

«правильную Европу» невыгодно и нежелательно и для самой Европы, так как многие страны ЕС (прежде всего Польша, Литва, Латвия и Эстония) категорически не заинтересованы в том, чтобы Россия стала его членом. Поэтому стремление как можно быстрее «из России сделать Европу» в условиях, когда российское общество к этому не готово, а центр мирового экономического и политического развития стремительно перемещается в Азию, в Тихоокеанский регион, иначе как политическим инфантилизмом и утопизмом назвать нельзя. Этот политический инфантилизм далеко не безобиден, он прямо ведет к крупным потрясениям со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая перспективу распада огромной страны, начиненной обычным и ядерным оружием. Поэтому в настоящее время очень важно формировать реалистическое понимание российской и международной ситуации не только у специалистов и экспертов, но и у широких слоев населения России.

Внешнеполитические факторы украинских кризисов

Помимо внутривнутриполитических причин, заметную роль в возникновении украинских кризисов играют также внешнеполитические факторы. Украина после распада СССР в 1991 г. и обретения политической самостоятельности, оказалась между Западом (Евросоюзом и США) и Россией. Экономически Украина была тесно связана с Россией, но постепенно украинские элиты стали все больше ориентироваться на Европу и все меньше на Россию. Между тем российское руководство и в 1990-е, и в 2000-е гг. переоценило значение российско-украинских экономических связей и явно недооценило изменение политической ориентации большей части украинской элиты с Востока на Запад. Недооценило российское руководство, включая послов России на Украине В. Черномырдина и М. Зурабова, и активную идеологическую работу, которую на протяжении последних 23 лет постоянно вели среди украинского населения западные фонды и неправительственные организации. В отличие от западных стран, Россия, напротив, в идеологическом и политическом плане вела себя достаточно пассивно, отдав на откуп украинским националистам не только украинскую, но и российскую (включая советский период) историю, всерьез не работала ни с украинской интеллигенцией, ни с украинскими политиками, ни с широкими слоями населения Украины. В итоге Украина стала преподносить России сюрприз за сюрпризом, к которым Россия постоянно оказывалась неготовой и реагировала с большим опозданием. Последним и наиболее серьезным, во многом решающим стал вопрос о присоединении Украины либо к Таможенному союзу, либо к ЕС.

Неслучайно острейший кризис в украинском обществе, который начался в конце 2013 г. и который в итоге привел к антиконституционному государственному перевороту, первоначально был связан с вопросом об ассоциации Украины с ЕС, а именно с отказом президента В. Януковича немедленно подписать договор об ассоциации (при этом Янукович вовсе не отказывался подписать этот договор, он лишь отложил его подписание из-за явно невыгодных для украинской экономики последствий скоропалительного открытия украинских рынков для товаров из ЕС). Но именно после этого момента США и страны ЕС задействовали все возможные рычаги своего влияния и прямо способствовали перевороту в Киеве. После государственного переворота и прихода к власти П. Порошенко были подписаны сначала политическая, а затем и экономическая часть соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Трагический

юмор ситуации состоит в том, что и Порошенко, подписавшему договор об ассоциации с ЕС, пришлось отложить реальное его вступление в действие до начала 2016 г. В итоге Порошенко проделал то же самое, что и негодный Западу Янукович, но то, что сделал Порошенко, не простили Януковичу.

При этом некоторые политически ангажированные украинские и российские эксперты нередко трактуют ассоциацию Украины с ЕС как некое «возвращение Украины в Европу» после того, как Украина была отделена от Европы в результате монгольского завоевания в XIII в.²⁰⁶. Однако подобные представления не соответствуют ни истории, ни современной реальности. Во-первых, в XIII в. не было никакой Украины, а была раздробленная на множество отдельных княжеств бывшая Киевская Русь. Единственное из русских княжеств, которое подчинилось западноевропейскому влиянию – Галицко-Волынское княжество в результате не получило ни экономического процветания, ни политической самостоятельности. Галиция стала подчиненной частью, окраиной сначала Речи Посполитой, затем Австрии. Элементы украинской государственности впервые начали формироваться только в советский период, а до этого контроль над этой территорией оспаривали Польша, Литва и Крымский хан, которым противостояли Запорожская Сечь, «вольное» казачество, Гуляйполе, не помышлявшие ни о какой государственности.

Во-вторых, ассоциация Украины с ЕС вовсе не означает вступления Украины в ЕС и не обещает каких-то значимых экономических и политических преимуществ для Украины. Зато она означает разрыв тесных, складывавшихся десятилетиями и веками экономических связей Украины с Россией и фактическую потерю Украиной своей независимости и суверенитета. Если в этом была цель государственного переворота в феврале 2014 г., то эта цель реализована, но никаких особых выгод Украине это не принесет. Напротив, нетрудно предвидеть, что Украина будет двигаться от одного кризиса к другому, причем эти кризисы будут сопровождаться многочисленными человеческими жертвами. В целом же крупнейшее после России постсоветское государство демонстрирует свою полную неспособность соответствовать европейским нормам и стандартам, и это, вкупе со стремлением нынешнего украинского руководства любой ценой «войти в Европу», может привести к разрушению общества и государства, к «войне всех против всех».

В-третьих, экономическое положение Украины и благосостояние ее населения в действительности очень мало волнуют и украинских олигархов, и украинских политиков, и тем более лидеров западных стран. В геополитическом плане Украина выступает в качестве орудия, направленного против России, а последствия сопряженных с этим конфликтов и потрясений, судьба украинцев, русских и представителей других национальностей, проживающих на Украине, на деле беспокоят, пожалуй, только Россию и ее граждан, связанных многочисленными узами с людьми, живущими на территории Украины. Поэтому говорить о некоем «возвращении» Украины в Европу представляется неуместным и нелепым – просто потому, что по-настоящему в Европе Украину никто не ждет. Падение ВВП Украины в 2014 г. более чем на 10%, многочисленные жертвы и разрушения на востоке Украины, матери, оплакивающие своих погибших сыновей

²⁰⁶ Иноземцев В. Украина в Европе выиграет много больше, чем потеряет в России. // *РБК daily*. 27.06.2014. Доступ: <http://rbcdaily.ru/politics/opinion/562949991794747>.

в центре и на западе Украины, наконец, фактическое финансовое банкротство Украины и потеря ею своей экономической и политической самостоятельности, – все это лишь малая часть той цены, которую Украине придется заплатить за свою «европеизацию». Тем не менее, «украинская карта» активно разыгрывается Европейским союзом и Соединенными Штатами; однако последствия такой игры в итоге могут оказаться плачевными не только для населения Украины или России, но отчасти и для западных государств. Дело в том, что финансовая и экономическая помощь Украине ляжет тяжким бременем на население западных стран, иммигранты из Украины создадут тяжелое положение на европейском рынке труда, а ухудшение отношений с Россией дополнительно дестабилизирует экономическое положение стран ЕС. Политический же выигрыш от прозападной ориентации Украины может в итоге оказаться эфемерным.

Перспективы развития политической ситуации на территории Украины: основные сценарии

Кризисная политическая и экономическая ситуации на территории Украины развивается и будет развиваться в ближайшие месяцы и годы весьма бурно и динамично. При этом значительную роль будут играть как внутривнутриполитические процессы, так и внешнеполитическое вмешательство в дела Украины со стороны США, стран ЕС, а также позиция и действия России. Что касается внутривнутриполитических процессов, то они во многом будут определяться неизбежными последствиями «майданной» революции, которая произошла в Киеве в феврале 2014 г. и которую вполне можно рассматривать как государственный переворот. Эти последствия состоят в неизбежной радикализации всего политического процесса, постоянной борьбе олигархов друг с другом, нарастании кризисных явлений во всех областях жизни украинского общества и государства, постоянном поиске внешнего врага в лице России и, наконец, в новых политических переворотах, репрессиях, военных действиях и кровавых столкновениях. Иными словами, можно прогнозировать, что политику Киева будут определять все более радикальные политические силы ультранационалистического и пронацистского толка, а все несогласные, в том числе оппозиция в лице Коммунистической партии и Партии регионов, будут жестоко преследоваться. В итоге политический режим приобретет ярко выраженные недемократические, тоталитарные черты с элементами террора и непрерывным поиском врагов для оправдания своей неспособности решить ключевые социальные и экономические проблемы Украины. Все это является платой за политический инфантилизм большинства украинского населения, о котором речь шла выше, за неумение и нежелание украинской элиты и масс построить работоспособную политическую систему.

Что касается внешнеполитических процессов, то в ближайшие годы обострение отношений между западными странами и Россией будет оказывать значительное, если не решающее, воздействие на развитие политической и экономической ситуации на территории Украины. В экономическом плане Украина полностью зависит от кредитов МВФ и от политики ЕС по отношению к Украине. В военно-политическом плане Украина полностью зависит от США и от стран ЕС, от поставок военного снаряжения и отчасти оружия из этих стран, а также от их политической поддержки. В то же время Россия, если она не станет пассивным зрителем происходящих у ее границ опасных процессов, объективно

будет вынуждена проводить жесткую экономическую политику в отношении Украины, не желающей платить за поставки российского газа и разорвавшей все производственные связи между российскими и украинскими предприятиями. Кроме того Россия крайне не заинтересована во вступлении Украины в НАТО или в тесной военно-политической кооперации Украины с Западом, поскольку это будет непосредственно угрожать ее безопасности и национальным интересам. Если российская политическая элита перестанет питать иллюзии в отношении «договороспособности» нынешнего киевского режима и задействует все рычаги экономического, политического и военного давления на Киев, то у России появятся реальные шансы изменить внутриукраинскую политическую ситуацию в свою пользу. Если же Россия будет проводить вялую, двусмысленную политику в отношении Украины и надеяться на договоренности с киевским режимом, она наверняка проиграет не только Украину, но и поставит под удар свои собственные, жизненно важные национальные интересы.

Можно наметить несколько основных, наиболее вероятных сценариев развития политической ситуации на территории Украины. Первый сценарий предполагает относительную и временную стабилизацию режима П. Порошенко за счет кредитов МВФ и Всемирного банка, а также экономической, политической и военной помощи со стороны США, Канады, Польши, Германии и ряда других западных стран. В этом случае вероятно длительная (на протяжении многих месяцев или лет) вялотекущая война украинских войск на территории непризнанных Донецкой и Луганской народных республик, частичная модернизация украинской армии с помощью стран НАТО, а также периодическое обострение отношений между Украиной и Россией, несмотря на все попытки российского руководства договориться с Украиной и перевести внутриукраинский конфликт в мирное русло. Реального мира на юго-востоке Украины не будет из-за доминирования на Украине «партии войны», к которой, пусть с некоторыми оговорками, принадлежит и сам Порошенко, но будут периоды перемирия и длительная война на истощение. Экономическое положение Украины будет заметно ухудшаться, социально-политические конфликты в украинском обществе и грызня за власть между украинскими олигархами будут усиливаться, но не столь стремительно, как в случае второго сценария.

Второй сценарий, напротив, основывается на том, что уже в 2015 г. произойдет резкая дестабилизация режима Порошенко, что приведет к новому перевороту и приходу к власти наиболее радикальных националистических сил. В этом случае новая вспышка гражданской войны на территории Украины станет неизбежной, причем рано или поздно воевать будут «все со всеми». Экономическая и социальная ситуация на территории Украины станет катастрофической, но это не остановит «партию войны», а напротив, усилит ее, поскольку все неудачи, просчеты и катастрофы будут списываться на военное противостояние с Россией и пророссийскими силами на юго-востоке Украины. Возможна также прямая военная конфронтация между Украиной и Россией, включая войну из-за Крыма, которая таит опасность масштабного военного вмешательства США и других стран НАТО. Объективно этот сценарий и для Украины, и для России является гораздо более разрушительным, чем первый, хотя и первый сценарий далек от позитивного развития событий. Однако, если выбирать между плохим и наихудшим (а именно такой выбор представляется наиболее вероятным), то для России предпочтительным, конечно, является первый сценарий.

Теоретически возможен и третий сценарий, хотя его вероятность гораздо меньше, чем вероятность первого и второго. Он состоит в том, что к власти в Украине после ряда политических и экономических потрясений придут более умеренные и более «договороспособные» политические силы. Однако пока что такие силы в Украине или являются маргинальными, ошельмованными национал-радикалами, или не просматриваются вовсе. Очевидно, что «Партия регионов» в ее прежнем виде возродиться не может, а другие политические партии и движения, выступающие за более сбалансированный курс, пока что не пользуются влиянием в украинском обществе. В связи с этим рассматриваемый третий, наиболее благоприятный и для Украины, и для России, и для Европейского союза сценарий в настоящее время остается в основном умозрительным. Можно полагать, однако, что так будет не всегда и что через более или менее значительный период времени ситуация существенно изменится, сделав возможной частичную нормализацию российско-украинских отношений.

Перспективы российско-украинских отношений в период 2014 – 2020 гг.

Очевидно, что период 2014 – 2020 гг. при любом развитии событий будет насыщен многочисленными важными событиями и поворотами в российско-украинских отношениях. Это следует не только из анализа эмпирических фактов и наблюдаемых тенденций, но и из прогнозов, вытекающих из теоретической концепции эволюционных циклов в экономике и политике, которая показала свой значительный прогностический потенциал²⁰⁷. Согласно этим прогнозам, в период до 2020 г. на постсоветском пространстве, прежде всего на территории Украины, усилится политическая нестабильность, которая будет вызвана серьезными социальными и экономическими потрясениями. В силу этого рассчитывать на полноценное восстановление сотрудничества и добрососедских отношений между Россией и Украиной и тем более на развитие российско-украинской интеграции в ближайшие годы не приходится. Более того, в ближайшее время не исключены прямые военно-политические конфликты между Украиной и Россией из-за Крыма, а также из-за других спорных вопросов.

В то же время в период до 2020 г. российско-украинские отношения будут развиваться противоречиво, испытывая целый ряд резких колебаний, провалов и относительных подъемов. Несмотря на весь радикализм и сугубо «европейскую» (на деле прозападную) ориентацию нынешнего украинского руководства, эта односторонняя ориентация неизбежно будет приводить к экономическим и политическим кризисам и потрясениям. Так, в ближайшие годы Украина не сможет заместить поставки газа и других энергоносителей из России поставками из других стран. Кроме того Украина, потеряв российские рынки сбыта своей машиностроительной, сельскохозяйственной и другой продукции, в течение ближайших нескольких лет не сможет заменить их новыми рынками. В результате этого в Украине будут закрываться многие промышленные и другие предприятия,

²⁰⁷ Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине века*. Дубна: Феникс+. 2006; Акаев А.А., Садовничий В.А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой системы и России. // *Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики (отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий)*. М.: URSS, ЛКИ. 2010.

будут расти цены, заметно увеличится безработица, что приведет к новому витку социальной напряженности в украинском обществе, но одновременно будет способствовать некоторому отрезвлению украинского населения, частичному (но далеко не полному) уменьшению влияния радикалов на украинскую власть и украинскую политику. Конечно, под влиянием пропаганды, усиленно внушающей населению Украины, что война идет с Россией и что Россия – главный враг Украины, военная истерия и националистический угар еще долго будут доминировать в сознании большей части украинского общества. Вместе с тем реальные плоды этой истерии и этого угара постепенно (хотя медленно и непоследовательно) будут осознаваться как рядовыми украинскими гражданами, так и украинской политической элитой. Поэтому после некоторого периода почти полного разрушения российско-украинских экономических, политических и культурных связей, который, скорее всего, продлится до середины – конца 2015 г., Украина будет вынуждена перейти к частичному восстановлению отношений с Россией, хотя и в новом формате.

Каков будет этот новый формат, сейчас сказать трудно. По-видимому, несмотря на все попытки Украины избавиться от поставок газа из России, эти попытки окончатся неудачей. Поставки сланцевого газа из США и Канады будут в ближайшие годы достаточно дороги, а разработка месторождений сланцевого газа в Донбассе и других регионах Юго-Востока Украины столкнется с явным или скрытым сопротивлением местного населения. Поэтому некоторое восстановление сотрудничества между Россией и Украиной в сфере поставок российского газа, а также в других сферах, скорее всего, произойдет, хотя это сотрудничество не будет столь тесным и важным для обеих стран, как это было в период до 2014 г.

Главная проблема украинского общества и одновременно главная проблема российско-украинских отношений в ближайшие годы и десятилетия состоит в широком распространении среди украинского населения, особенно среди молодежи радикально-националистической идеологии, искаженного восприятия истории и современности. Изменить такое искаженное восприятие действительности весьма и весьма сложно: только всеобщее разочарование в результатах «майданной революции» может существенно повлиять на ситуацию. Эту принципиально важную и трудно разрешимую в ближайшее время проблему необходимо видеть и учитывать российским политическим и государственным деятелям, российским политическим партиям, органам власти и экспертам.

Итак, хотя в настоящее время и в ближайшем будущем российско-украинские отношения будут весьма напряженными, конфликтными и даже чреватými военными столкновениями между двумя государствами, на следующем этапе (скорее всего, после 2016 г.) ситуация в украинском обществе, по мере изживания эксцессов «майданной революции», может несколько измениться в сторону большего реализма и прагматизма. Разумеется, очень многое будет зависеть от перипетий внутривнутриполитической борьбы внутри украинской элиты и внутри украинского общества, от того, удастся ли более прагматичным силам ослабить влияние радикалов и ультранационалистов. Россия жизненно заинтересована в улучшении отношений с Украиной в силу геополитических и геоэкономических обстоятельств, но без соответствующей заинтересованности украинской стороны восстановление и развитие на новой основе российско-украинских отношений невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД 2014 – 2020 ГГ.

В заключении имеет смысл подробнее остановиться на перспективах развития российско-украинских отношений в период до 2020 г. Учитывая, что этот период, как следует из доказавшей свой значительный прогностический потенциал концепции длинных волн²⁰⁸, будет включать множество конфликтных ситуаций и поворотов в мировой политике и международных отношениях, неизбежно будут меняться и отношения между Россией и Украиной, а также между Россией и западными странами. В связи с этим нынешняя, далекая от нормальной ситуация в российско-украинских отношениях не является неизменной, и в будущем возможна частичная нормализация этих отношений, хотя и на новой основе, в условиях, когда Украина будет тесно контактировать и с Западом (с США и странами ЕС), и с Востоком (с Россией и другими странами Евразийского союза).

В то же время следует учитывать, что политический, социальный и экономический кризис на территории Украины, начавшийся в конце 2013 г., который сопровождался резким обострением российско-украинских отношений, неизбежно будет продолжительным и тяжелым. В связи с этим не только российским органам государственной власти, но и российскому гражданскому обществу необходимо разработать **долговременную стратегию** в отношениях с Украиной. Эта стратегия, основанная на защите национальных интересов России, вместе с тем должна быть гибкой и учитывать многочисленные повороты и изменения политической ситуации в Украине и вокруг нее, которые неизбежно будут иметь место и оказывать существенное влияние не только на российско-украинские отношения, но и на отношения между Россией и западными странами. В этой связи особенно важным представляется не запаздывающее реагирование на происшедшие события, а своевременные и адекватные, зачастую, превентивные действия, для чего необходимо общее прогнозирование развития политической ситуации в Украине и ее влияния на российско-украинские отношения.

В целом на основании концепции волнообразной динамики украинских внутривнутриполитических процессов можно прогнозировать, что после периода эйфории во внутренней политике Украины и резкого обострения российско-украинских отношений в период 2014 – 2016 гг. в дальнейшем в украинской политике наступит определенное отрезвление и некоторое смягчение конфронтации между Украиной и Россией. Скорее всего, это будет связано с двумя важными обстоятельствами. Во-первых, экономическая и социально-политическая ситуация на территории Украины постепенно ухудшится настолько, что это потребует от украинского руководства и от украинских элит более взвешенного и более прагматичного подхода к основным проблемам, в

²⁰⁸ Пантин В.И., Лапкин В.В. *Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века*. Дубна: Феникс+, 2006; *Циклы политического развития: прогностический потенциал (отв. ред. В.И. Пантин, В.В. Лапкин)*. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

том числе к отношениям с Россией. Во-вторых, нарастание угрозы исламского экстремизма и терроризма в лице ИГИЛ, Аль-Каиды, движения Талибан и др. рано или поздно заставит США, страны ЕС, Россию и Китай временно забыть о конфронтации и координировать свои действия для отпора общему врагу. При этом и западным странам, и России, и Китаю придется пойти на некоторые уступки с тем, чтобы добиться сложного, но необходимого компромисса. Если такой компромисс будет найден, станет возможной реальная, а не виртуальная «перезагрузка» отношений между Западом и Россией. Альтернативой этому является только дальнейшее скатывание всего мира к неуправляемому хаосу, к «войне всех против каждого и каждого против всех».

Состояние российско-украинских отношений во многом зависит и будет зависеть от состояния отношений между Западом и Россией, особенно от российско-американских отношений. Поэтому для России важно хотя бы отчасти нормализовать отношения с западными странами, не поступаясь при этом своими коренными национальными интересами. В то же время для России чрезвычайно важно, чтобы в украинском обществе и во власти со временем возобладали более трезвые и более «договороспособные» силы. Пока что под сильным давлением радикально-националистических сил украинская власть и украинское общество не вполне способны к трезвой и прагматичной оценке экономической и социально-политической ситуации, а следовательно, и к выполнению наиболее важных соглашений и договоренностей, будь то с Россией, будь то с Европейским союзом или с США. Более того, из-за непрерывной борьбы различных олигархических и полукриминальных групп за власть на территории Украины, из-за наличия огромного количества вооруженных, подчас не подчиняющихся никому полубандитских формирований создается неконтролируемая и чреватая очередными потрясениями политическая ситуация. В этой связи следует иметь в виду, что на протяжении почти всей истории в сознании украинского населения доминировали представления не о свободе, а о «воле» (своеволии, произволе), которые непрерывно порождали то казацкую «вольницу», то махновщину, то бандеровщину. В настоящее время среди населения Украины представления о «воле» продолжают доминировать, воспевается образ «вольного казака», «вольной Украины», «вольнлюбивого украинского народа» и т.п.

В этих чрезвычайно сложных условиях России нельзя ввязываться в открытую и долговременную конфронтацию ни с Украиной, ни тем более с западными странами. Необходимо терпеливо лавировать, не разрушая отношений с Украиной и с Западом, вести дискуссии не только с представителями власти, но и с представителями широких слоев населения, показывая, в частности, к чему может привести поддержка наиболее радикальных националистических сил в Украине и других странах. Угроза со стороны этих сил потенциально существует не только для России, но и для целого ряда европейских стран. Однако прежде всего опасности подвергается само население Украины.

Вместе с тем необходимо тщательно отслеживать процессы, происходящие в российском обществе, не допуская обострения социальных и межэтнических конфликтов, а также не на словах, а на деле бороться с коррупцией и резким имущественным расслоением (вспомним, что одной из важных причин киевского майдана стало недовольство широких слоев

населения Украины коррупцией в высших эшелонах власти и засильем олигархических кланов и группировок). Важную роль в стабилизации социально-политической ситуации в России может также сыграть **политика формирования российской гражданской идентичности**, направленная на укрепление единства общества и осознание большинством граждан своей причастности к делам государства, региона, города или поселка, на регулирование межэтнических и межконфессиональных конфликтов на территории России. Эта политика гражданской идентичности должна сделать основной акцент на возможности развития разных национальностей, этносов и конфессий в рамках единой российской государственности. Более того, политика формирования гражданской идентичности имеет чрезвычайно важное значение и для Украины как альтернатива формирования чисто этнической идентичности на националистической основе.

В длительной перспективе попытки надолго разрушить российско-украинские отношения и интеграционные связи, жестко противопоставить им интеграцию Украины с ЕС вряд ли будут успешными и плодотворными. Гораздо более продуктивными являются процессы создания «большой Европы» от Лиссабона до Владивостока. С учетом такой перспективы формирование Евразийского союза не противоречит долгосрочным интересам развития Европейского союза, а напротив, соответствует им. Постановка вопроса в духе «Украина *или* с Европой, *или* с Россией» является в принципе неверной. Украина должна быть *и* с Европой, *и* с Россией. Только в таком случае возможны полноценная и равноправная интеграция Украины, прекращение конфронтации на территории Украины и конфронтации между западными странами и Россией, успешное развитие российско-украинских отношений, стабилизация мировой политики и мировой экономики, всего мирового порядка.

ОБ АВТОРАХ

Баринов Игорь Игоревич, кандидат исторических наук, эксперт Центра политической конъюнктуры. Для связи с автором: barinovnoble@gmail.com

Лапкин Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Полис. Политические исследования». Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий Отделом внутривполитических процессов ЦЭСПи ИМЭМО РАН. Для связи с автором: v.pantin@mail.ru